

БЕРНАРД КОРНУЭЛЛ

ПОБЕГ СТРЕЛКА ШАРПА
ЯРОСТЬ СТРЕЛКА ШАРПА

The Big Book. Исторический роман

Бернард Корнуэлл

**Побег стрелка Шарпа.
Ярость стрелка Шарпа**

«Азбука-Аттикус»

2004, 2006

УДК 821.111
ББК 84(4Вел)-44

Корнуэлл Б.

Побег стрелка Шарпа. Ярость стрелка Шарпа / Б. Корнуэлл — «Азбука-Аттикус», 2004, 2006 — (The Big Book. Исторический роман)

ISBN 978-5-389-21820-8

В начале девятнадцатого столетия Британская империя простиралась от пролива Ла-Манш до Индийского океана. Одним из строителей этой империи, участником всех войн, которые вела в ту пору Англия, был стрелок Шарп. В романе «Побег стрелка Шарпа» только от героя зависит, захватит ли победоносная армия Наполеона Португалию. Жизнь Шарпа постоянно висит на волоске, опасность подстерегает его со всех сторон. Шарпу придется противостоять завистливым и некомпетентным вышестоящим офицерам, мнимым союзникам, готовым предать в любую минуту, и коварному неприятелю. В романе «Ярость стрелка Шарпа» английская армия стоит на пороге поражения. Испания попала под власть французов. Остался непокоренным только Кадис, за стенами которого идет хитроумная дипломатическая игра. Единственная надежда британцев – Шарп и его однополчане, не желающие признать свое поражение.

УДК 821.111
ББК 84(4Вел)-44

ISBN 978-5-389-21820-8

© Корнуэлл Б., 2004, 2006
© Азбука-Аттикус, 2004, 2006

Содержание

Побег стрелка Шарпа	6
Часть первая. Главные сооружения линии Торрес-Ведрас	8
Глава первая	8
Глава вторая	23
Глава третья	41
Глава четвертая	57
Глава пятая	73
Часть вторая. Коимбра	88
Глава шестая	88
Конец ознакомительного фрагмента.	97

Бернард Корнуэлл Побег стрелка Шарпа. Ярость стрелка Шарпа

Bernard Cornwell
SHARPE'S ESCAPE
Copyright © Bernard Cornwell, 2004

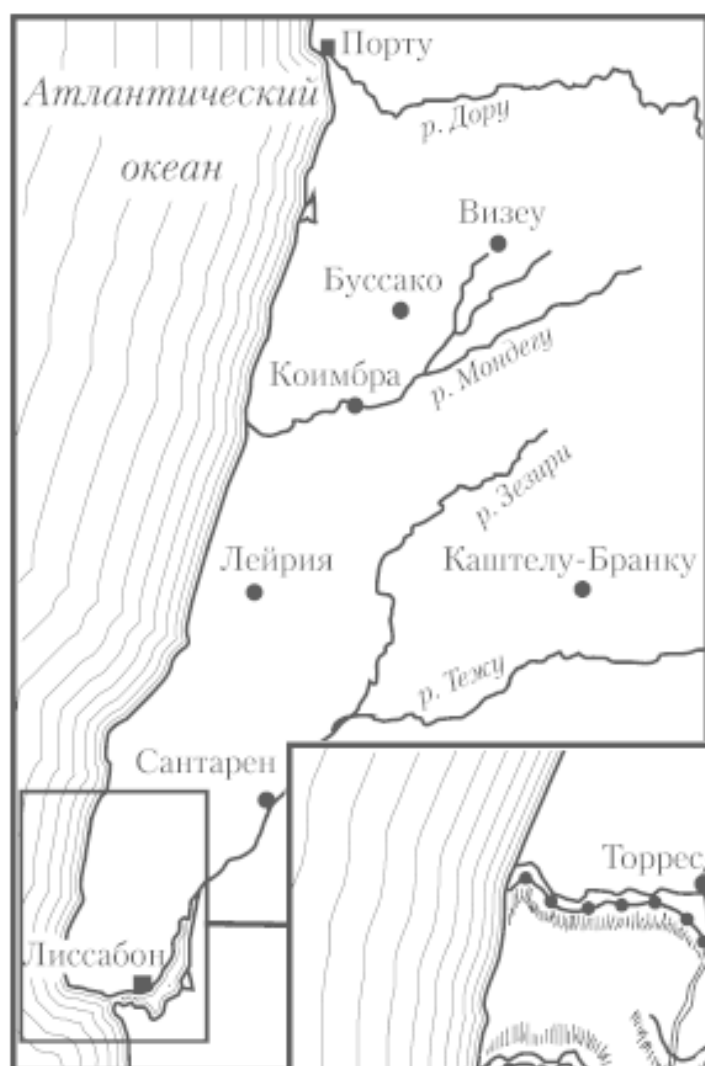
SHARPE'S FURY
Copyright © Bernard Cornwell, 2006

Published by arrangement with David Higham Associates Limited and The Van Lear Agency
LLC
All rights reserved

© С. Н. Самуйлов, перевод, 2009
© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательская Группа „Азбука-Атти-
кус“», 2022
Издательство АЗБУКА®

Побег стрелка Шарпа

«Побег стрелка Шарпа» посвящается СиСи

Кампания 1810 года. Буссако, Португалия

Часть первая. Главные сооружения линии Торрес-Ведрас

Глава первая

Мистер Шарп пребывал в скверном настроении. Паршивом настроении. По мнению сержанта Харпера, он искал на свою голову неприятностей, а сержант Харпер редко ошибался, когда дело касалось капитана Шарпа. И еще сержант Харпер хорошо знал, что связываться с капитаном, когда тот не в духе, себе дороже, но, с другой стороны, жизнь без риска казалась сержанту Харперу слишком пресной.

– Вижу, сэр, форму вам подлатали, – бодро заметил он.

Шарп пропустил реплику мимо ушей. Они поднимались по голому склону под знойным португальским солнцем. Был сентябрь 1810 года, почти осень, но лето задержалось, и окрестный пейзаж иссыхал под палящими лучами. На вершине холма, примерно в миле от Шарпа, стояло некое каменное сооружение, напоминающее по виду амбар. Рядом с ним пристроилась заброшенная телеграфная станция – деревянная конструкция, поддерживавшая высокую мачту с неподвижными, обвислыми от зноя сигнальными крыльями.

– И стежок на мундире такой аккуратный, – продолжал Харпер беззаботным тоном человека, которому и сам черт не брат. – Сразу видно, не ваша рука. Похоже, женская работа, а? – Последнее предложение заключало в себе вопрос.

Шарп и на этот раз промолчал. Длинная кавалерийская сабля нещадно била его по левому бедру. На плече висела винтовка. Офицеру такое оружие не полагалось, однако Шарп когда-то был рядовым и привык, будучи на войне, иметь под рукой достойный инструмент.

– Не иначе как познакомились с кем-то в Лиссабоне? – не унимался Харпер.

Шарп уже закипал, но еще притворялся глухим. Мундир на нем – как верно подметил Харпер, аккуратно заштопанный – был зеленый, потому что Шарп был стрелком. Точнее, он считал себя стрелком, представителем армейской элиты, одним из тех, кому оказана честь иметь бейкеровскую винтовку и носить темно-зеленую форму вместо красной, но превратности войны таковы, что Шарпа с десятком подчиненных направили к красномундирникам, и теперь он командовал легкой ротой Южного Эссекского полка, которая и тащилась за ним вверх по склону. Большинство солдат были в красных мундирах британской пехоты и вооружены гладкоствольными мушкетами, однако некоторые, как сержант Харпер, сохранили верность старым зеленым курткам и винтовкам.

– Так кто она все-таки такая? – спросил напрямик Харпер, устав ходить вокруг да около.

Теперь не выдержал и Шарп:

– Сержант Харпер, хотите неприятностей, продолжайте.

– Есть, сэр, – ухмыльнулся Харпер.

Уроженцу Ольстера, католику и сержанту, ему не полагалось водить дружбу с англичанином, безбожником и офицером, но он эту самую дружбу водил. Харперу нравился Шарп, и он знал, что нравится Шарпу, тем не менее в данном случае язык все же следовало придержать. Вот почему Харпер не произнес больше ни слова, зато просвистел вступительные ноты известной песенки «Как я хотел бы, чтобы кончилась война».

Память тут же отозвалась, и в голове у Шарпа зазвучали начальные строки: «На лужайке поутру, по жемчужной по росе собрала краса-девица синих цветиков букет». Ну и хитрец же этот Харпер! Шарп невольно рассмеялся, потом выругался и бросил мрачный взгляд на победно ухмыляющегося сержанта.

– Жозефина, – обронил он.

– Мисс Жозефина? Вот так так! И как она?

– Вроде бы хорошо, – туманно ответил Шарп.

– Рад слышать, – без малейшего притворства сказал Харпер. – Так вы, сэр, небось, чай у нее пили?

– Пил, сержант. Пил этот чертов чай.

– Ну конечно, сэр. А как же иначе. – Пройдя несколько шагов молча, Харпер пришел к выводу, что будет нелишним испытать удачу еще разок. – Вы же, сэр, и с мисс Терезой любезничали...

– С мисс Терезой? – повторил Шарп, как будто слышал это имя в первый раз, хотя, по правде говоря, в последние недели он только и думал об этой женщине с жестким, ястребиным лицом. Женщине, которая ушла через границу в Испанию с партизанским отрядом. Бросив исподлобья взгляд на сержанта, он увидел широкую физиономию с застывшим выражением полнейшей невинности. – Да, мне нравится мисс Тереза. – Шарп поймал себя на том, что повысил тон, словно человек, которому есть в чем оправдываться. – Мы, может, и не увидимся больше!

– Однако вам бы хотелось, – безжалостно указал Харпер. – Ведь хотелось бы, да?

– Конечно хотелось бы! И что с того? Да, есть такие девушки, которых хочется увидеть снова, но это не значит, что мужчина должен вести себя как какой-нибудь святой, пока их носит черт знает где. Что, не так?

– Вы правы, сэр, – согласился Харпер. – И я понимаю, почему вам так не хотелось возвращаться. Вы там распивали чай с мисс Жозефиной, штопали мундир да веселились. Чего уж тут...

– Я не хотел возвращаться, – оборвал его Шарп, – потому что мне обещали месячный отпуск. А дали, чтоб им провалиться, всего неделю!

Харпер, однако, вовсе не собирался рассыпаться в сочувствиях. Да, начальство объявило капитану месячный отпуск в награду за доставленное из вражеского тыла золото, но в этой веселенькой прогулке участвовала вся рота, и никому больше не дали даже дня отдыха. С другой стороны, он понимал и Шарпа – тот уже размышлял, нацелившись провести целый месяц в постели с Жозефиной, и вдруг такой облом – тут бы и епископ полез в бутылку.

– Одну неделю, – буркнул Шарп. – Чертова армия!

Отступив с тропинки, он оглянулся на подтягивавшуюся роту. Откровенно говоря, скверное настроение имело своей причиной не столько усеченный отпуск, сколько кое-что другое, но признаваться в этом Харперу не хотелось. Пройдя взглядом по колонне, он отыскал лейтенанта Слингсби. Проблема заключалась как раз в нем. В этом чертовом лейтенанте, чтоб его, Корнелиусе Слингсби.

Добравшись до Шарпа, солдаты устало присели у тропинки. Благодаря последнему прибывшему из Англии пополнению под началом у него оказались пятьдесят четыре человека, и все эти новички мозолили глаз свежими красными мундирами. У остальных форма давно выгорела под солнцем и пестрела коричневыми заплатками, так что издали этих воинов можно было легко принять за бродяг. Слингсби, разумеется, уже указал Шарпу на сей факт.

– Новая форма, Шарп, – протянул он визгливым голосом, – придаст людям бодрости. Заставит подтянуться. И дисциплина улучшится. Нужно обратиться в интендантскую службу.

Чертов придурок, думал Шарп. Новая форма поступит в должный срок, скорее всего зимой, и просить раньше просто бессмысленно. К тому же люди привыкли к старой, в которой чувствуют себя удобно. Как привыкли и к французским кожаным ранцам. У новичков ранцы были британские, фирмы Троттера, с тугими ремнями, которые после долгого марша сжимали ребра не хуже полос раскаленного железа. Французские таких проблем не доставляли.

Спустившись к роте, Шарп приказал новичкам показать фляжки с водой и обнаружил, как и ожидал, что они у всех пустые.

– Дурачье. Воду надо распределять. Пить по глотку. Сержант Рид!

- Сэр? – Сержант Рид, красномундирник и методист, предстал перед капитаном.
- Проследите, чтобы воды больше никому не давали.
- Слушаюсь, сэр. Будет исполнено.

Шарп уже знал, что будет дальше. Распухшее горло, надсадное дыхание, во рту будто пыли насыпали – все знакомо. Что ж, по крайней мере в следующий раз такой глупости не допустят. Он дошел до арьергарда колонны.

– Как видите, никто не отстал, – радостно, как рассчитывающий на заслуженную косточку терьер, похвастал Слингсби. Невысокого роста, прямой как палка, с квадратными плечами, он прямо-таки излучал бодрость и деловитость. – Мы с мистером Айлиффом спускаю никому не давали.

Шарп промолчал. Лейтенанта Корнеулиса Слингсби он знал всего неделю и за это время успел проникнуться к нему граничащей с ненавистью неприязнью. Каких-то особенных причин для такой неприязни не было, если не считать причиной то, что все в лейтенанте раздражало его и даже бесило: начиная от плоского, как лопата, затылка, поросычких, навывкате глаз, черных усов, сизого, с рваными жилками вен носа, короткого, как чих, смеха и важной походки. Возвратившись в роту из Лиссабона, Шарп обнаружил, что Слингсби заменил опытного и надежного лейтенанта Роберта Ноулза, назначенного на должность адъютанта в штаб полка.

– Корнелиус некоторым образом родственник одного почтенного лица, – уклончиво объяснил полковник Уильям Лоуфорд. – Вы с ним поладите.

– Вы так думаете, сэр?

– Он поступил на службу довольно поздно, поэтому до сих пор остается лейтенантом.

– Я вот на службу поступил рано, – сказал Шарп, – и тоже все еще лейтенант. Произведен, разумеется, в капитаны, но остаюсь лейтенантом.

– Ох, Шарп, – раздраженно проворчал Лоуфорд. – Никто лучше меня не осведомлен о ваших заслугах. Если бы появилась вакансия... – Он не договорил. Впрочем, Шарп и без того знал ответ. Его произвели в лейтенанты, что было равносильно чуду для человека, пришедшего в армию безграмотным рядовым, и даже назначили на капитанскую должность, однако при этом фактически оставили в прежнем звании. Стать настоящим капитаном он мог, либо купив патент, либо по прямому производству Лоуфорда, что представлялось маловероятным. – Я ценю вас, – продолжал полковник, – но возлагаю на Корнелиуса большие надежды. Ему тридцать. Или тридцать один. Староват для лейтенанта, зато предприимчив и уже имеет немалый опыт.

Опыт. Прежде чем вступить в полк Южного Эссекса, Слингсби провел какое-то время в 55-м, квартировавшем в Вест-Индии, где благодаря лихорадке и был произведен досрочно в лейтенанты. Покомандовав ротой легкой пехоты, парень возомнил, что постиг все премудрости службы. Службу он, может быть, и знал, но боевого – в отличие от Шарпа – опыта не имел никакого.

– Я хочу, чтобы вы взяли его под свое крыло, – закончил полковник. – Поможете ему, а, Шарп?

В чем Шарп с удовольствием помог бы наглецу, так это сойти пораньше в могилу. Однако подобного рода мысли приходилось скрывать, равно как и острое отвращение, которое он испытывал к выскочке-коротышке с первого же дня.

– Мы с мистером Айлиффом видели там каких-то людей. – Слингсби протянул руку в направлении телеграфной станции. – Человек десять, я бы сказал. И на одном, если не ошибаюсь, синяя форма. Как думаете, там никого не должно быть?

Шарп сильно сомневался, что новичок, лишь недавно прибывший из Англии, успел разглядеть хоть что-то, хотя сам он заприметил всадников еще добрых пятнадцать минут назад и с тех пор все задавался вопросом, кто бы это мог быть, потому что официально станция счита-

лась заброшенной. Обычно там находилось несколько солдат, охранявших флотского мичмана, который, манипулируя развешенными на мачте черными мешочками, передавал сообщения из одного конца Португалии в другой. Потом французы где-то оборвали эту цепочку, и англичане убрались с холмов, позабыв уничтожить именно эту станцию. Оставлять ее в целости лягушатникам не было никакого смысла, а потому рота Шарпа получила простой и недвусмысленный приказ: сжечь телеграф.

– Может, француз? – спросил Слингсби, имея в виду синюю форму.

Судя по тону, он уже рвался в бой и был готов штурмовать холм. Вся его короткая фигура выражала эту готовность.

– Не важно, даже если и лягушатники, – хмуро отозвался Шарп. – Нас все равно больше, чем их. Пошлю наверх мистера Айлиффа – пусть его пристрелит. – (Айлифф обеспокоенно завертел головой. В свои семнадцать он выглядел на четырнадцать, мальчишка, отправленный в армию папашей, не придумавшим, чем еще занять сына.) – Покажите фляжку.

Айлифф испуганно посмотрел на него.

– Она пустая, – признался он и съехался, словно ожидая наказания.

– Слышали, что я сказал солдатам насчет пустых фляг? – спросил Шарп. – Что они дураки. Они, но не вы. Потому что вы офицер. А офицеры дураками не бывают.

– Совершенно верно, – вставил Слингсби и фыркнул.

Он всегда фыркал, когда смеялся, и Шарп с трудом подавил желание перерезать ублюдку глотку.

– Цените воду. – Шарп бросил фляжку Айлиффу. – Сержант Харпер! Вперед!

Подъем на вершину занял еще полчаса. Похожее на сарай строение служило, по-видимому, церковью, поскольку в нише над входом стояла статуя Девы Марии. Телеграфная башня примыкала к церквушке и даже опиралась на ее восточный щипец тяжелой деревянной фермой, которая и несла на себе платформу, с которой мичман передавал загадочные сигналы. Сейчас там никого не было, и сигнальные веревки трепыхались на ветру, колотясь о просмоленную мачту. Выкрашенные в черное мешки успели снять, но веревки, с помощью которых их поднимали и опускали, остались, и с одной из них свисала белая тряпица. Увидев ее, Шарп подумал, что неизвестные на холме вполне могли подавать кому-то сигнал.

Сами эти неизвестные стояли у двери в церковь, и с ними был португальский офицер в синей форме, выцветшей настолько, что издалека она могла показаться голубой, как у француз. Офицер и выступил навстречу Шарпу.

– Майор Феррейра, – представился он на хорошем английском. – А вы?..

– Капитан Шарп.

– И капитан Слингсби, – вставил лейтенант Слингсби, проявивший в желании сопроводить Шарпа такое же упорство, как и в незаконном присвоении еще не полученного звания.

– Командую здесь я, – коротко объяснил Шарп.

– С какой целью вы здесь? – требовательно спросил Феррейра.

Высокий, сухощавый, смуглолицый, с аккуратно подстриженными усиками, он держался надменно и явно старался продемонстрировать свое превосходство, тем не менее Шарп уже различил некоторую неуверенность, которую португальский майор пытался замаскировать резкими манерами. Такое поведение неизменно вызывало у Шарпа желание осадить наглеца, но он поборол соблазн.

– Нам приказано сжечь телеграф.

Феррейра бросил взгляд на поднимающихся на вершину солдат. Заявление Шарпа, похоже, удивило его, но уже в следующее мгновение он скрыл удивление за неубедительной улыбкой.

– Я сделаю это за вас, капитан. Так что не извольте беспокоиться.

– Я сам выполняю то, что мне приказано.

Почувствовав враждебность, Феррейра как-то странно посмотрел на англичанина. Шарпу даже показалось, что португалец не удержится от выговора, однако майор только пожал плечами и ответил коротко:

– Что ж, если настаиваете... Только делайте это побыстрее.

– За нами дело не станет, сэр! – поспешил вмешаться Слингсби. – Ждать нечего. – Он повернулся к Харперу. – Сержант! Выполняйте! И поживее, поживее!

Харпер взглянул на Шарпа, ожидая подтверждения приказа, но Шарп не проронил ни слова, и ирландец подозвал дюжину солдат, тащивших на себе набитые соломой фуражирские сети. Еще шестеро поднесли емкости со скипидаром. Солому свалили у четырех опор телеграфной станции и смочили скипидаром. Феррейра, понаблюдав за ними с минуту, возвратился к людям в штатском, явно обеспокоенным прибытием британцев.

– Готово, сэр! – крикнул Харпер. – Поджигать?

Ответить Шарп не успел – его опередил Слингсби.

– Не тяните, сержант! – бросил он. – Поджигайте!

– погоди! – рявкнул Шарп.

Слингсби заморгал, смущенный резкостью его тона. Армейский порядок требует, в частности, чтобы офицеры в общении между собой на глазах у подчиненных поддерживали определенный этикет и уж во всяком случае соблюдали вежливость в отношении друг друга, так что Слингсби, нарвавшись на грубость и откровенно неприязненный взгляд Шарпа, даже попятился в недоумении. Лейтенант нахмурился, но промолчал, а Шарп тем временем вскарабкался по лестнице на платформу, возвышавшуюся над холмом по меньшей мере футов на пятнадцать. Три вмятины в полу указывали, где мичман ставил треногу для наблюдения за соседней станцией и получения сообщений. Располагавшуюся севернее станцию уже уничтожили, но, обратив взгляд на юг, Шарп увидел другую башню, стоявшую где-то между британскими позициями и рекой Криш. Он понимал, что оставаться на нейтральной территории ей придется недолго. Армия маршала Массена уже растекалась по Центральной Португалии, и британцам предстояло отступить к недавно возведенным оборонительным линиям у Торрес-Ведрас. План командования заключался в том, чтобы укрыться за новыми фортификационными укреплениями и отдать инициативу французам – пусть расходуют силы в бесплодных атаках.

А чтобы силы эти истощались еще быстрее, британцы и португальцы, отступая, оставляли после себя голые поля и пустые закрома. Склады, амбары, хранилища – опустошалось все. Урожай сжигали на корню, мельницы разрушали, воду в колодцах травили, бросая в них падаль. Населению предлагалось либо уйти со скотом за оборонительные линии Торрес-Ведрас, либо укрыться в горах, которые французы старались обходить стороной. Цель всех этих мер – оставить врагу выжженную землю, на которой он не найдет даже телеграфных веревок.

Развязав одну из веревок, Шарп стащил белый флаг, оказавшийся на поверку большим носовым платком из тонкого материала, с аккуратно вышитыми синими нитками инициалами ПАФ. Феррейра? Он посмотрел вниз – португальский майор наблюдал за ним.

– Ваш? – крикнул Шарп.

– Нет, – откликнулся Феррейра.

– Тогда мой. – Шарп сунул платок в карман – к явному неудовольствию португальца. Интересно, что бы это значило? – Вы бы убрали их, – он указал на привязанных за церковью лошадей, – пока мы не подожгли башню.

– Спасибо, капитан, – холодно поблагодарил Феррейра.

– Ну что, поджигать? – крикнул снизу нетерпеливый Слингсби.

– Сначала я спущусь! – прорычал Шарп.

Оглядевшись еще раз, он заметил вдалеке, к юго-востоку, облачко серо-белого порохового дыма. Шарп достал подзорную трубу, подарок сэра Артура Уэлсли, ныне лорда Веллингтона, положил ее на балюстраду, опустил на колено и направил трубу в сторону подозри-

тельного дымка. Многое рассмотреть не получилось, но и увиденного вполне хватило, чтобы понять главное: французская кавалерия шла в атаку на британский полк, отступавший под прикрытием арьергарда и орудий королевской конной артиллерии. Он даже расслышал глухую пальбу. Повернув трубу к северу, Шарп прошел взглядом по ближайшим холмам, скалам и голым пастбищам. Ничего... ничего... ничего... и вдруг... Что-то мелькнуло. Он присмотрелся.

Кавалерия. Французская кавалерия. Драгуны. Они были еще далеко, примерно в миле от холма, но направлялись определенно к телеграфной станции. В солнечных лучах блеснули пряжки и стремяна. Сколько же их? Сорок? Шестьдесят? Сосчитать было невозможно – эскадрон спустился в долину и исчез в тени за камнями. Они, похоже, не спешили. Уж не послали ли захватить телеграфную станцию, которая вполне могла послужить французам, как уже послужила британцам?

– У нас гости, сержант! – крикнул сверху Шарп. Приличия требовали, чтобы он обратился к Слингсби, однако разговаривать с этим человеком сейчас Шарп просто не мог, а потому предпочел оповестить Харпера. – Эскадрон драгун, не меньше. Примерно в миле от нас, но будут здесь через несколько минут. – Он сложил трубу, спустился по лестнице и кивнул ирландцу. – Поджигай.

Смоченная скипидаром солома вспыхнула ярким пламенем, а вот дерево занялось не сразу. С интересом наблюдавшие за этим зрелищем солдаты радостно зашумели, когда огонь пополз наконец вверх, облизывая платформу длинными языками. Шарп прошел к восточному краю холма и посмотрел вниз, но никого не увидел. Может, французы свернули? Может, они рассчитывали захватить башню целой и, увидев, что опоздали, решили вернуться?

К нему подошел Слингсби.

– Не хочу устраивать сцену, – негромко сказал он, – но вы обошлись со мной неподобающим образом. Так разговаривать нельзя.

Шарп промолчал. Он с удовольствием выпустил бы убудку кишки.

– Сам бы я стерпел, – по-прежнему не повышая голоса, продолжал лейтенант, – но для солдат это плохой пример. Очень плохой. Подрывает почтение к офицерскому званию.

Шарп знал, что заслужил упрек, однако выслушивать разглагольствования Слингсби не собирался.

– Думаете, они относятся с уважением к офицерскому званию?

– Разумеется. А как же иначе? – Вопрос, похоже, шокировал лейтенанта.

– А вот я никакого почтения не питал, – сказал Шарп. Что это? Уж не пахло ли от Слингсби спиртным? Нет, наверное, показалось. – И когда шагал в строю, думал только о том, что все они мерзавцы, которые только хлеб зря едят.

– Шарп! – попытался протестовать Слингсби, но слова так и не слетели с губ, поскольку в этот момент он увидел поднимающихся по склону драгун.

– Их человек пятьдесят или около того, – бросил Шарп. – Идут сюда.

– Может быть, развернуться? – предложил Слингсби, указывая на восточный склон, густо усеянный крупными булыжниками, которые могли бы стать хорошим укрытием для стрелков. Лейтенант вытянулся в струнку и щелкнул каблуками. – Почту за честь лично...

– Какая, к черту, честь... – Шарп качнул головой. – Чистое самоубийство. Уж если драться, то на вершине, а не рассеявшись по склону. Драгунам помахать саблями – одно удовольствие. – Он оглянулся на церковь. Два маленьких, закрытых ставнями окна вполне могли послужить бойницами. – Сколько еще до заката?

– Без десяти минут три часа, – моментально ответил Слингсби.

Шарп задумчиво хмыкнул. В том, что драгуны рискнут атаковать, он сильно сомневался, но если такое и случится, продержаться до заката не составит труда, а с наступлением темноты противник уйдет сам из страха перед партизанами.

– Оставайтесь здесь, – сказал он Слингсби, – наблюдайте за ними и ничего не предпринимайте без моего разрешения. Вы меня поняли?

Слингсби обиженно нахмурился.

– Конечно понял, – ответил он тоном незаслуженно оскорбленного человека.

– Не уводите людей с вершины, – продолжал Шарп. – Это приказ.

С этими словами он повернулся и зашагал к церкви. Интересно, можно ли пробить в этих древних стенах несколько бойниц? Подходящих инструментов, ломов или кувалд, у них не было, но кирпичи выглядели хрупкими, а раствор уже рассыпался.

Дорогу ему преградили майор Феррейра и несколько человек в штатском.

– Дверь заперта, капитан, – сказал португалец.

– Тогда я ее снесу.

– Но это церковь. – Майор укоризненно покачал головой.

– Значит, я сначала ее снесу, а потом помолюсь о прощении. – Шарп попытался пройти, однако Феррейра выставил перед ним руку. Капитан раздраженно посмотрел на него. – Сюда по склону поднимаются французские драгуны. Церковь нужна мне, чтобы защитить своих людей.

– Вы свое дело здесь сделали, – возразил португалец, – так что уходите. – (Шарп не ответил и снова попытался пройти, но теперь перед ним встали уже двое.) – Это приказ, капитан, – стоял на своем Феррейра. – Уходите!

Человек, стоявший на пути Шарпа, сбросил куртку и закатал рукава рубашки, обнажив огромные руки, татуированные зловещего вида якорями. До сих пор капитан не обращал на него внимания, отметив лишь впечатляющие формы, но теперь поднял голову и увидел в глазах верзилы откровенную ненависть. Сложенный, как борец, татуированный, как моряк, португалец без всяких слов давал понять: британцам здесь делать нечего. Звериная физиономия поражала своей уродливостью: тяжелый лоб, здоровенный подбородок, сплюснутый нос и глубоко посаженные глазки, в которых не было ничего, кроме желания подраться. Верзила заметно расстроился, когда противник сделал шаг назад.

– Вижу, вы человек благоразумный, – вкрадчиво произнес Феррейра.

– За это меня и ценят, – ответил Шарп и, не поворачивая головы, крикнул: – Сержант Харпер!

Вынырнув из-за угла церкви, ирландец сразу понял, что происходит. Увидев его, громила сжал кулаки. Теперь он напоминал бульдога, который только и ждет, когда же хозяин спустит его с цепи. Впрочем, Харпер знал, как управиться с бешеным псом. На плече у него висело удивительное оружие, изготовленное для королевского флота. Семь полудюймовых стволов стреляли залпом, зачастую не только нанося урон неприятелю, но и ломая плечо стрелку. Признанное слишком мощным, оно тем не менее выглядело едва ли не игрушкой в руках ирландца и смотрело сейчас в грудь человеку, вставшему на пути Шарпа. Курок не был взведен, однако гражданские этого не заметили.

– Есть проблемы, сэр? – с невинным видом спросил Харпер.

Феррейра забеспокоился. Двое или трое из стоявших рядом с ним штатских при появлении ирландца вытащили пистолеты. Зашелкали курки. Запахло бедой. Дело могло обернуться кровопролитием, и майор приказал своим людям убрать оружие. Его никто не послушал, однако, когда те же слова повторил татуированный громила, португальцы мгновенно спрятали пистолеты. Отчаянные мерзавцы, напоминавшие Шарпу головорезов, правивших на улицах Восточного Лондона, где прошло его детство, они откровенно боялись своего предводителя. Судя по сломанному носу и шрамам на щеках и лбу, он был уличным бойцом, но при этом человеком небедным, на что указывали дорогая холщовая рубашка, штаны из тонкого сукна и сапоги с золотыми кисточками, сшитые из мягкой кожи. Лет сорока, в расцвете сил, он держался с уверенностью человека, сознающего свое превосходство. Смерив сержанта оцениваю-

щим взглядом как потенциального противника, португалец неожиданно улыбнулся, поднял с земли куртку и, отряхнув от пыли, надел.

– То, что в церкви, – произнес он, делая шаг к Шарпу, – моя собственность.

У него был сильный акцент и грубый, словно говорить мешали камни во рту, голос.

– Ты кто? – спросил Шарп.

– Позвольте... – начал Феррейра, но верзила не дал ему закончить:

– Мое имя – Феррагус.

– Сеньор Феррагус. Капитан Шарп. – Майор посмотрел на соотечественника и пожал плечами, как бы показывая, что события вышли из-под его контроля.

Великан сделал еще шаг к Шарпу:

– Ваши дела здесь закончились, капитан. Башни нет, так что можете идти.

Шарп ступил в сторону и, не оглядываясь, направился к церкви. За спиной у него щелкнуло – Харпер взвел курок.

– Поосторожнее, – произнес ирландец, – штука эта ненадежная, бывает – сама стреляет. А если выстрелит, рубашку вам, сэр, сильно попортит.

Похоже, громила двинулся за Шарпом, но сержант охладил его пыл.

Дверь не была заперта. Шарп распахнул ее и остановился на пороге, чтобы глаза привыкли к полумраку после яркого света дня, но потом огляделся, понял, в чем дело, и выругался.

Он ожидал увидеть то, что видел в десятках других церквушек, – голое помещение, но здесь картина была другая. Все пространство занимали сваленные наспех мешки, и только к алтарю вел узкий проход. Выцветший образ Девы Марии украшали листочки с обращениями к небесным силам, оставленные отчаявшимися крестьянами, приходившими сюда в надежде на чудо. Теперь Богоматерь печально взирала на мешки. Шарп вытащил саблю и проткнул первый мешок. Из дырки потекла мука. Такая же белая струйка побежала из второго. Феррагус, видя, что происходит, по-видимому, обратился с претензиями к майору, который неохотно вошел в церковь.

– Мука находится здесь с ведома моего правительства, – сказал майор Феррейра.

– Можете это доказать? – спросил Шарп. – Бумага есть?

– Вас это не касается. Уходите.

– У меня есть приказ, – возразил Шарп. – Каждый обязан выполнять свой приказ. И приказ этот таков: не оставлять французам продовольствия. Никакого.

Он проткнул еще один мешок и повернулся, когда свет заслонила фигура вошедшего в церковь Феррагуса. Великан двинулся по проходу, и Феррейра, чтобы дать ему пройти, прижался к мешкам. Шарп громко кашлянул и шаркнул ногой.

Феррагус протянул руку. На раскрытой ладони лежали монеты. Золотые монеты. Наверное, с дюжину. Они были больше и толще английских гиней и составляли примерно три годовых оклада Шарпа.

– Можем поговорить, – сказал португалец. – Вдвоем. Ты и я.

– Сержант Харпер! – крикнул Шарп. – Что там лягушатники поделявают?

– Остановились, сэр. Ближе не подходят, но и не уходят.

Шарп посмотрел на Феррагуса:

– Вас не удивляет, что здесь появились французы? Может, вы их ждали?

– Я прошу вас уйти. – Феррагус надвинулся на Шарпа. – Вежливо прошу, капитан.

– А если не уйду? Если останусь и выполню приказ? Уничтожу муку? Что тогда, а, сеньор?

Вероятно, верзила не привык, чтобы ему возражали, потому что остаться спокойным ему удалось лишь крайним напряжением воли: лицо напряглось, по телу прошла судорога.

– Если ты не уйдешь, капитан, – проговорил он глухо, – я найду тебя в твоей армии и сделаю так, что ты пожалеешь о сегодняшнем дне.

– Вы мне угрожаете? – изумился Шарп.

Майор Феррейра, стоявший за спиной Феррагуса, попытался вмешаться, но на него уже никто не обращал внимания.

– Возьми деньги, – проговорил Феррагус.

Кашляя и шаркая ногой, Шарп замаскировал щелчок курка. Винтовка висела у него на правом плече, и дуло почти касалось уха. Опуская руку к курку, он взглянул на монеты, и Феррагус, должно быть решив, что убедил британца, поднес золото поближе. В этот самый момент Шарп посмотрел ему в глаза и спустил курок.

Пуля ударила в крышу, а небольшое помещение наполнилось дымом и эхом выстрела. Шарпа оглушило, а Феррагус на полсекунды отвлекся, и в эти полсекунды Шарп врезал ему коленом в пах, ткнул растопыренными пальцами в глаза и нанес короткий удар правой в кисть. В честной схватке у него не было бы ни малейшего шанса, но Шарп, как и Феррагус, считал честные схватки делом дураков. Он понимал, что должен свалить противника быстро и вывести его из строя наверняка, чтобы тот пришел в себя не раньше чем через час. И у него все получилось. Верзила согнулся от боли, хватая ртом воздух, и Шарп, оттащив его к алтарю, вернулся к застывшему в ужасе Феррейре.

– Хотите что-то сказать, майор? – спросил он и, когда португалец лишь покачал молча головой, вышел из церкви на солнечный свет. – Лейтенант Слингсби! Что там делают чертовы драгуны?

– Держатся на расстоянии, Шарп, – отозвался лейтенант. – А что там был за выстрел?

– Показал нашему португальскому другу, как работает винтовка. На каком расстоянии они держатся?

– Не меньше полумили. Стоят у подножия холма.

– Не теряйте их из виду, – распорядился Шарп. – И пришлите сюда тридцать человек. Немедленно! Мистер Айлифф! Сержант Макговерн!

Прапорщик Айлифф получил задание вынести из церкви мешки с мукой. Солдаты вытаскивали их, резали и высыпали содержимое на землю. Через несколько минут появился и Феррагус. Он хромал и с трудом держался на ногах. Португальцы заволновались, увидев своего вожака, однако дальше сердитых взглядов дело не пошло: силы были явно не равны и им оставалось только смириться. Отдышавшись, Феррагус обратился к Феррейре, по-видимому, с какими-то претензиями, но тому все же удалось образумить соотечественника, и в конце концов все сели на лошадей и спустились с холма по западному склону.

Удостоверившись, что они уехали, Шарп присоединился к Слингсби. Горевшая у него за спиной телеграфная башня внезапно накренилась и с громким треском рухнула, разбросав во все стороны искры и пыль.

– Где лягушатники?

– В том овраге. – Слингсби указал вниз. – Уже спешили.

Развернув подозрную трубу, Шарп увидел двух прячущихся за камнями солдат в зеленой форме. Один из них, тоже вооруженный подозрной трубой, обернулся и посмотрел вверх. Шарп помахал ему рукой.

– Толку от них здесь никакого, верно?

– Возможно, французы еще собираются атаковать нас, – предположил Слингсби.

– Ну, если только им жить надоело.

Судя по всему, сюда они пожаловали, увидев на башне белый флаг, и теперь, когда флаг исчез, а башня обрушилась, не знали, что делать.

Шарп перевел трубу южнее, туда, где из долины, что лежала у дороги за рекой, все еще поднимался дым. Британский арьергард держался, но без поддержки, и Шарп знал, что они вот-вот отступят, потому что на соседние поля уже легли тяжелые тени наступающих колонн главной французской армии. Перед *L'armee de Portugal*, как называли ее сами французы, стояла задача: отогнать британцев к Лиссабону, а потом сбросить в море, чтобы еще одна европейская

страна встала под трехцветное знамя. Впрочем, в данном случае неприятеля ждал сюрприз: выжженная территория, голод и затем оборонительные линии Торрес-Ведрас.

– Что-нибудь видите? – Слингсби подошел ближе, явно горя желанием посмотреть в подзорную трубу.

– Пили ром? – спросил Шарп, снова ловя в воздухе знакомый запах.

Слингсби сначала задержался, потом решил оскорбиться.

– Протираю лицо, – грубовато ответил он, похлопывая себя по щекам. – От мух...

– От чего?

– Да от мух. На островах все так делают.

– Черт знает что. – Шарп сложил трубу и опустил в карман. – Французы там. – Он вытянул руку в направлении на юго-восток. – Тысячи чертовых лягушатников.

Оставив лейтенанта наблюдать за далекой армией, он вернулся к солдатам, которые, вытянувшись цепью, передавали из церкви мешки с мукой и высыпали содержимое на склоне. Издалека могло показаться, что люди стоят по шиколотку в снегу. Мучная пыль плыла в воздухе, словно пороховой дым, мягко ложилась на землю, собиралась холмиками, а между тем из двери вытаскивали все новые и новые мешки. Шарп уже прикинул, что работа займет около двух часов. Поставив в цепь дополнительно десять стрелков, он отправил еще десяток красномундирников для усиления пикета Слингсби. Не хватало только, чтобы красномундирники начали жаловаться, что вся тяжелая работа падает на них, тогда как стрелкам достаются обязанности полегче. Шарп и сам встал в цепь. Прогоревшие уголья от рухнувшей башни выделялись на белом поле черными пятнами.

Они рассыпали последние мешки, когда подошел Слингсби.

– Драгуны ушли, – доложил он. – Наверное, увидели нас и ретировались.

– Хорошо. – Шарп изо всех сил старался не сорваться на грубость, а потому отошел к сержанту Харперу, который наблюдал за удаляющимися французами. – Ну что, Патрик, не хотят они с нами связываться, а?

– Да, соображают получше, чем тот идиот с переломанным носом. Задали вы ему, а?

– Ублюдок... хотел меня купить.

– Купить? Ох, что за мерзкий мир, – пожаловался Харпер. – А вот я всегда хотел продать, да никто не предлагает. – Он закинул на плечо семистволку. – Так что они тут делали?

– Ничего хорошего. – Шарп отряхнулся, вытер руки и лишь затем надел мундир, уже перепачканный мукой. – Наш приятель мистер Феррагус намеревался продать муку лягушатникам, а тот чертов майор был с ним заодно.

– Это они вам так сказали?

– Они мне, конечно, ничего не сказали, но подумай сам, что еще они могли здесь делать? Даже повесили белый флаг, подавая знак, что все в порядке. Если бы не мы, эти мерзавцы сбывли бы лягушатникам всю муку и неплохо погрели руки.

– Святые угодники, – проворчал Харпер, качая головой. – Жаль только, что драгуны не пожелали поразвлечься.

– Жаль? Да ради чего ж драться? – удивился Шарп.

– Ну, вы могли бы раздобыть себе лошадь.

– И на кой дьявол мне лошадь?

– Не знаю, а вот только у мистера Слингсби лошадь скоро будет. Сам мне сказал. Говорит, будто коня ему полковник обещал.

– Меня их дела не касаются, – отмахнулся Шарп, но мысль о том, что у Слингсби будет лошадь, уже засела занозой. Лошадь – хотел бы того Шарп или нет – в немалой степени символ положения. Вот же чертов Слингсби, думал он, с тоской всматриваясь в далекие холмы, над которыми повисло опускающееся солнце. – Ладно, пора домой.

– Есть, сэр, – отозвался Харпер.

Сержант прекрасно понимал, отчего мистер Шарп в таком скверном настроении, но сказать этого не мог. Офицеры, они ведь вроде как братья по оружию, а не кровные враги.

В обратный путь выступили уже на закате. За спиной остался белый курящийся холм. Впереди – армия, а за ней французы.

Которые вернулись в Португалию.

Мисс Сара Фрай, которой никогда не нравилась ее фамилия, постучала по столу.

– По-английски. Говорите по-английски, – потребовала она.

Томаш и Мария, соответственно восьми и семи лет, пусть и не выразили радости по этому случаю, все же послушно перешли с родного португальского на английский.

– «У Роберта есть обруч, – прочитал Томаш. – Обруч – красный».

– Когда придут французы? – спросила Мария.

– Французы не придут, – отрезала Сара, – потому что их остановит лорд Веллингтон. Какого цвета обруч, Мария?

– *Rouge*, – ответила по-французски Мария. – Если французы не придут, то зачем же мы грузим вещи на подводы?

– Мы говорим на французском по вторникам и четвергам, – напомнила Сара, – а сегодня у нас что?

– Среда, – ответил Томаш.

– Продолжай, – сказала Сара, выглядывая из окна во двор, где слуги грузили на подводы мебель.

Французы приближались, и всем было приказано покинуть Коимбру и отправиться на юг, в сторону Лиссабона. Некоторые утверждали, что разговоры о продвижении французов всего лишь слухи, и отказывались уезжать, другие уже уехали. Сара не знала, чему верить, но с удивлением обнаружила, что в глубине души радуется переменам. Третий месяц работала она гувернанткой в доме Феррейры и теперь рассчитывала, что французское вторжение даст предлог отказаться от места, согласие занять которое было ошибкой с ее стороны. Раздумывая о неясном будущем, молодая женщина опомнилась только тогда, когда захихикала Мария. Томаш прочитал, что осел синий, что было уж совершенной чушью, а мисс Сара Фрай не собиралась мириться с такими вольностями. Она призвала озорника к порядку, постучав его по макушке костяшками пальцев:

– Так какого цвета осел?

– Коричневый, – ответил Томаш.

– Коричневый, – согласилась Сара и легонько тюкнула его еще разок. – А ты какой?

– Тупой, – отозвался мальчишка и шепотом добавил: – *Cadela*.

Слово было ругательное, означало «дрянь», и Томаш произнес его достаточно громко, чтобы заработать наказание пострее.

– Не люблю, когда ругаются, – сердито сказала Сара. – И не потерплю грубости. А если не будешь вести себя вежливо, попрошу, чтобы твой отец сам тебя наказал.

Предупреждение подействовало, дети моментально притихли, и в классе воцарилась гнетущая, унылая атмосфера. Томаш кое-как добрался до следующей страницы. Детей в португальских семьях учили английскому и французскому, полагая, что, когда они вырастут, этого будет достаточно, чтобы считаться аристократией. Сару удивляло, что они не занимаются испанским, но, когда она однажды предложила майору включить в программу и этот язык, он едва не взорвался от возмущения. Испанцы, заявил Феррейра, отродье козлов и обезьян, и его дети никогда не осквернят себя мерзкой речью дикарей. Вот почему Томаш и Мария учили только английский и французский, а их гувернанткой была двадцатидвухлетняя англичанка, голубоглазая и светловолосая, которую в настоящее время сильно беспокоило ее будущее.

Отец ее умер, когда дочери исполнилось десять, мать отошла в мир иной год спустя, и Сара росла в доме дяди, который неохотно оплачивал ее учебу, но отказал в каком-либо приданом по достижении племянницей восемнадцати лет. Не имея возможности выйти на брачный рынок, она поступила воспитательницей в семью английского дипломата, отправлявшегося в Лиссабон. Там Сара и познакомилась с женой майора Феррейры, предложившей удвоить плату, если она согласится заняться ее двумя детьми.

– Я хочу, чтобы вы вышколили их, – сказала Беатрис Феррейра.

Так Сара и оказалась в Коимбре.

Томаш и Мария читали по очереди; в гостиной тяжело тикали часы.

– «Конь вороной», – прочитала Мария.

– Вороной, – поправила девочку Сара.

– А что такое «вороной»?

– «Вороной» значит «черный».

– Тогда почему нельзя сказать, что он черный?

– Потому что он вороной. Читай дальше.

– А почему мы не уезжаем? – спросила Мария.

– Об этом вам лучше спросить у отца, – ответила Сара.

Вообще-то, она и сама бы хотела это знать. Судьба Коимбры была predetermined – город достанется французам, – но власти утверждали, что враг не найдет здесь ничего, кроме пустых зданий. Склады, кладовки, лавки – захватчики нигде не найдут ни крошки, их ожидает голод. При всем том, когда Сара выходила с детьми на прогулку, она видела в складах у пристани горы британской провизии. Некоторые богатые семьи покинули город, забрав с собой все, что можно было увезти, но майор Феррейра, похоже, решил подождать до последнего момента. Лучшую мебель, правда, приготовили к отправке, однако сделать последний шаг он не спешил. Перед тем как майор отбыл на север, в войска, Сара сама спросила, почему он не отправляет семью в Лиссабон, но Феррейра лишь посмотрел на нее, явно застигнутый вопросом врасплох, а потом сказал, что ей не о чем беспокоиться.

А она беспокоилась. И одной из причин беспокойства был сам майор Феррейра. Платил он щедро, но к высшему кругу португальского общества не принадлежал. В его роду не было аристократов, предки майора не носили звучных титулов и не владели обширными земельными угодьями. Его отец был простым учителем, получившим неожиданное наследство после смерти далекого родственника, и это наследство дало майору возможность жить хорошо, с достатком, но не роскошно. Гувернантку судили не по тому, как она справляется с вверенными ее заботам детьми, а по положению семьи, в которой она работала. Майор Феррейра не имел ни привилегий аристократии, ни дара большого интеллекта, что особенно ценилось в университетском городе. А этот его брат! Матушка Сары – упокой Господь ее душу! – охарактеризовала бы его одним словом: «деревенщина». В семье Феррагус считался черной овцой, блудным сыном, сбежавшим из отчего дома и вернувшимся богатым, но не для того, чтобы успокоиться и осесть, а чтобы терроризировать город, подобно волку, поселившемуся в загоне для коз. Сара боялась Феррагуса, как, впрочем, и все, за исключением майора Феррейры. В городе на Феррагуса посматривали искоса, называли плохим, бесчестным человеком и даже преступником. Разумеется, такое отношение переносилось и на майора, а следовательно, и на гувернантку.

И все-таки уйти из семьи Сара не могла. Как уйти, если нет денег, чтобы оплатить проезд до Англии? И даже если она доберется туда, то как получит новую работу без рекомендаций от прежнего хозяина? Ситуация трудная, но мисс Сара Фрай была не робкого десятка, и ее не пугали ни отсутствие денег и рекомендаций, ни французское вторжение. Она знала, что выберется. Жизнь дана человеку не для страданий. Жизнь – поле для битвы.

– «Лиса – рыжая», – прочитала Мария.

В гостиной тикали часы.

Шарп не понимал эту войну. Отступая на запад, в центральные районы Португалии, полк Южного Эссекса выполнял сейчас роль армейского арьергарда, хотя за ними тащились еще два кавалерийских полка и часть конной артиллерии, в задачу которых входило отражение наскоков передовых подразделений кавалерии противника. Большой активности французы не проявляли, так что полк вполне успевал уничтожать обнаруженные запасы провизии, будь то урожай в поле или скот на лугу. Ничего не оставлять врагу, снова и снова напоминало начальство. И вроде бы все уже должны были быть за оборонительными рубежами Торрес-Ведрас, но при этом в каждой деревне солдаты находили что-то припрятанное: коз в сарае или бочку с оливковым маслом. Животных убивали штыками, трупы сжигали в наскоро выкопанной траншее, масло выливали на землю. Французские армии всегда славились тем, что брали необходимое у местных, не стесняясь прибирать к рукам то, что плохо лежит, вот почему теперь отступающие выметали все до последней крошки.

Пока никаких признаков того, что враг наступает на пятки, заметно не было. Не палили пушки, не звенели, сталкиваясь в короткой схватке, клинки, не скакали раненые кавалеристы. Посматривая то и дело на восток, Шарп замечал иногда проплывающее в небе серое пятно пыли, поднятое солдатскими сапогами, но то могло быть и полуденное марево. Утром он услышал взрыв – звук донесся спереди, из долины, где британские саперы взорвали мост. Солдаты ворчали – им предстояло переходить реку вброд, но точно так же они ворчали бы, если б мост остался, потому что тогда у них не было бы возможности запастись водой.

Командир первого полка полковник Уильям Лоуфорд провел большую часть дня в арьергарде колонны, разъезжая туда-сюда на недавно купленном вороном мерине, которым он очень гордился.

– Отдал Порцию Слингсби, – сообщил полковник Шарпу.

Теперь, глядя на важно гарцующего лейтенанта, посторонний мог подумать, что это он командует ротой. Лоуфорд, должно быть, тоже понимал это, поскольку уже несколько раз высказался в том смысле, что офицеру не подобает ходить пешком.

– Солдаты, Шарп, смотрят на коня и проникаются уважением. Почему бы и вам не купить кобылку? Вы ведь можете себе это позволить?

Что он мог себе позволить, а чего не мог, тем Шарп делиться с полковником не собирался:

– Предпочитаю, сэр, чтобы солдаты смотрели на меня, а не на коня.

– Ну, вы же понимаете, что я имею в виду. – Грубоватый тон капитана нисколько не задел Лоуфорда. – Если хотите, могу порасспрашивать и найти вам что-нибудь подходящее. Майор Пирсон из пушкарей вроде бы собирался продавать одного из своих мерин. Думаю, я смог бы договориться с ним о приемлемой цене.

Шарп промолчал. Он не питал большой симпатии к лошадям, однако его задевало, что какой-то Слингсби, едва появившись в полку, уже раскатывает верхом. Лоуфорд подождал ответа, но, поскольку никакого ответа не последовало, пришпорил коня и проехал на несколько футов вперед.

– Так что думаете, Шарп? – повторил он уже с ноткой нетерпения.

– Думаю? О чем, сэр?

– О Молнии! Это у него кличка такая. Молния. – Полковник потрепал коня по шее. – Хорош, а?

Шарп молча посмотрел на мерина.

– Ну же! – воскликнул Лоуфорд. – Скажите что-нибудь! Разве вы не видите его достоинств?

– У него четыре ноги, – неохотно проворчал Шарп.

– И это все? – Полковник укоризненно покачал головой. – Ох, Шарп. – Он повернулся к Харперу. – А вы что скажете, сержант?

– Он великолепен, сэр, – не кривя душой, ответил ирландец. – Просто великолепен. Слушаем, не ирландец?

– Точно! – обрадованно воскликнул Лоуфорд. – Так и есть, ирландец! Из графства Мит. Вижу, сержант, в лошадях вы разбираетесь. – Он ласково погладил коня по ушам. – А как препятствия проходит! Вот бы дома его проверить. – Полковник наклонился к Шарпу и доверительно прошептал: – Должен признаться, обошелся недешево.

– Не сомневаюсь, сэр. Вы передали мое донесение насчет телеграфной станции?

– Да, передал, только в штабе сейчас неразбериха, все заняты, так что, боюсь, из-за нескольких фунтов муки никто беспокоиться не станет. Но вы все правильно сделали.

– Я не о муке думал, сэр, а о майоре Феррейре.

– Не сомневаюсь, что всему есть какое-то объяснение. – Лоуфорд махнул рукой, показывая, что дело не стоит и выведенного яйца, и поскакал вперед.

Шарп проводил его хмурым взглядом. Ему нравился Лоуфорд, которого он знал много лет, еще с Индии, и считал человеком умным, доброжелательным, с единственным, пожалуй, недостатком, заключавшимся в стремлении избегать неприятностей. Не в бою, нет – полковник никогда не уклонялся от стычки с французами, – ему претили разборки среди своих. Будучи по натуре дипломатом, Лоуфорд всегда старался сгладить углы, найти устраивающее всех решение, что проявилось и в данном конкретном случае. Шарпа удивило, что Лоуфорд не выдвинул против португальца никаких обвинений. Полковник жил в мире, где на твякающего пса не обращали внимания, предпочитая считать, что он спит.

Выкинув из головы недавнюю стычку с Феррейрой, Шарп зашагал дальше, деля мысли между ротой, с одной стороны, и Терезой и Жозефиной – с другой. Он все еще размышлял о них, когда промчавшийся в противоположном направлении всадник развернулся вдруг и подъехал ближе:

– Опять неприятности, Ричард?

Шарп вздрогнул и, подняв голову, увидел беззаботно улыбающегося и явно далекого от тяжких дум майора Хогана.

– Неприятности, сэр? У меня?

– Что-то вы не в духе. Встали не с той ноги?

– Мне обещали месяц отпуска, сэр. Месяц, черт возьми! А дали всего неделю.

– Уверен, вы провели ее с толком.

Хоган был ирландцем и служил в саперах, но, будучи человеком редкой проницательности и наблюдательности, привлек внимание Веллингтона и теперь занимался тем, что собирал всевозможные сведения о противнике. Он отыскивал зерно истины в слухах, которые разносили торговцы, дезертиры и болтуны, проверял сообщения, присланные партизанами, нападавшими на французов по обе стороны от испано-португальской границы, расшифровывал донесения, изъятые у вражеских гонцов и нередко залитые кровью. А еще Хоган был хорошим другом Шарпа.

– Вчера вечером в штаб приходил один джентльмен. – Майор нахмурился, глядя на стрелка сверху вниз. – Подал на вас официальную жалобу. Хотел попасть к самому Веллингтону, но у того и поважнее дел хватает, так что заниматься им пришлось мне. К счастью для вас.

– Джентльмен?

– Называю его так, чтобы не употреблять слово покрепче. Феррагус.

– А, этот ублюдок.

– В чем его, пожалуй, нельзя обвинить, так это в незаконнорожденности.

– И что он сказал?

– Что вы его избили.

– Ну, тогда не соврал.

– Господи, Ричард! – Хоган прищурился. – Вы, кажется, совсем не пострадали. И что, действительно избили?

– Так, приложился, – пожал плечами Шарп. – Он рассказал вам из-за чего?

– Не совсем, но я понял. Этот Феррагус, он и впрямь собирался продать муку французам?

– Около двух тонн. И с ним был португальский офицер.

– Его брат, – уточнил Хоган. – Майор Феррейра.

– Брат?!

– Не похожи, верно? Тем не менее они братья. Педро Феррейра – примерный сын. Ходил в школу. Вступил в армию. Женился на приличной женщине. Уважаемый в городе человек. А братец сбежал из дома и пошел по кривой дорожке. Феррагус – это кличка. Так вроде бы звали легендарного португальского великана, шкуру которого не брал даже меч. Полезное качество. И все же его брат оказался куда полезнее. Майор Феррейра делает для португальцев то, что я делаю для Веллингтона, только он, смею полагать, не столь ловок. Но у него есть друзья во французском штабе.

– Друзья? – недоверчиво переспросил Шарп.

– На сторону французов перешло немало португальцев, – объяснил Хоган. – Главным образом идеалисты, считающие, что сражаются за свободу, справедливость, братство и прочую чушь. Феррейра поддерживает с ними связь, что крайне выгодно нам. Что же касается Феррагуса... – Майор поднял голову, наблюдая за кружащим высоко над холмами ястребом. – Этот верзила, Ричард, изрядный мерзавец. Хуже просто не бывает. Знаете, где он выучил английский?

– Откуда мне знать?

– Сбежав из дома, записался матросом на корабль, – пропустив мимо ушей грубоватую реплику Шарпа, продолжал Хоган, – и попал в какую-то передрагу, после чего оказался в королевском флоте. Выучил английский в не самом приличном его варианте, заработал репутацию жестокого кулачного бойца и дезертировал где-то в Вест-Индии. Потом, наверное, попал на невольничий корабль и поднялся из низов. Сейчас называет себя купцом, но я сильно сомневаюсь, что он торгует чем-то разрешенным.

– Рабами?

– Уже нет, но именно на этом и заработал состояние. Перевозил бедолаг с гвинейского побережья в Бразилию. Теперь живет в Коимбре и продолжает как-то делать деньги. Впечатляющий тип, как вам кажется? И не без достоинств.

– Как это?

– Феррейра утверждает, что у его брата связи по всей Португалии и в Западной Испании, что весьма похоже на правду.

– То есть вы его отпустили? Даже не предъявив обвинения в измене.

– В сущности, да, – бесстрастно согласился Хоган. – Две тонны муки – мелочь в общем стратегическом раскладе, а майор Феррейра убедил меня, что его брат на нашей стороне. Короче, я извинился перед нашим великаном, сказал, что вы неотесанный грубиян, заверил, что вам объявят выговор – это, считайте, уже сделано, – и пообещал, что он никогда больше вас не увидит. – Майор сверкнул зубами в улыбке. – Так что дело закрыто.

– Получается, я исполнил долг и оказался в дерьме.

– Что ж, вы, по крайней мере, постигли смысл службы, – беззаботно кивнул Хоган. – Кстати, маршал Массена составил вам компанию.

– Вот как? – удивился Шарп. – А я-то думал, что он наступает, а мы отступаем.

Хоган рассмеялся:

– Перед ним было три дороги, две вполне приличные и одна совершенно разбитая. Так вот Массена умудрился выбрать ту самую, плохую. – (Дорога и впрямь оставляла желать лучшего – две наезженные колеи по обе стороны разделяющей их полосы травы, усеянные кам-

нями, на которых легко ломалось колесо подводы.) – И эта самая дорога ведет напрямиком в местечко под названием Буссако.

– Я должен был о нем слышать?

– Весьма неприятное место для того, кто пожелает его атаковать. Наш Пэр собирает там силы в надежде дать мсье Массена по носу. Так что, Ричард, нас ждут большие дела.

Хоган поднял руку, тронул стремяна и поскакал вперед, кивнув на ходу ехавшему навстречу майору Форресту.

– В следующей деревне, Ричард, две печи, – сказал Форрест, – и полковник хочет, чтобы ваши парни занялись ими.

Печи представляли собой каменные громадины, в которых местные жители пекли хлеб. Вооружившись топорами, солдаты разнесли их на кусочки и продолжили марш.

Их целью было местечко под названием Буссако.

Глава вторая

Роберт Ноулз и Ричард Шарп стояли на вершине хребта Буссако, наблюдая за тем, как французская армия маршала Массена, стекая полк за полком, батарея за батареей и эскадрон за эскадроном по склонам восточных холмов, заполняет собой долину.

Британские и португальские войска уже заняли громадный хребет, протянувшийся с севера на юг и блокировавший дорогу, по которой французы наступали на Лиссабон. Горный массив возвышался примерно на тысячу футов над окружающей местностью, и его восточный склон, перед которым и оказались французы, отличался большей крутизной, чем западный. Вверх по этому склону, прокладывая извилистый путь между камнями и кустарниками, шли две дороги, причем лучшая из них, отклоняясь на север, тянулась к самой вершине, под которой на выступе притулилась крохотная деревушка. Внизу, в долине, за поблескивающей лентой реки рассыпались еще несколько селений, занять которые и спешили сейчас французы.

С высоты птичьего полета британцы и португальцы видели, как противник, появившись из поросшей лесом низины между холмами, проходит мимо ветряной мельницы и поворачивает к югу, чтобы выйти на намеченные позиции. Французы, в свою очередь, задрав голову, могли увидеть на вершине кряжа с десятков наблюдающих за ними неприятельских офицеров. Сама армия, с большей частью ее пушек, была укрыта от французского глаза. Хребет, растянувшийся на десять миль, представлял собой естественное препятствие, и генерал Веллингтон приказал, чтобы солдаты держались подальше от края, дабы не выдать врагу, где самая сильная оборона.

– Нам, можно сказать, крупно повезло, – с чувством заметил Ноулз.

– Повезло? – с совсем другим чувством проворчал Шарп.

– Увидеть такое. – Ноулз сделал широкий жест, включавший в себя и величественный пейзаж, и движущиеся внизу тысячи людей.

Посмотреть и впрямь было на что. Маршировали вольным строем пехотинцы, чьи голубые мундиры бледнели на фоне зеленой долины; освобожденные от строгой дисциплины марша, скакали вдоль реки всадники, взбивая облачка пыли. А колонны все выходили и выходили из низины, словно демонстрируя всю мощь Франции. У мельницы заиграл оркестр, и, хотя расстояние было слишком велико, Шарпу показалось, что он слышит глухие удары большого барабана.

– Целая армия! – восторгался Ноулз. – Жаль, не захватил блокнот, отличная могла бы получиться картина.

– Еще лучше картина, – сказал Шарп, – увидеть, как эти паршивцы полезут на холм и получают свое.

– Думаете, не полезут?

– Думаю, надо быть безумцем, чтобы решиться на такое. – Шарп помолчал, нахмурился и посмотрел на Ноулза. – Нравится в адъютантах? – неожиданно спросил он.

Ноулз заколебался, чувствуя, что разговор принимает опасный оборот, но ротный импонирует ему, и Ноулз, прежде чем стать адъютантом, служил у него лейтенантом.

– Не очень.

– Это всегда была капитанская должность, так зачем ее дали тебе?

– Полковник сказал, что такой опыт пойдет мне на пользу, – сдержанно ответил Ноулз.

– На пользу, – с горечью повторил Шарп. – Не о твоей пользе он печется, Роберт, а хочет отдать мою роту под команду этому хрену. Хочет, чтобы чертов Слингсби сделался капитаном. – (Никаких доказательств в пользу такого вывода у него не было, и ничего такого, что подтверждало бы сию версию, полковник не говорил, однако другого разумного объяснения происходящему не находилось.) – Поэтому он и убрал тебя с дороги, – закончил Шарп, чувствуя, что сказал слишком много, но будучи не в силах побороть затаенную ненависть.

К тому же Ноулз был другом и умел держать язык за зубами.

Лейтенант нахмурился, прихлопнул надоедливую муху и после недолгой паузы покачал головой:

– Я все-таки полагаю, что он искренне хочет тебе помочь.

– Помочь? Мне? Тем, что подсовывает Слингсби?

– У Слингсби есть опыт, Ричард. У меня такого опыта нет.

– Но ты хороший офицер, а он размазня. И вообще, кто он такой?

– Зять, – коротко объяснил Ноулз.

– Да знаю, что зять, но кто он такой?

– Человек, взявший в жены сестру мистера Лоуфорда.

Ноулз упорно не желал ступать на опасную территорию.

– Ну да, больше нам знать не положено, – проворчал Шарп. – Да вот только не больно он похож на парня, которого мистер Лоуфорд выбрал бы своим зятем. Лоску не хватает.

– Родственников не выбирают, – пожал плечами лейтенант. – Уверен, он джентльмен.

– Как же, джентльмен, – проворчал Шарп.

– Должно быть, счастлив, что вырвался из пятидесят пятого, – продолжал Ноулз, не обращая внимания на враждебный тон капитана. – В полку чуть ли не все офицеры умерли от лихорадки. Здесь намного безопаснее, даже несмотря на этих... – Он кивнул в сторону французов.

– Тогда почему бы ему просто не купить звание?

– Не хватает шести месяцев до выслуги. – Согласно недавно принятому положению, лейтенант не мог купить звание капитана, не прослужив в низшем звании три года. Нововведение уже вызвало сильное недовольство среди богатых офицеров, желавших более быстрого продвижения по служебной лестнице.

– Но почему он пошел так поздно? – спросил Шарп.

Если Слингсби тридцать, то лейтенантом он стал не раньше двадцати семи, а к этому возрасту большинство уже ходят в майорах. Многие офицеры, как, например, Айлифф, поступали на службу, еще не достигнув двадцати.

– Полагаю... – начал Ноулз, потом покраснел и сменил тему: – Новые части. – Он кивнул в сторону проходящего у мельницы полка в неестественно ярких голубых мундирах. – Говорят, император прислал подкрепление в Испанию. Французам сейчас не с кем драться. Австрийцы вышли из войны. Пруссаки ничего не предпринимают. Так что у Бони только мы и остались.

Шарпа рассуждения Ноулза по поводу стратегии Бонапарта не интересовали.

– Что ты полагаешь?

– Ничего. Я уж и так сказал лишнее...

– Ничего ты такого не сказал! – Шарп ждал. Ноулз молчал. – Знаешь, Роберт, мне так и хочется перерезать твою тощую глотку тупым ножом.

Лейтенант улыбнулся:

– Не стоит так говорить.

– Ты меня знаешь, Роберт. Я никому ничего не скажу. Чтоб мне провалиться на этом месте. Так что выкладывай, пока я тебе ноги не оторвал.

– Ладно. Полагаю, сестра мистера Лоуфорда попала в неприятное положение. Нагуляла ребенка, а замуж выйти не успела.

– Я тут ни при чем, – быстро вставил Шарп.

– Конечно, речь не о тебе, – успокоил капитана Ноулз.

Иногда Шарп совсем не понимал шуток.

– Так, значит, Слингсби призвали, чтобы замять скандал?

– Вот именно. Он, конечно, как говорится, не из верхнего ящика, но семья вполне приемлемая. Его отец – приходской священник где-то в Эссексе, они небогаты, поэтому Лоуфорды и наградили Слингсби комиссией в пятьдесят пятый с обещанием перевести в Южный Эссекский, как только откроется вакансия. Она и открылась после смерти бедняги Херролда.

– Херролда?

– Из третьей роты. Прибыл в понедельник, подхватил лихорадку во вторник, а к пятнице уже умер.

– То есть, – сказал Шарп, наблюдая за тем, как французы тащат пушку по берегу реки, – план в том, чтобы продвинуть Слингсби побыстрее. Чтобы сделать из него достойного мужа для бабы, которая не научилась держать колени вместе.

– Я бы так не сказал, – возмутился Ноулз, однако, помолчав, кивнул. – А впрочем, так оно и есть. Но Лоуфорда можно понять. В конце концов, Слингсби оказал семье услугу, и они стараются рассчитаться.

– За мой счет, – буркнул Шарп.

– Не говори ерунды, Ричард.

– А зачем еще его сюда притащили? Убирают тебя, дают этому ублюдку коня и надеются, что меня убьют французы. – Он замолчал, но не потому, что сболтнул лишнее, а потому, что увидел приближающегося Патрика Харпера.

Заметив Ноулза, сержант обрадовался:

– А мы без вас скучаем, сэр.

– Могу сказать то же самое, – с улыбкой ответил лейтенант. – Как дела?

– Пока дышу, сэр, а остальное не в счет. – Харпер повернулся и посмотрел вниз. – Вы только посмотрите – жить им, что ли, надоело.

– Сюда не полезут, – сказал Шарп. – Будут другую дорогу искать.

Тем не менее никаких признаков того, что французы готовы воспользоваться этим добрым советом, пока не наблюдалось. Голубые полки маршировали в том же направлении, за ними, поднимая колесами столбы пыли, ползли артиллерийские батареи. Несколько французских офицеров поднялись на вершину отрога к востоку от хребта и через подзорные трубы рассматривали португальцев и британцев, расположившихся в том месте, где горный кряж пересекала вторая дорога. Пролегая севернее первой, она проходила зигзагом вверх, сначала через заросли кустарников, потом по виноградникам, растянувшимся чуть ниже пристроившейся на склоне деревушки. Именно эта дорога и вела к Лиссабону, куда, во исполнение приказов императора, французам и надлежало выйти, чтобы вышвырнуть британцев из Португалии, овладев, таким образом, всей береговой линией континентальной Европы.

Лейтенант Слингсби, в вычищенном мундире и с сияющими бляхами и пуговицами, подъехал к боевым товарищам, дабы предложить им свое мнение о неприятеле, и Шарп, не в силах выносить присутствие конкурента, отошел в сторону. Внизу французы рубили деревья – то ли для костров, то ли для временных убежищ. Сбегавшие с дальних холмов ручьи и речушки соединялись в большую реку, которая несла свои воды дальше на юг, к реке Мон-

дегу, огибавшей южную оконечность хребта. Берега реки уже превратились в месиво – по ним возили пушки, по ним проходила кавалерия, сюда после долгого марша приводили на водопой офицерских коней.

Прибывающие французские силы распределялись по двум пунктам сосредоточения. Одна часть полков располагалась вокруг деревни, от которой лучшая из дорог начинала свой путь к северной оконечности хребта; другая же сосредоточилась в двух милях к югу от первой, возле второй деревни, из которой к вершине хребта уходила тропа, доступная лишь выючным лошадям и пешим путникам. Подводы по ней не ездили, местами тропа терялась в кустарнике, но она все же показывала французам, что маршрут есть. Установленные по обе стороны от деревни орудия смотрели именно на нее, готовые в любой момент расчистить путь наступающей пехоте.

За спиной у Шарпа застучали топоры, зашумели падающие деревья. По приказу лорда Веллингтона каждый полк выделил по одной роте для прокладки вдоль хребта тыловой дороги, что позволило бы в случае необходимости быстро перебрасывать войска с одного участка на другой. Солдаты валили деревья, вырубали кусты, убирали камни и выравнивали землю, чтобы обеспечить доставку пушек к любой опасной точке. Работа предстояла огромная и, как подзревал Шарп, напрасная, поскольку французы – в этом он не сомневался – еще не настолько спятили, чтобы идти напролом, через хребет.

Хотя некоторые уже демонстрировали безрассудство. С десятков офицеров, желая получше рассмотреть неприятельские позиции, поднимались на отходящий от основного массива отрог. Будучи вполосину ниже хребта, он представлял собой платформу, на которой войска могли бы сосредоточиться перед штурмом, а потому британские и португальские пушкари спешно наводили на него орудия. Как только французы приблизились к перемычке, соединявшей отрог с хребтом, одна из пушек выстрелила. Тысячи птиц с тревожными криками поднялись с деревьев. Ветерок подхватил и понес к востоку грязно-белое облачко. Ядро, оставляя за собой тонкий хвост порохового дыма, описало дугу и взорвалось в нескольких шагах от французских всадников. Одна из лошадей в панике метнулась в сторону, другие остались на месте. Французы, развернув подзорные трубы, уставились на противника вверх.

Еще два орудия ударили залпом, и эхо отскочило от восточных холмов. Одно из орудий было, по-видимому, гаубицей, потому что дымок горящего фитиля поднялся высоко в небо. На сей раз взрыв отбросил в сторону лошадь, а на сухой, бледной траве расцвело пятнышко крови. Глядя в трубу, Шарп видел, как француз вскочил на ноги, отряхнулся, вытащил пистолет и, приставив к голове животного, избавил его от дальнейших мучений. Потом снял седло, уздечку и чепрак и поспешил вернуться в лагерь.

Тем временем все больше и больше французов, как пеших, так и конных, поднимались на отрог. Идти туда, куда бьют пушки, подставлять себя под ядра казалось безумием, и все равно десятки любопытных перебирались через речушку и карабкались по склону только для того, чтобы поглазеть на британцев и португальцев. Пушки продолжали палить. Это не было стакато битвы, одиночные выстрелы звучали разрозненно, потому что артиллеристы экспериментировали с зарядами и длиной запала. Положишь слишком много пороха, и ядро перелетит отрог и упадет где-нибудь у ручья. Отрежешь слишком длинный запал, и оно, попрыгав, еще долго будет пыhtеть, прежде чем взорвется, не причинив успешному укрыться неприятелю никакого вреда. Каждый взрыв отмечало грязное облачко дыма, на удивление крохотное, но Шарп видел, как разлетаются во все стороны смертоносные осколки.

Тем не менее ни лошади, ни люди больше не пострадали. Французы рассеялись, а снаряды упрямо падали между группками людей, выглядевших со стороны такими же беззаботными и беспечными, как отдыхающие в каком-нибудь парке. Они стояли и смотрели на хребет, пытаясь, очевидно, определить слабые места в обороне противника, хотя, как представлялось Шарпу, все должны были бы понимать, что сильнее укреплены участки, прилегающие к двум

дорогам. Еще с десятков кавалеристов, одни в зеленом, другие в голубом, пересекли речку и поскакали вверх по отлогому склону. В лучах солнца блестели ножны, стремяна и уздечки. Французы как будто играли с неприятельскими пушкарями в кошки-мышки. У него на глазах ядро бухнулось рядом с группкой пехотинцев, но, когда дым рассеялся, они все стояли, как и прежде, и даже, как показалось Шарпу, смеялись. Конечно, думал со злостью он, уверены, что они лучшие. Показывают, что им на все наплевать, что они выстоят под любым огнем.

И надо признать, такая уверенность действовала обороняющимся на нервы.

В конце концов нервы у кого-то не выдержали, и на вершине появился полк одетых в коричневые мундиры португальских стрелков. Растянувшись двойной цепью, португальцы двинулись вниз в направлении отрога. Сохраняя дистанцию между шеренгами примерно в пятьдесят шагов, растянувшись широким фронтом, они как будто показывали всем, как именно должен наступать стрелковый полк. Другие шли в бой плотным строем, плечом к плечу, но стрелки, выдвинутые обычно вперед, придерживались иной тактики. Их задача заключалась в том, чтобы уничтожить вражеских вольтижеров и перестрелять как можно больше офицеров, чтобы, когда армии сойдутся, плотная шеренга против массивной колонны, неприятель уже остался без командиров. Стрелки редко смыкали ряды. Они сражались в непосредственной близости от противника, где даже небольшая кучка становится легкой мишенью для артиллеристов, и обычно делились на пары: один стреляет и перезаряжает, а второй прикрывает.

Французы отнеслись к надвигающейся угрозе спокойно, не выказав ни суеты, ни даже волнения. Не стали они выдвигать и своих стрелков. Ядра по-прежнему пролетали над склоном, эхо взрывов гуляло между восточными холмами, а солдаты далеко внизу устраивали бивуаки, не обращая ни малейшего внимания на назревающую драму. И только десятков кавалеристов, увидев в рассеянных стрелках легкую добычу, понеслись к отрогу.

Вообще-то, кавалеристы должны были порубить стрелков как капусту. Пехотинцу-одиночке нечего противопоставить быстрому всаднику, и французы, одну половину которых составляли гусары, а другую драгуны, уже обнажили клинки, предвкушая легкую тренировку на беспомощных людях. Португальцы были вооружены мушкетами и винтовками, но имели право только на один выстрел – времени на перезарядку уже не оставалось, а разряженный мушкет – плохая защита от длинной сабли драгуна. Французы рассчитывали зайти неприятелю во фланг и уже приближались к четверым пешим португальцам, однако склон оказался слишком крутым для лошадей, которые замедлили ход. Преимущество кавалерии – скорость, а хребет лишил французов этого преимущества. Первый выстрел... дымок над травой... и вот уже лошадь спотыкается и падает на землю. Еще два выстрела, и французы, осознав опасность положения, развернулись и помчались вниз. Оставшийся без коня гусар, бросив ценное снаряжение, последовал за ними под восторженные крики победителей.

– Не уверен, что у касадоров был на это приказ, – раздался голос за спиной у Шарпа. Обернувшись, капитан увидел майора Хогана. – Привет, Ричард. Что-то вид у тебя не больно счастливый. – Он протянул руку к подозрительной трубе.

– Касадоры?

– Охотники. Так португальцы называют своих стрелков. – Хоган перевел взгляд на склон. – Звучит неплохо, не правда ли? Охотники. Получше, чем «зеленые мундиры».

– Я все-таки останусь зеленым мундиром, – сказал Шарп.

Хоган внимательно наблюдал за касадорами. Те открыли огонь по французам, заставив неприятеля отступить. Португальцы не спешили идти дальше, понимая, что там их смогут атаковать кавалеристы, и довольствуясь достигнутым успехом. Еще две пушки отправили снаряды в сторону врага.

– Пэр будет очень недоволен, – покачал головой Хоган. – Не любит, когда артиллеристы впустую расходуют снаряды. Толку никакого, только показывают, где стоят наши батареи. – Он

перевел подозрную трубу на долину и некоторое время рассматривал укрепления за рекой. – По нашим расчетам, у мсье Массена шестьдесят тысяч человек и примерно сотня орудий.

– А у нас, сэр?

– Пятьдесят тысяч и шестьдесят орудий. – Хоган вернул Шарпу трубу. – И половина – португальцы.

Что-то в его тоне зацепило внимание Шарпа.

– Это плохо? – спросил он.

– Посмотрим. – Он постучал ногой по земле. – Зато у нас есть вот это.

Шарп кивнул в сторону касадоров, которые уже развернулись и теперь возвращались на вершину хребта.

– По-моему, бойкие ребята.

– Только вот будут ли они такими же бойкими под огнем, – заметил Хоган.

– Похоже, это мы узнаем нескоро. Здесь лягушатники атаковать не станут. Они ж не сумасшедшие.

– Я бы на их месте наступать по склону определенно не стал, – согласился Хоган. – Думаю, еще на денек задержатся, оглядятся, а потом уйдут.

– Вернутся в Испанию?

– Конечно же нет! Просто пока еще не знают, что здесь есть другая дорога, в обход. – Майор указал на север. – Рано или поздно они о ней проведуют и поймут, что драться с нами здесь вовсе не обязательно. Жаль. Мы бы им нос утерли. И сцена подходящая. Впрочем, может, еще и попробуют. Французы считают, что португальцы жидковаты в коленках, а раз так, то и попытаться не грех.

– А португальцы и впрямь жидковаты? – поинтересовался Шарп.

Еще одно ядро, упав на отрог, оставило после себя обожженную траву и пару дымящихся клочков земли. Французы, покрасовавшись перед неприятелем, вернулись на позиции.

– Насчет португальцев узнаем, если французы решатся напасть, – мрачно сказал Хоган и тут же улыбнулся. – Придете сегодня на ужин?

– Сегодня? – удивился Шарп.

– С Лоуфордом я уже поговорил, и он согласен отпустить вас, если французы не полезут. В шесть часов, Ричард. В монастыре. Знаете где?

– Нет, сэр.

– Пойдете на север. Увидите высокую каменную стену. Найдете в ней брешь, пройдете через рожицу до тропинки. Дальше по ней, пока не увидите крыши. Нас будет трое.

– Трое? – Шарп нахмурился, заподозрив неладное.

– Да, трое. Вы, я и майор Феррейра.

– Феррейра! – воскликнул Шарп. – И с какой же стати нам надо ужинать с этим слизняком?

Хоган вздохнул:

– Вам не приходило в голову, Ричард, что те две тонны муки могли быть взяткой? Платой за весьма ценную информацию?

– Вы так считаете?

– Так утверждает Феррейра. Верю ли я ему? Не знаю. Но в любом случае, Ричард, он сожалеет о случившемся и хочет наладить отношения. Идея с ужином его, и должен сказать, я считаю, он поступил как порядочный человек. – Не заметив признаков воодушевления, майор вздохнул. – Ну же, Ричард, подумайте сами, к чему нам ссориться с союзниками?

– Ни к чему, верно?

– Итак, в шесть часов, – твердо сказал Хоган. – И постарайтесь сделать вид, что вам приятно его общество. – Ирландец улыбнулся и зашагал прочь, к группе офицеров, определявших расположение полков.

Оставшись один, Шарп пожалел, что не придумал подходящего предлога, чтобы отвертеться от ужина. Дело было не в Хогане, а в португальце, которого капитан уже зачислил в предатели. На душе стало совсем погано. Он сидел на траве, тупо глядя перед собой, туда, где ветер шуршал в кустах, под которыми шестидесятитысячная армия собиралась с силами, чтобы взять хребет Буссако.

Остаток дня Шарп провел за сверкой ротных документов, в чем ему помогал ротный писарь Клейтон, имевший неприятную привычку читать вслух то, что пишет.

– «Исайя Танг... умер», – пробормотал он себе под нос, после чего подул на чернила. – А у него вдова осталась, сэр?

– Не думаю.

– Я потому спрашиваю, сэр, что мы задолжали ему четыре шиллинга и шесть полупенни.

– Запиши в ротный фонд.

– Если бы мы их еще и получили, – мрачно заметил Клейтон.

В ротный фонд поступали деньги, недополученные убитыми и умершими. Набиралось немного, и тратили их на бренди или отдавали ротным женам в качестве платы за стирку. Некоторые из этих жен уже были здесь и, присоединившись к десяткам других гражданских, с любопытством наблюдали за французами. Вообще-то, всем штатским было приказано отправиться на юг, к Лиссабону, под защиту оборонительной линии Торрес-Ведрас, но многие остались, не вняв распоряжениям властей, о чем свидетельствовало присутствие на хребте десятков португальцев. Некоторые из зрителей принесли хлеб, сыр и вино и теперь сидели группками за нехитрой трапезой, обмениваясь впечатлениями и указывая на французов. Шарп заметил среди них и с десяток монахов, причем босоногих.

– А почему они не носят обуви? – поинтересовался Клейтон.

– Кто их знает.

Клейтон неодобрительно посмотрел на монаха, присоединившегося к одной из небольших компаний.

– *Dejeuner a la fourchette*, – фыркнул он.

– Де... жу... чего? – не понял Шарп.

– Обед с вилок, – пояснил писарь, служивший некогда лакеем в большом доме и знавший немало любопытных и чудных фактов из жизни мелкопоместного дворянства. – Это у них так называется, сэр, у господ. Когда не хотят сильно тратиться, то дают гостям еду и вилку – гуляйте, мол, по садику, нюхайте цветочки. То-то смеху... – Он бросил недовольный взгляд на монахов. – Чертовы паписты... Им что, обувь нечего?

Вообще-то, люди в сутанах были братьями ордена Босоногих кармелитов, и двое из них с самым серьезным видом рассматривали девятифунтовую пушку.

– Вы бы посмотрели, сэр, что у них в самом монастыре творится, – продолжал Клейтон. – Алтарь в одной часовне покрыт деревянными сиськами.

Шарп удивленно посмотрел на писаря:

– Чем покрыт?

– Деревянными сиськами, сэр. И так раскрашены, что от настоящих и не отличишь. С сосками и всем прочим. Я там был сегодня, и мне часовой показал. Глазам своим не поверил! Наверное, все дело в том, что до настоящих эту братию не допускают, так они обходятся чем могут. Дальше что будем смотреть, сэр?

– Сделай-ка ты мне лучше чашку чая, – ответил Шарп.

Чай он пил на вершине хребта. Никаких приготовлений к наступлению со стороны французов не наблюдалось. Численность войска заметно увеличилась к концу дня, так что местность буквально кишела солдатами, заполнившими едва ли не все пространство между деревьями. Ближе к хребту артиллеристы складывали ядра у только что установленных батарей. Месторас-

положение батарей указывало, где именно французы будут атаковать – если вообще будут, – и Шарп уже сделал вывод, что его полк, скорее всего, окажется чуть в стороне от главного удара, целью которого будет южная дорога, уже заваленная деревьями, дабы не дать противнику втащить пушки на вершину. Еще больше орудий группировалось вблизи дороги у северной оконечности хребта. Скорее всего, французы планировали нанести два удара, и Шарп уже знал, как это будет выглядеть: огромные колонны, наступающие под барабанный бой в расчете сокрушить своей мощью англо-португальскую оборону. Зрелище, что и говорить, впечатляющее, и не имеющие опыта войска вполне могли поддаться панике. Шарп посмотрел налево, туда, где расположились офицеры португальских полков. Выдержат ли они? В последние месяцы португальская армия подверглась реорганизации, но страна переживала третье вторжение за три года, и пока никто еще не мог сказать, что за это время она покрыла себя славой.

В конце дня провели строевой смотр, а потом Шарп отправился на ужин. Пройдя сотню шагов, он увидел высокую каменную стену, за которой покачивались высокие деревья. Для облегчения прохода солдаты проделали в ней несколько брешей, и Шарп, протиснувшись в одну из них, оказался в лесу. После недолгих поисков он обнаружил ведущую вниз тропинку, вдоль которой стояли, на равном расстоянии одно от другого, непонятного назначения кирпичные строения, каждое размером с садовый сарайчик. Шарп, остановившись, заглянул через зарешеченную дверь первого. В тесном помещении стояли большие глиняные статуи, изображавшие столпившихся вокруг полуголого мужчины женщин. Присмотревшись, Шарп увидел терновый венок и понял, что мужчина не кто иной, как Иисус, а сами строения, должно быть, есть часть монастыря. Статуй было много, причем самых разных, и кое-где компанию им составляли коленопреклоненные женщины в платках. В одной камерке симпатичная девушка, склонив голову, слушала пылкую речь португальского офицера, который смущенно замолчал, заметив проходящего мимо чужака, но снова обрушил на беднягу ураган красноречия, как только Шарп скрылся из виду.

К самому монастырю вели каменные ступеньки. У входа росла древняя скрюченная олива, к веткам которой были привязаны с полдюжины лошадей. Два красномундирника несли караульную службу. На Шарпа они не обратили внимания, и он, нырнув под арку, оказался в сумрачном коридоре с дверями по обе стороны, покрытыми плотным слоем пробки. Заглянув в первую, капитан увидел полкового костоправа в рубашке с засученными рукавами. Тот точил скальпель.

- Готов обслужить, – бодро приветствовал он Шарпа.
- Не сегодня, сэр. Вы не знаете, где найти майора Хогана?
- В конце коридора, последняя дверь справа.

Ужин никому не доставил удовольствия. Сидели в маленькой келье, обитой пробкой по случаю приближения холодов. Ели рагу из козлятины, бобы, грубый хлеб и сыр. Вина было много. Хоган изо всех сил старался завязать и поддержать разговор, но Шарпу нечего было сказать майору Феррейре, который, в свою очередь, ни словом не упомянул о стычке на холме, где Шарп спалил телеграфную башню. Португалец предпочел завести рассказ о Бразилии, где он одно время командовал фортом в каком-то поселении.

– Прекрасные женщины! – воскликнул Феррейра. – Лучшее я не видел. Самые прекрасные в мире!

– Включая рабынь? – спросил Шарп.

Хоган, поняв, что он хочет повернуть разговор на брата майора, закатил глаза.

– Рабыни – самые восхитительные! И такие послушные.

– Ну, выбирать-то особенно не приходится, – хмуро заметил Шарп. – Вряд ли ваш брат давал им много воли, а?

Хоган попытался вмешаться, но Феррейра остановил его движением руки:

– Мой брат? Что вы хотите этим сказать, мистер Шарп?

– Он ведь торговал рабами?

– Мой брат много чем занимался. В детстве его били за то, что он не был набожным, как того хотелось бы учившим нас монахам. Набожным он так и не стал. Отец бил его, потому что он не желал читать его книжки, но битье не помогло – он так и не проникся любовью к чтению. Ему больше нравилось носиться с детьми наших слуг. В конце концов нашей матери это надоело, и она, не в силах больше терпеть его проказы, отправила его в монастырь Санту-Эшпириту. Там из него тоже пытались выбить непослушание и дерзость, но мой брат сбежал. Ему тогда было тринадцать. Он вернулся через шестнадцать лет. Богатый и уверенный в себе. И уже никому, мистер Шарп, не позволено поднимать на него руку.

– Однако ж я его побил.

– Ричард! – Хоган укоризненно покачал головой.

Не обращая внимания на Хогана, Феррейра уставился на Шарпа через стол.

– Мой брат этого не забыл, – негромко произнес он.

– Но ведь все уже улажено, – вмешался Хоган. – Произошло недоразумение. Принесены извинения. Попробуйте-ка вот этот сыр. – Он пододвинул португальцу тарелку и повернулся к Шарпу. – Мы с майором сегодня допрашивали дезертиров.

– Французов?

– Господи, конечно нет. Португальцев. – Хоган объяснил, что после падения Алмейды десятки солдат размещавшегося в крепости гарнизона вступили в созданный французами Португальский легион. – Похоже, они поступили так только для того, чтобы оказаться поближе к нам и дезертировать. Только сегодня вечером пришло более тридцати человек. И все говорят одно и то же: французы атакуют утром.

– Вы им верите?

– Думаю, они говорят то, что знают. Но знают ли они правду? Так или иначе, приказ был готовиться к выступлению утром. Разумеется, никто не в курсе, какое решение примет Массена завтра.

– Мсье Массена, – язвительно усмехнулся Феррейра, – слишком занят любовницей, чтобы думать о сражении.

– Любовницей? – спросил Шарп.

– Ею любовнице, мадемуазель Генриетте Лебертон, всего лишь восемнадцать, – объяснил Хоган. – Самому же Массена... сколько? Пятьдесят один? Нет, пятьдесят два. Ничто не отвлекает старика лучше, чем свежая женская плоть. Так что мадемуазель Лебертон – наш ценнейший союзник. Правительству его величества следовало бы платить ей жалованье. Например, гинею за ночь, а?

После обеда Феррейра настоял на том, чтобы показать британцам тот самый алтарь с деревянными грудями, который произвел столь глубокое впечатление на Клейтона. С десятков свечей освещали странные предметы, дюжины других уже сгорели и расплылись восковыми лужами.

– Женщины приносят эти груди, чтобы исцелиться от болезней, – объяснил Феррейра. – Женских болезней. – Он зевнул, достал из кармашка жилета часы и покачал головой. – Мне пора возвращаться. Думаю, стоит лечь пораньше. Противник может атаковать на рассвете.

– Будем надеяться, – сказал Хоган.

Феррейра перекрестился, склонил голову перед алтарем и ушел. Когда звук его шагов стих в конце коридора, Шарп повернулся к майору:

– Ну и на кой черт это все понадобилось?

– Что понадобилось?

– Ужин!

– Он всего лишь демонстрировал дружелюбие. Хотел показать, что не держит зла. Что обид не осталось.

– Он также сказал, что его брат ничего не забыл.

– Не забыл, но ему дали понять, что конфликт следует считать исчерпанным. Это и вас касается.

– Не верю я им. Ни одному, ни другому, – бросил Шарп и отступил в сторону, потому что дверь распахнулась и в маленькое помещение ввалилась веселая толпа британских офицеров.

И только один был не в форме. Лорд Веллингтон скользнул взглядом по капитану, но, кажется, не узнал его и обратился к Хогану:

– Пришли помолиться, майор?

– Нет, милорд, просто показываю капитану Шарпу местные достопримечательности.

– Сомневаюсь, что мистера Шарпа заинтересуют копии, – сказал Веллингтон. – Думаю, он видел настоящих побольше каждого из нас, а? – Генерал произнес это добродушно, но чуткое ухо уловило бы насмешливую нотку. – Слышал, мистер Шарп, вы тут отличились три дня назад. Выполнили свой долг, не так ли?

Шарп растерялся, смущенный сначала внезапной переменой тона, а потом и заявлением, прозвучавшим несколько странно на фоне недавних упреков Хогана.

– Надеюсь, милорд, – осторожно ответил он.

– Нельзя оставлять французам продовольствие. – Генерал повернулся к деревянным грудям на алтаре. – И я хотел бы, чтобы все твердо себе это уяснили. – Последние слова прозвучали достаточно резко, чтобы офицеры подтянулись и посерьезнели. Но уже в следующую секунду Веллингтон улыбнулся и кивнул в сторону алтаря. – Не вполне представляю такую экспозицию в соборе Святого Павла, а вы, Хоган?

– Полагаю, милорд, они бы немного его оживили.

– И то верно. Надо будет попросить декана подумать над этим вопросом. – Он отрывисто, по-лошадиному, хохотнул и снова повернулся к Хогану. – От Транта новости есть?

– Нет, милорд.

– Будем надеяться, что это уже хорошие новости. – Генерал кивнул майору, снова проигнорировав Шарпа, и вышел из комнаты. Гости последовали за ним.

– Что еще за Трант? – спросил Шарп.

– Тут неподалеку есть объездная дорога. Мы выставили там конный часовой пост, усиленный несколькими португальцами. Старший – полковник Трант. У него строгий приказ – немедленно известить нас, если заметит неприятеля, но пока вестей нет. Может быть, Массена просто не знает об этой дороге. Если он думает, что единственная дорога на Лиссабон проходит через этот холм, то ему ничего не остается, как идти на штурм. Похоже, все указывает на то, что он атакует.

– И возможно, на рассвете, – добавил Шарп, – так что надо хоть немного поспать. – Он ухмыльнулся. – Так что, кто из нас был прав насчет Феррагуса?

Хоган усмехнулся в ответ:

– Знаете, Ричард, джентльмену не пристало так злорадствовать.

– Но откуда Веллингтон узнал?

– Думаю, Феррейра пожаловался. Он, правда, сказал, что ни к кому не обращался, но... – Хоган пожал плечами.

– Этому мерзавцу доверять нельзя. У вас есть парни для грязных дел. Пусть бы прирезали его потихоньку.

– Для такого грязного дела у меня только один кандидат, – вздохнул Хоган, – но и ему пора спать. Так что спокойной ночи, Ричард.

Было еще не поздно, наверное около девяти, но небо уже потемнело, и температура резко упала. Западный ветер принес холодок с далекого моря, между деревьями несмело под-

нимался туман. Шарп возвращался по знакомой тропинке мимо каменных будок с чудными статуями. Большая часть армии стояла на хребте, оставшиеся расположились вокруг монастыря, и свет их костров еще просачивался в лесок, постепенно слабея по мере того, как Шарп поднимался выше. Его громадная тень, прыгавшая поначалу по стволам, растворилась в темноте. На вершине разводить костры не разрешалось – Веллингтон не хотел, чтобы французы определили места концентрации сил противника. Впрочем, на взгляд Шарпа, они и без того уже все выяснили. Туман сгущался. Из-за окружавшей монастырь стены доносилось пение, но самыми громкими звуками оставались его собственные шаги по выстланной иголками тропе. Вот и последняя из кирпичных будок. Неверный огонек свечи призрачно мерцал за серой пеленой тумана. Заметив коленопреклоненного монаха, Шарп хотел было поздороваться, но потом решил не отвлекать человека от молитвы. Он уже прошел мимо, когда монах резко повернулся, прыгнул и схватил Шарпа за ногу, чуть ниже левого колена. В тот же миг из-за будки выскочили еще двое, и один врезал дубинкой ему в живот. Капитан тяжело рухнул на землю, повернулся, пытаясь вытащить саблю, однако двое нападавших схватили его за руки и затащили в святилище. Места из-за статуй было мало, и один из них отбросил несколько свечей. Другой выхватил из ножен саблю Шарпа и отшвырнул на тропинку. Тем временем монах сдвинул закрывавший лицо капюшон.

Это был Феррагус. Высокий, плотный, здоровенный, он казался еще больше из-за расправившей его злобы. Шарп попытался подняться, но один из подручных Феррагуса пнул стрелка в плечо.

– Ты мне задолжал, – прохрипел Феррагус. – Много-много денег. Хочешь сейчас рассчитаться?

Шарп молчал. Ему было нужно какое-то оружие. В кармане лежал складной нож, но он знал, что не успеет его достать и уж тем более раскрыть.

– Сколько у тебя при себе? – спросил Феррагус. Шарп не ответил. – Или предпочитаешь драться? – продолжал португалец. – На кулаках, а, капитан? Один на один?

Шарп ответил коротким проклятием. Громила улыбнулся, сказал что-то своим подручным по-португальски, и те принялись обрабатывать лежащего капитана. Шарп спрятал лицо и подтянул колени, защищая живот. Он уже догадался, что будет дальше: отделают так, что шевельнуться не сможешь, и оставят на милость Феррагусу. Исполнению плана, однако, мешала теснота заполненного статуями помещения. Шарп попытался схватить одного из португальцев за ногу, но получил пинок в лицо и завалился на коленопреклоненную статую Марии Магдалины. Глиняное колено треснуло и раскололось, а в руке Шарпа оказался осколок в фут длиной и с заостренным концом. Он ткнул самодельным оружием в ближайшего врага, целя в пах, тот увернулся, и острое скользнуло по бедру. Португалец хрюкнул от боли. Шарп поднялся и, наклонив голову, боднул раненого в живот. Второй португалец саданул ему кулаком в нос и вlepил коленом по ребрам, однако капитан успел выбросить руку с глиняным кинжалом, и скулу громилы прочертила кровавая полоса. В следующий момент удар в затылок отправил его в нокдаун, и Шарп рухнул на колени Иисусу. Феррагус выгнал помощников из святилища, освобождая пространство для маневра. От хука в висок зазвенело в голове. Шарп обхватил Сына Божьего за шею и резко оттолкнул. Глиняная голова отвалилась. Португалец провел короткий боковой слева, но Шарп уклонился, вскочил и впечатал голову вместе с терновым венцом в мерзкую физиономию. Орудие развалилось на части, острые края оставили на щеках великана глубокие порезы. Феррагус попятился. Шарп прорвался к выходу, рассчитывая найти саблю, и тут за дверью на него набросились сразу двое. Он ухитрился вывернуться, получил пинок в живот, согнулся, хватая ртом воздух, и упал.

Феррагус, вывалившись наружу, приказал поднять англичанина.

– Ты даже не можешь драться. Ты слаб.

Град ударов обрушился на капитана, коротких, резких, плотных. Со стороны могло показаться, что в них нет силы, но Шарпу казалось, его лягает конь. Феррагус начал с живота, потом обработал ребра и раскроил щеку. Во рту появился вкус крови. Он пытался вырваться, но португальцы держали крепко. Сознание то уходило, то возвращалось. Кулак смял горло, и Шарп захрипел. Громила рассмеялся:

– Брат сказал, чтобы я не убивал тебя, но почему бы и не убить? Кто тебя хватится? – Он плюнул капитану в лицо и приказал подручным отойти. – Что ж, посмотрим, как умеет драться англичанин.

Португальцы опустили руки и отступили. Шарп пошатнулся, сплюнул кровь, моргнул. Саблю было не достать, и даже если бы он дотянулся до нее, у него, наверное, не хватило бы сил поднять ее. Феррагус улыбнулся, видя его слабость, и шагнул вперед. Шарпа повело в сторону, он вытянул руку, удерживая равновесие, и наткнулся пальцами на камень. Не сознавая, что делает, он сжал его и, когда Феррагус ударил, инстинктивно вскинул руку. Кулак врезался в камень. Что-то хрустнуло. Португалец сморщился от боли, отступил и удивленно посмотрел на разбитые в кровь костяшки. Шарп попытался перейти в наступление, но его толкнули в грудь.

– Ну, теперь ты покойник! – прошипел Феррагус.

Боль только укрепила его в желании забить англичанина до смерти. Начал он с того, что нацелился Шарпу в пах, но тот ухитрился подставить бедро. Португалец приготовился повторить попытку, и тут за спиной у него появился свет.

– Что здесь происходит? – прогремел чей-то голос. – Всем стоять!

Два или три человека бежали по тропинке. Должно быть, они услышали что-то, но ничего не видели из-за темноты и тумана. Феррагус дожидаться их не стал. Он сделал знак своим людям, и три португальца, бросив жертву, исчезли за деревьями. Шарп свернулся на земле, стараясь выдавить боль из ребер и живота. Кровь шла из носа, пузырилась на губах. Рядом возник фонарь.

– Сэр? – спросил сержант с синими кантами профоса, армейского полицейского.

– Я в порядке, – прохрипел Шарп.

– Что случилось?

– Воры. Кто такие, не знаю. Просто воры. Черт... Помогите мне подняться.

Двое подняли его. Сержант подобрал саблю и кивер:

– Сколько их было?

– Трое. Ублюдки... удрали...

– Вам надо показаться врачу, сэр. – Сержант моргнул, подняв фонарь к лицу Шарпа. – У вас...

– Нет. – Капитан вложил саблю в ножны, натянул кивер на разбитую голову и прислонился к стене. – Все в порядке.

– Если хотите, мы отведем вас к монастырю.

– Нет. Я иду в роту.

Шарп поблагодарил своих спасителей, пожелал им спокойной ночи, постоял еще немного, восстанавливая силы, доковылял до стены и побрел в расположение роты. Полковник Лоуфорд поставил палатку рядом с новой дорогой, проложенной вдоль хребта. Клапан был откинут, в пламени свечи поблескивали серебро и хрусталь. Услышав оклик часового и невнятный ответ капитана, Лоуфорд приподнялся со стула и громко крикнул:

– Шарп, это вы?

Пройти мимо, притворившись глухим, не было никакой возможности, поэтому Шарп после секундного колебания повернул к палатке командира:

– Так точно, сэр.

– Проходите. Выпейте бренди.

Лоуфорд был не один, компанию ему составляли майоры Форрест и Лерой и лейтенант Слингсби. Все сидели в шинелях – вместе с последним светом дня ушла и жара, а наступившая ночь принесла с собой даже не осеннюю прохладу, а настоящий зимний холод.

Форрест подвинулся, освобождая место на служивших скамейкой деревянных ящиках из-под боеприпасов, и удивленно уставился на Шарпа:

– Что это с вами?

– Споткнулся, сэр. Споткнулся и упал. – Голос прозвучал глухо, и Шарп, отвернувшись, сплюнул сгусток крови.

– Споткнулись? – Лоуфорд смотрел на капитана с нескрываемым ужасом. – У вас нос разбит.

– Сейчас уже лучше, сэр.

Шарп шмыгнул носом и, вспомнив про белый платок, снятый с башни телеграфной станции, вытащил его из кармана. Пачкать столь изысканную вещь кровью было жаль, но он все же утерся, моргнув при этом от боли и заметив глубокую царапину на правой руке, оставленную, наверное, глиняным кинжалом.

– Так, значит, споткнулись? – эхом полковнику повторил Лерой.

– Тропинку плохо видно, сэр.

– И под глазом синяк, – заметил Лоуфорд.

– Если будете плохо себя чувствовать, капитан, – встрял Слингсби, – я с удовольствием возьму на себя командование ротой. – Лейтенант раскраснелся и вспотел – похоже, немало залил за воротник. Выжидающе посмотрев на полковника, он нервно хохотнул и добавил: – Почту за честь, сэр.

Шарп пронзил наглеца убийственным взглядом.

– Ничего, бывало и хуже, – холодно заметил он, – например когда мы с сержантом Харпером французского «орла» захватили.

Слингсби фыркнул, явно задетый враждебным тоном капитана, а другие офицеры смущенно опустили глаза.

Лоуфорд попытался смягчить ситуацию.

– Выпейте-ка бренди, Шарп, – предложил он и, наполнив стакан из графина, подтолкнул его через стол. – Как майор Хоган?

Сидеть было тяжело. Болело все тело. Ребра горели, как воткнутые в грудь полосы раскаленного железа. Шарп не сразу понял вопрос и ответил только после паузы:

– Он спокоен, сэр.

– Да, хорошо бы все так и было. А Пэр? Вы его видели?

– Пэр? – спросил, слегка запнувшись, Слингсби и, проглотив остатки бренди, тут же налил себе еще.

– Лорд Веллингтон, – объяснил Лоуфорд. – Вы его видели, Шарп?

– Видел, сэр.

– Надеюсь, заверили в моем почтении?

– Конечно, сэр, – соврал Шарп и поневоле добавил к одной лжи другую: – Он тоже просил передать вам привет.

– Как любезно с его стороны. – Полковник заулыбался. – И что же? Тоже думает, что французы полезут завтра?

– Генерал ничего не сказал, сэр.

– Может, их туман остановит, – заметил майор Лерой, выглядывая из палатки.

– Или, наоборот, ободрит, – возразил Форрест. – В тумане нашим артиллеристам труднее целиться.

Лерой снова посмотрел на Шарпа:

– Не думаете, что надо показаться врачу?

– Нет, сэр, – соврал Шарп. Ребра нестерпимо болели, голова раскалывалась, да вдобавок ко всему еще и верхний зуб зашатался. Боль собралась в животе, ныло бедро, терзала злость. Он заставил себя переменить тему: – Майор Хоган полагает, что французы ударят утром.

– Значит, нам надо быть наготове, – отозвался Лоуфорд, намекая, что пора расходиться. Офицеры, поняв намек, поднялись и, поблагодарив полковника, стали выходить. Лоуфорд взял Шарпа за руку. – Вы не задержитесь на минутку?

Слингсби, явно хвативший лишнего, допил остававшееся в стакане бренди, щелкнул каблук.

– Спасибо, Уильям, – сказал он, подчеркивая особые отношения с полковником.

– Спокойной ночи, Корнелиус. – Подождав, пока гости выйдут и скроются в тумане, Лоуфорд повернулся к Шарпу. – Слингсби немного перебрал. С другой стороны, накануне первого боя человеку не помешает укрепить дух. Садитесь, капитан, садитесь. Выпейте еще. – Он тоже взял стакан. – Вы действительно упали? Выглядите так, словно побывали на войне.

– Темень, сэр. Просмотрел ступеньку и... вот...

– Надо быть внимательнее, Шарп. – Лоуфорд наклонился к свече, чтобы прикурить сигару. – Похолодало, да? – Он подождал ответа, но Шарп упорно молчал, и полковник вздохнул. – Хотел поговорить с вами... – он затянулся, выпустил струю дыма, – о новых офицерах. Как Айлифф? По-моему, неплох, а?

– Он еще только прапорщик, сэр. Продержится годик, может, и подрастет.

– Мы все когда-то были прапорщиками, а посмотрите, какие могучие дубы вырастают из крохотных желудей.

– Он еще слишком маленький желудь.

– Его отец, Шарп, мой друг. У него ферма и несколько акров возле Бенфлита. Просил присмотреть за сыном.

– Я за ним присмотрю, сэр.

– Не сомневаюсь. – Лоуфорд попыттел сигарой. – А как насчет Корнелиуса?

– Корнелиуса? – переспросил Шарп, затягивая время, чтобы обдумать ответ.

Он прополоскал рот бренди, сплюнул, потом выпил. Стало вроде бы полегче.

– Да, как дела у Корнелиуса? Надеюсь, пришелся ко двору?

– Ему еще много чему надо научиться, – осторожно сказал Шарп.

– Конечно надо. Конечно. Но я хотел, чтобы он был именно при вас.

– Почему, сэр?

– Почему? – Прямой вопрос застиг Лоуфорда врасплох, но уже в следующий момент полковник помахал сигарой, как бы говоря, что ответ очевиден. – Думаю, он отличный парень. К тому же, буду откровенен с вами, Шарп, я не уверен, что Ноулз обладает необходимыми для стрелкового командира качествами.

– Он хороший офицер, – не согласился Шарп и покачал головой, о чем тут же пожалел – боль от ребер ударила прямо в сердце.

– Несомненно, несомненно! – торопливо уверил его Лоуфорд. – И характер замечательный. Но стрелки ведь ребята ушлые, верно? Вы – выжлятники! Я хочу, чтобы легкая рота была отважной, дерзкой, наглой! Агрессивной! Умной! Чтобы люди на лету все ловили! – Перечисление необходимых стрелку качеств сопровождалось ударами кулаком по столу, отчего стаканы и приборы каждый раз подскакивали и дребезжали. Впрочем, поняв, очевидно, что ум плохо сочетается с наглостью и агрессивностью, Лоуфорд остановился. Секунду-другую он молчал, подыскивая какое-то более подходящее слово, затем продолжил, так его и не найдя: – На мой взгляд, у Корнелиуса все эти качества есть, и я рассчитываю, что вы их в нем проявите. – Полковник снова взял паузу, но реакции Шарпа не последовало, и он заметно растерялся. – Суть дела в том... В общем, ему кажется, что вы его недолюбливаете.

– Так многие считают, – проворчал Шарп.

– Неужели? – Лоуфорд изобразил удивление. – Хотя... наверное, да. Не все ведь знают вас так хорошо, как я. – Он затаился. – А вы скучаете по Индии?

– Индия... – Вопрос мог содержать в себе подвох, и Шарп осторожничал. Когда-то, когда Лоуфорд был еще лейтенантом, а он сам рядовым, они вместе служили в Индии. – Вообще-то, мне там нравилось.

– В Индии немало полков, где требуются опытные офицеры, – как бы между прочим заметил Лоуфорд, и Шарп понял – его предали. Слова полковника могли означать только одно: от него хотят избавиться. Он промолчал, а Лоуфорд как будто и не заметил, что сказал что-то обидное. – Значит, я могу уверить Корнелиуса, что все в порядке?

– Так точно, сэр, – подтвердил Шарп и поднялся. – Мне надо идти, сэр. Хочу проверить пикеты.

– Конечно, ступайте и проверьте, – не скрывая разочарования исходом разговора, бросил Лоуфорд. – Нам нужно почаще общаться.

Шарп натянул помятый кивер и вышел из палатки в туманную ночь. Перебравшись через вершину, он стал спускаться по восточному склону. Далеко внизу растянулись размазанной цепочкой огни французского лагеря. Пусть приходят, думал он. Пусть лезут. Его распирало от злости, и злость эта требовала выхода. Не убил Феррагуса, так отвести бы душу на лягушатниках. За спиной послышались шаги, но Шарп не обернулся:

– Что нового, Патрик?

– А что с вами, сэр? – Харпер, должно быть, увидел капитана у палатки Лоуфорда и последовал за ним оттуда.

– Чертов Феррагус. С ним были еще двое.

– Хотели вас убить?

Шарп качнул головой:

– И им это почти удалось. Если бы не профосы...

– Профосы! А я-то ломал голову, зачем они нужны! И как мистер Феррагус?

– Я ему врезал, но слабо. Он меня отделал. Сильно отделал.

– А полковнику что сказали?

– Что упал.

– Тогда я так ребятам и объясню, когда они увидят утром, что вы краше, чем всегда. И уж завтра мистера Феррагуса мы не пропустим. Думаете, вернется?

– Нет, удрал.

– Ничего, мы его найдем, сэр. Обязательно разыщем.

– Только не завтра. Завтра будем заняты. Майор Хоган считает, что лягушатники ползут утром.

С этой приятной мыслью они и сели у палатки, слушая доносящееся со стороны невидимого в темноте лагеря пение. Где-то гавкнул пес, его тут же поддержали десятки других, что вызвало сердитые окрики. Постепенно лай утих, собачонки унялись, и только одна продолжала надрываться, пока кто-то не принял решительные меры. Сухой треск мушкета или пистолета – и тишина.

– Давно пора, – пробормотал Харпер.

Шарп молчал, глядя на расплывающиеся в тумане пятнышки далеких костров.

– Так что будем делать с мистером Феррагусом? – спросил сержант. – Не спускать же такое с рук?

– Если проиграем завтра, – ответил Шарп, – то отступать будем через Коимбру. Он там живет.

– Тогда мы его там и найдем, – кивнул Харпер. – И воздадим по заслугам. А если победим? Куда тогда?

– Бог его знает. – Шарп кивнул в сторону скрытой туманом долины с тысячами огоньков. – Наверное, пойдем за этими гадами в Испанию. Будем там драться.

И драться, и драться, и драться. Месяц за месяцем, год за годом, до скончания времен. Но начнется это завтра с того, что шестьдесят тысяч французов попытаются взять хребет.

Завтра.

Маршал Ней, заместитель командующего французской армией, пришел к выводу, что на хребте собрались все неприятельские силы. Костров не было, ничто не выдавало их присутствия, но Нею это и не требовалось. Он знал, что они там. Солдатское чутье. Затаились. Приготовились. Только и ждут, что французы полезут вверх – навстречу смерти. А почему бы и не доставить им такое удовольствие? Бросить вперед «орлов», и пусть порубят этих мерзавцев на рагу. К сожалению, сам Ней такое решение принять не мог, а потому он вызвал адъютанта, капитана Д'Эсменара, и приказал разыскать маршала Массена.

– Скажите его высочеству, что противник к закланию готов. Пусть возвращается побыстрее. Пора воевать.

Капитану Д'Эсменару предстоял путь длиной в двадцать миль. Сопровождаемый двумя сотнями драгун, он достиг городка Тондела уже после наступления темноты. Над входом в дом, где разместился маршал, трепетало трехцветное знамя. Шесть часовых застыли у крыльца с мушкетами, примкнутые штыки которых отражали свет жаровни, силившейся отогнать внезапно нагрянувший холод.

Взбежав по ступенькам, Д'Эсменар постучал в дверь.

Тишина.

Он постучал еще раз. На этот раз за дверью послышался отчетливый женский смех, за которым последовал звонкий хлопок ладонью по тугой плоти. И снова смех.

– Кто там? – отозвался Массена.

– Донесение от маршала Нея, ваше высочество.

Маршал Андре Массена был герцогом Риволи и князем Эслингским.

– От Нея?

– Противник остановился. Они на хребте.

Женщина пискнула.

– Противник что?

– Остановился! – прокричал через дверь капитан. – Маршал полагает, что вам нужно вернуться.

В долине под хребтом Массена провел считанные минуты и, высказавшись в том смысле, что неприятель не остановится и сражаться не будет, спешно ускакал в Тонделу. Женщина сказала что-то... шлепок... хихиканье...

– Маршал Ней считает, ваше высочество, что они предлагают сразиться, – добавил адъютант.

– А вы кто? – спросил Массена.

– Капитан Д'Эсменар, ваше высочество.

– Служите у Нея?

– Так точно.

– Вы поужинали, Д'Эсменар?

– Никак нет, ваше высочество.

– Тогда идите в столовую и скажите моему повару, чтобы накормил вас. Я скоро буду.

– Слушаюсь.

Д'Эсменар затаил дыхание и приник к двери. Он услышал сопение, вздох... пружины кровати ритмично заскрипели.

– Вы еще здесь, капитан?! – прокричал князь Эслингский.

Д'Эсменар крадучись спустился по предательским ступенькам, приспособливая шаги к ритму скрипящих пружин.

Потом он съел холодного цыпленка.

Потом ждал.

Педро и Луиш Феррейры всегда были близки. Луиш, старший, бунтарь по натуре, здоровяк, отличался большей сообразительностью, и если бы его не изгнали из семьи, если бы не отослали к монахам, которые били его и издевались над ним, если бы он сам не удрал из Коимбры, чтобы посмотреть мир, то вполне мог бы получить образование и стать ученым, хотя, надо признать, такой вариант в случае с Луишем представлялся маловероятным. Громадный, воинственный, задиристый, безразличный к чувствам окружающих, он предпочел другую судьбу и стал в результате Феррагусом. Он бороздил моря, убивал людей в Африке, Европе и Америке, видел, как акулы пожирают умирающих рабов, выброшенных за борт у бразильского берега, а потом вернулся домой, пришел к младшему брату, и они, такие разные, но такие близкие, обнялись. Они были братьями. Феррагус вернулся не с пустыми руками и мог бы без проблем открыть собственное дело и приобрести любую недвижимость в родном городе, однако Педро настоял, чтобы он пользовался его домом как своим собственным.

– Мой дом – твой дом, – заявил майор Феррейра, и хотя его супруга, возможно, имела на сей счет другое мнение, протестовать она не осмелилась.

Феррагус редко останавливался у брата, но в тот день, когда две армии сошлись лицом к лицу у Буссако, и после того, как Педро помог заманить капитана Шарпа в ловушку возле монастыря, он пообещал брату, что вернется в Коимбру и присмотрит за домом до прояснения ситуации. Горожан призывали покинуть город и укрыться в Лиссабоне, однако если французов остановят, то и бежать не придется. К тому же независимо от хода кампании на улицах уже было беспокойно, так что оставлять свои дома никому не хотелось. Богатый и видный особняк Феррейры, купленный еще за деньги от свалившегося на отца наследства, несомненно, привлекал бы любителей пожить чужим, если бы там не появился со своими людьми Феррагус, отправившийся в Коимбру сразу после неудачного нападения на наглеца-англичанина.

Дорога от хребта Буссако до города составляла меньше двадцати миль, но темнота и туман сдерживали путников, так что, когда они проскакали мимо величественных зданий университета, небо на востоке уже посветлело. Скрипнули ворота конюшни. Феррагус спешил, оставил лошадь и торопливо прошел в кухню, где погрузил раненую руку в чан с холодной водой. Нет, проклятый англичанин должен заплатить за это. Жизнью. Да, мерзавец должен сдохнуть. Вытирая кровь на щеках и скуле влажной тряпичей, Феррагус размышлял о несправедливости жизни. Неосторожное движение причинило боль, и он скривился, хотя эта боль не шла в сравнение с той неутраченной, пульсирующей, глубокой болью в пахе, что не позволяла забыть о схватке в святилище. В следующий раз, пообещал себе Феррагус, они будут драться на кулаках, и тогда ничто не помешает ему убить капитана, как он убивал других, изуродовать, превратить в окровавленное, хнычущее, жалкое существо. Шарп должен умереть. Феррагус поклялся в этом, и он знал: если не выполнит клятву, люди начнут считать, что он уже не тот, что он слабеет, теряет хватку.

Да, он уже не тот. Силы не те. Об этом позаботилась война. Многие из его жертв покинули Коимбру и ее окрестности и нашли убежище в Лиссабоне. Феррагус не сомневался, что положение рано или поздно поправится, да и острой нужды в деньгах пока не ощущалось. Он был богат, но ему нравилось, когда деньги работали, проходили через его руки, потому что не доверял банкам. Феррагусу нравилась земля, и большая часть составленного на работоторговле состояния была вложена в виноградники, фермы, дома и мастерские. Ему принадлежали все бордели в Коимбре, и редкий студент местного университета жил в доме, принадлежащем кому-то другому. Да, Феррагус был богат, его богатство превосходило все детские мечты, но

ведь денег никогда не бывает много. Феррагус любил деньги. Жаждал их. Лелеял их. Мечтал о них.

Он еще раз вытер подбородок и увидел, что с полотенца капает розовая вода. Капитан Шарп! Феррагус произнес имя вслух, ощущая боль во рту. Посмотрел на разбитую руку. Какие-то косточки, наверное, треснули, но он мог шевелить пальцами, так что все было не так уж плохо. Дверь в кухню вдруг отворилась. Феррагус обернулся и увидел гувернантку мисс Фрай, в ночной рубашке и шерстяном халате. В руке у нее была свеча. Увидев его, она вздрогнула, а узнав, повернулась, собираясь уйти:

– Извините, сеньор.

– Входите, – проворчал он.

Сара предпочла бы вернуться, но, услышав во дворе цокот копыт, подумала, что, может быть, майор Феррейра привез какие-то новости о французском наступлении.

– Вы ранены.

– Упал с лошади. А вы почему встали?

– Приготовить чай. Я приготавливаю его каждое утро. – Она взяла с полки чайник. – Позвольте спросить, сеньор, нет ли у вас новостей о французах.

– Французы – свиньи, и это все, что вам надо о них знать, так что готовьте свой чай и не забудьте про меня.

Сара поставила свечу, открыла плиту и бросила на угли щепки для растопки. Когда пламя занялось, она подложила дров. Дом уже просыпался, по коридорам, открывая ставни и шурша метлами, ходили слуги, однако в кухню никто не заглядывал. Сара подошла с чайником к чану с водой, но остановилась в нерешительности, заметив кровь.

– Принесу свежей из колодца, – сказала она.

Феррагус проводил ее взглядом. Мисс Сара Фрай символизировала все устремления его брата. Для майора Феррейры и его супруги английская гувернантка была достоянием столь же ценным, как прекрасный фарфор, хрустальные люстры или золоченая мебель. Сара служила подтверждением их хорошего вкуса, но Феррагус считал, что брат мог бы потратить деньги с куда большей пользой. Кто она такая? Типичная англичанка, заносчивая и холодная. И в кого она превратит Томаша и Марию? В маленькие самодовольные копии себя самой? Томашу вовсе ни к чему ни манеры, ни английский – мальчишка должен уметь постоять за себя. А Мария? Манерам ее могла бы и мать научить. Главное для женщины – красота, а все остальное не важно. Так думал Феррагус, что, впрочем, не помешало ему с самого начала заметить, что мисс Фрай – хорошенькая. И не просто хорошенькая, а красивая. С белой кожей, светлыми волосами, голубоглазая, высокая, элегантная.

– Сколько вам лет? – спросил он, когда она вернулась в кухню.

– А вас это касается, сеньор?

Феррагус улыбнулся:

– Мой брат прислал меня сюда защищать вас всех. Надо же мне знать, кого я защищаю.

– Мне двадцать два, сеньор.

Сара опустила на плиту железный чайник, поставила рядом заварочный, чтобы фарфор нагрелся, и сняла жестянку с чаем. Больше делать было нечего, но она не любила сидеть без дела и, чтобы скоротать время, взялась чистить столовые приборы.

– Как Томаш и Мария, хорошо справляются? – осведомился у нее за спиной Феррагус.

– Когда стараются, – коротко ответила Сара.

– Томаш говорит, что вы его бьете.

– Конечно. Я ведь его гувернантка.

– Но Марию же вы не бьете.

– Мария не сквернословит, а я не люблю, когда при мне сквернословят.

– Томаш станет мужчиной, так что ему придется ругаться.

– В таком случае он научится этому от вас, сеньор, – заявила Сара, поворачиваясь и глядя ему в глаза. – А я учу его не выражаться таким образом в присутствии дам. Если он усвоит хотя бы это, значит от меня уже есть какая-то польза.

Феррагус фыркнул. Удивительно, она смотрела на него, не выказывая ни малейшего страха. Другие слуги в доме брата отводили глаза и прятались по углам, когда он проходил мимо, но эта англичанка вела себя дерзко. И все же она красива... Он поймал себя на том, что любит четкой линией ее шеи, нарушенной выбившейся прядью золотистых волос. Какая же у нее белая кожа... такая нежная...

– Вы учите их еще и французскому. Зачем?

– Так желает супруга майора, потому что французский – язык дипломатии. Владение этим языком обязательный атрибут дворянина.

Феррагус снова фыркнул, выражая свое отношение к дворянству, потом пожал плечами:

– Язык по крайней мере пригодится, когда придут французы.

– Если французы придут, нас здесь быть уже не должно. Разве правительство не приказало всем уходить?

Феррагус пошевелил правой рукой и моргнул от боли.

– Ну, может быть, они и не придут. Если проиграют сражение.

– Сражение?

– Да. Ваш лорд Веллингтон сейчас в Буссако. Надеется, что французы его атакуют.

– Только бы атаковали. Я молюсь об этом, потому что он разобьет их.

– Возможно. А может, ваш лорд Веллингтон сделает то же самое, что сделал сэр Джон Мур при Ла-Корунье. Сразится, победит и сбежит.

Сара шмыгнула носом:

– *Os ingleses por mar.*

Англичане – для моря. В Португалии все придерживались этого мнения. Британцы – оппортунисты. Они ищут побед, но избегают возможных поражений. Приходят, воюют, но не остаются до конца. *Os ingleses por mar.*

Сара и сама боялась, что он прав, но признавать этого не желала.

– Вы сказали, что брат послал вас защищать нас? – спросила она, меняя тему.

– Да. Он сюда приехать не может. Должен оставаться с армией.

– Тогда мне придется полагаться на вас. Если французы придут, я не смогу здесь остаться.

– Не сможете остаться?

– Конечно нет. Я же англичанка.

– Я защищу вас, мисс Фрай.

– Рада слышать. – Она отвернулась, чтобы снять чайник.

Стерва, подумал Феррагус. Самодовольная английская стерва.

– Мне не наливайте, – сказал он и вышел из кухни.

И в этот момент откуда-то издалека донесся едва слышный звук, похожий на раскат грома. Звук этот то нарастал, то уходил, потом возвращался и постепенно усиливался. В рамках начали трястись стекла. Выглянув в окно, Сара увидела туман и поняла, что это не гром.

Это французы.

Пришел рассвет, и в Буссако заговорили пушки.

Глава третья

Шарпу не спалось. Сыро, холодно и больно. Ушибленные ребра превращались в ножи, стоило лишь немного повернуться, а когда он поднялся в предрассветном мраке после недолгого забытья, боль настоятельно потребовала снова лечь. Шарп ощупал ребра – что, если там не просто ушибы, а переломы? Правый глаз заплыл и наполовину закрылся.

– Проснулись, сэр? – раздался голос неподалеку.

– Умер, – ответил Шарп.

– Может, чая, сэр? – предложил Мэтью Додд, стрелок его роты, произведенный в капралы, пока Шарп был в отпуске.

Нашивку Додду дал Ноулз, и Шарп одобрил это решение.

– Спасибо, Мэтью.

Он наклонился, чтобы собрать для костра сырых веток и щепок, и поморщился от боли. Додд уже высек искру и теперь дул на разгоравшееся пламя.

– А что, костер разводить можно? – спросил капрал.

– Вчера вечером было нельзя, но в таком тумане кто его заметит? К тому же мне нужен чай, так что не сомневайся. —

Шарп подбросил в огонь свои ветки и выпрямился, слушая, как шипят и потрескивают новые язычки. Додд налил воды в чайник и бросил щепотку чайных листьев. Шарп добавил немного из своих запасов. Огонь разгорался.

– Сырое утро, – сказал Додд.

– Чертов туман, – пробормотал Шарп.

– Скоро смена.

Додд поставил чайник на огонь.

– Наверное, еще и полтретьего нет, – заметил Шарп.

Кое-где загорались огоньки, солдаты раскладывали костры, проступавшие в тумане желтоватыми пятнами, но большая часть армии еще спала. Шарп выставил пикеты на краю восточного склона, тем не менее проверять их не спешил.

– Сержант Харпер сказал, что вы вроде бы упали, сэр, – сказал Додд, поглядывая на разбитое лицо капитана.

– Да, поскользнулся на ступеньке. Опасная штука эти ступеньки. Особенно в темноте, когда скользко.

– У нас дома так Секстон разбился. – Додд пошевелил дрова, и взметнувшиеся языки выхватили из тьмы его сухощавые черты. – Полез на колокольню привязать новую веревку к большому колоколу и поскользнулся. Разбился насмерть. Поговаривали, будто кто-то его подтолкнул, потому что, мол, его женушка миловалась с другим.

– С тобой, Мэтью?

– Мистер Шарп! – воскликнул обиженно Додд. – Конечно нет!

Вода закипела быстро. Шарп зачерпнул чая жестяной кружкой и, поблагодарив капрала, направился к склону, в сторону французов. Спускаться он не стал, но нашел у дороги кряж, выступавший наподобие бастиона и протянувшийся на сотню шагов. Заканчивался кряж холмиком, где между булыжниками и полагалось находиться караульным. Подходя, капитан нарочно задел камень, чтобы дать о себе знать.

– Кто там? – Ответ последовал мгновенно, но иного Шарп и не ожидал, поскольку службу нес сержант Рид.

– Капитан Шарп.

– Пароль, – строго потребовал Рид.

– Глоток горячего чая, сержант, если не застрелите.

Рид не давал спуску, когда речь шла о соблюдении установленного порядка, однако даже педанта можно убедить сделать послабление, предложив вместо пароля чая.

– Пароль, сэр, Джессика, – укоризненно сказал он.

– Полковничья жена, а? Мистер Слингсби забыл меня предупредить. – Он передал Риду кружку. – Все тихо?

– Тихо, сэр. Ни звука.

Из темноты выступил прапорщик Айлифф. Формально старшим пикета был он, но по действующей процедуре все свои действия ему полагалось согласовывать с сержантом. Подойдя ближе, прапорщик изумленно уставился на Шарпа.

- Доброе утро, мистер Айлифф.
- Сэр!.. – испуганно выдавил мальчишка.
- Спокойно?
- Думаю, что да, сэр.

Айлифф никак не мог оторвать взгляд от капитанского лица. Не вполне понимая, что могло так изменить личность командира, он в то же время не решился спросить напрямую.

Восточный склон уходил вниз и терялся в темноте и тумане. Шарп опустился на корточки, моргнув от боли в ребрах, закрыл глаза и прислушался. Вверху, над ним, переговаривались солдаты, звякал чайник, потрескивал бодро оживающий костер. Лошадь ударила копытом о землю. Заплакал младенец. Все эти звуки его не касались. Он рассчитывал услышать что-то снизу, но там было тихо.

- До рассвета не полезут, – сказал Шарп.
- В темноте французы просто не нашли бы дорогу наверх.
- А вы думаете, сэр, что полезут? – осторожно спросил Рид.
- Так говорят перебежчики. Как порох?
- При таком тумане? Нет, сэр, я бы на него не рассчитывал. – Рид нахмурился. – А вы ушиблись, сэр?
- Упал на ступеньках. Проявил неосторожность. Вы прочистите оружие на подъеме, а я предупрежу полк.

Шесть человек пикета несли службу с заряженными мушкетами и винтовками. За несколько часов порох вполне мог отсыреть и не загореться. На рассвете, перед побудкой, караульные засыпят свежего пороха и произведут по выстрелу, чтобы избавиться от старого заряда. Если не предупредить полк, люди могут подумать, что выстрелы оповещают об атаке неприятеля.

- Не усните здесь, – добавил он.
- Сэр, нас сменят после подъема? – поинтересовался Рид.
- Пару часов перехватите. Но прежде чем ложиться, поточите штыки.
- Думаете... – начал прапорщик Айлифф, однако закончить вопрос не успел.
- Чего ждать, того никто не знает, – ответил тем не менее Шарп, – но с тупым штыком в бой не ходят, мистер Айлифф. Покажите вашу саблю.

Айлифф, как и подобает офицеру стрелковой роты, носил легкую кавалерийскую саблю. Она была старая, купленная, наверное, задешево еще дома, с потемневшей гардой и потертой кожей на рукояти. Прапорщик подал оружие Шарпу, и тот провел пальцем сверху вниз по изогнутому клинку – сначала по острию, потом по тыльной стороне.

- В полумиле отсюда стоят португальские драгуны. Как посветлеет, сходите к ним, найдите кузнеца, дайте ему шиллинг и попросите наточить как следует. Этой саблей вы и кошку не освежете.

Он вернул парнишке его клинок и вытащил свой.

Вместо легкой кавалерийской сабли Шарп носил кавалерийский палаш, длинный, прямой клинок, плохо сбалансированный и слишком тяжелый, зато надежный инструмент в сильной, мужской руке. Лезвие еще не затупилось, а вот острие не мешало бы поправить. На такие вещи, считал Шарп, денег жалеть не стоит.

Вернувшись в лагерь, он зачерпнул еще кружку чая, однако выпить не успел – трубач протрубил «подъем». Сигнал прозвучал глухо, потому что пришел из долины, где стояли французы, но уже через несколько мгновений ему ответили десятки горнов вдоль хребта.

– Подъем! Подъем! – прокричал майор Лерой и, увидев в тумане капитана, помахал рукой. – Доброе утро, Шарп! Чертовски холодно, а? Куда только подевалось лето!

– Я велел караульным разрядить мушкеты, сэр.

– Хорошо, буду иметь в виду. – Он зевнул. – Что это у вас? Чай?

– Я думал, сэр, американцы не пьют чая.

– Лояльные американцы пьют. – (Семья Лероя сбежала из Америки после победы тринадцати мятежных колоний.) – А вот бунтовщики, те пьют чаем рыбу. – Он взял у Шарпа кружку, отпил глоток и скривился. – Фу! Вы что, сахаром не пользуетесь?

– Никогда.

Лерой попробовал еще и покачал головой:

– Боже, вкус, как у теплой конской мочи. – Тем не менее он осушил кружку до дна. – Привет, парни! Веселей! Строимся!

Сержант Харпер уже повел своих людей на смену караулу Рида. Из тумана донеслись выстрелы – дозорные пальнули в воздух. Лейтенант Слингсби, хотя и хватил лишнего накануне, выглядел свежо и держался бодрячком, как будто собирался нести службу у Виндзорского замка. Выйдя из палатки, он одернул мундир, поправил ножны и зашагал в сторону пикета.

– Вы почему меня не подождали? – крикнул он вслед Харперу.

– Это я сказал ему идти, – вмешался Шарп.

Слингсби обернулся. В выпученных глазах мелькнуло удивление.

– Доброе утро, Шарп! – Голос лейтенанта звучал до неприличия жизнерадостно. – Ну и ну! Изрядный же у вас фонарь! Надо было вчера приложить сырой бифштекс. Бифштекс! – Наверное, собственный совет показался Слингсби забавным, потому что он коротко хохотнул. – Как себя чувствуете? Надеюсь, лучше?

– Лучше б я сдох, – проворчал Шарп и отвернулся.

Полк уже выстраивался в шеренгу на вершине хребта. Стоять так ему предстояло долго – на случай внезапной атаки французов. Шарп, заняв место во главе роты, бросил взгляд на шеренгу, и на душе вдруг потеплело. Почти шестьсот человек, набранные из деревушек Южного Эссекса, Лондона и даже Ирландии, в большинстве своем воры, пьяницы, убийцы и дураки, но выкованные армией в солдат. Эти люди знали слабости друг друга, смеялись над шутками товарищей и считали свой полк лучшим в мире. Они, может быть, не были такими свирепыми, как коннахтские рейнджеры, расположившиеся левее, или такими модниками, как стоявшие севернее гвардейцы, тем не менее надежности, стойкости, гордости за себя и уверенности в своих силах им было не занимать.

По шеренге четвертой роты прокатились смешки, и Шарп понял – Хорас Пирс отпустил очередную шуточку.

– Разговорчики в строю! – прикрикнул он и тут же пожалел, что открыл рот, – боль напомнила о себе.

Правый фланг полка составляла португальская часть, а уже за ней находилась батарея португальских шестифунтовых орудий. Шарп считал их бесполезными, однако знал, что на позициях немало и девятифунтовиков, которые могли намесить немало каши. Туман таял, и шестифунтовики проступали все отчетливее, а когда капитан повернулся к северу, то увидел, что белая завеса над деревьями за монастырем тончает и расплзается.

Они простояли почти час, а французы так и не двинулись с места. Небо расчистилось, но долина все еще лежала под мгlistой пеленой, похожая на огромную белую реку. Полковник Лоуфорд проехал на Молнии перед строем, останавливаясь перед каждой ротой.

– Поработаем, как всегда. Репутация у нас есть, добавим блеска! Выполним свой долг и покажем французам, что не они самые лучшие!

Прежде чем отъехать от легкой роты, он улыбнулся ее капитану:

– Позавтракаете со мной, Шарп?

– Есть, сэр.

– Молодец. – В полумиле к северу протрубил горн, и Лоуфорд повернулся к майору Форресту. – Думаю, можно расслабиться. Пусть люди передохнут.

Майор кивнул.

Половина осталась в строю, другой позволили разойтись: приготовить чая, перекусить, облегчиться, но при этом не уходить дальше новой дороги и не терять из виду полк. В случае атаки на возвращение в строй давалось полминуты. Две солдатские жены у костра точили штыки, посмеиваясь над шуточками стрелка Хэгмена. Неподалеку молился сменившийся с караула сержант Рид. Опустившись на одно колено, он держал руку на мушкете. Стрелок Харрис, утверждавший, что не верит ни в какого бога, проверял, на месте ли кроличья лапка. Прапорщик Айлифф пытался укрыться за палаткой полковника – парня выворачивало наизнанку.

– Мистер Айлифф! – окликнул его Шарп.

– Сэр. – Прапорщик опасливо подошел к нему. На небритом подбородке повисли желтоватые ниточки рвоты.

– Возьмите вот это. – Притворившись, что ничего не заметил, Шарп вытащил палаши и два шиллинга. У бедняги, скорее всего, не было ни пенни, так что заплатить за себя он не мог. – Найдите португальского кузнеца и пусть заточит как следует. Чтобы я мог им бриться. Все, ступайте. И возвращайтесь побыстрее.

Возле палатки Лоуфорда, обнажившись до пояса, брился Роберт Ноулз. Белые, как молоко, грудь и спина резко контрастировали с темным, как старое дерево, лицом.

– Вам бы надо отпустить усы, – посоветовал Шарп.

– Что вы такое говорите. – Ноулз заглянул в зеркало, приставленное к чашке с водой. – Мой дядя носил усы, так он обанкротился. Как самочувствие?

– Хуже некуда.

Ноулз отвел руку с бритвой от намыленной щеки и посмотрел на капитана:

– Да вы и выглядите не лучше. Проходите, Ричард, полковник вас ждет.

Шарп подумал, что ему бы тоже не мешало побриться, но представил, как будет водить лезвием по разбитой скуле, и решил, что дело потерпит до конца дня. Хотя к вечеру физиономия будет черной, как порох. Он нырнул в палатку.

Полковник Лоуфорд сидел за накрытым тонкой скатертью складным столиком.

– Вареные яйца, Шарп. Люблю, знаете ли, вареные яйца. Но только когда сварены должным образом. Садитесь. Хлеб еще не зачерствел. Как ваши раны?

– Почти не чувствую, сэр.

– Молодец. – Полковник зачерпнул ложечкой сваренное всмятку яйцо, отправил в рот и удовлетворенно кивнул. – Туман поднимается. Как думаете, французы пойдут?

– Майор Хоган считает, что пойдут.

– Что ж, наше дело – исполнять долг. Да и для полка хорошая практика, верно? Пострелять по настоящим целям! Это кофе, Шарп. Очень хороший кофе. Угощайтесь.

Других приборов на столе не было, и Шарп понял, что приглашен в единственном числе. Он налил кофе, взял яйцо и кусочек хлеба и молча принялся за еду, чувствуя себя крайне неуютно. Он знал Лоуфорда более десяти лет, однако сказать сейчас ничего не мог. Некоторые, вроде Хогана или майора Форреста, могли трепаться часами и никогда не уставали от разговоров. Оставь их в толпе чужаков, и они будут болтать как сороки. Шарп же в компании всегда молчал, как будто язык проглотил. Впрочем, Лоуфорд, похоже, ничего не имел против. За едой он читал четырехнедельной давности «Таймс».

– Боже...

– Что такое, сэр?

– Том Дайтон умер. Бедняга. Здесь сказано, в преклонном возрасте. По-моему, ему было около семидесяти.

– Я его не знал, сэр.

– У него была земля в Суррее. Отличный парень. Женился в свое время на дочери Кэллоуэя. Весьма разумно. – Он сложил газету и бросил ее на стол. – Хотите почитать?

– Хотелось бы, сэр.

– Так берите.

Читать Шарп не собирался, но газета могла пригодиться. Он разбил скорлупу на верхушке яйца и взял ложечку.

– Значит, вы полагаете, что французы полезут? – с натушной сердечностью спросил Лоуфорд, очевидно уже запомнивший, что задавал этот самый вопрос несколькими минутами раньше.

Шарп уловил нервозность в голосе полковника. И что бы это могло значить?

– Думаю, сэр, нам надо исходить из того, что полезут.

– Совершенно верно. Совершенно верно. Готовиться, как говорится, к худшему и надеяться на лучшее, так? Да-да, будем готовиться. – Лоуфорд намазал маслом хлеб. – Исходить из того, что драка неизбежна. Веллингтон и Массена сыграют в Короля Крепости, а? Но вряд ли день будет уж очень трудный, как думаете?

Из-за чего полковник так нервничает? Из-за предстоящего сражения? Вряд ли. Лоуфорд не раз бывал в серьезных заварушках и знал, чего ожидать. Тем не менее Шарп решил ободрить командира:

– Лягушатников недооценивать нельзя, сэр. И лезть они будут, несмотря ни на что. Но больших трудностей не будет. Подъем их задержит, так что мы всех перестреляем.

– Я придерживаюсь того же мнения. – Лоуфорд ослепительно улыбнулся капитану. – Подъем их задержит, и мы всех перестреляем. В общем, лисица пошла, след взят, лошадь под нами отличная и все идет как по маслу.

– Мы должны победить, сэр, если вы это имеете в виду. И если португальцы будут хорошо драться.

– Ах да, португальцы. О них я как-то не подумал. Но вроде бы парни боевые. Берите еще яйцо.

– В меня уже больше не лезет, сэр.

– Уверены? Что ж, а вот я не могу отказаться от хорошо сваренного яйца. Мой отец, да упокоит Господь его душу, верил, что у дверей рая нас всех встречает ангел с двумя вареными яйцами на серебряной тарелочке. Надеюсь, его так и встретили. – Шарп решил, что сказать на это нечего, а потому промолчал. Полковник же, аккуратно срезав верхушку, посыпал ее солью и подцепил ложечкой. – Дело вот в чем, – продолжил он, но уже без прежней уверенности. – Если все пойдет, как мы рассчитываем... если ничего непредвиденного не случится... В общем, я хотел бы устроить полку хорошую проверку. Опыт, как вы знаете, приходит только в бою.

– Проверку нам французы устроят, сэр.

– Да? – удивился Лоуфорд.

– Каждый раз, когда мы деремся с ними, они устраивают нам проверку, сэр. А мы набираемся опыта.

– А, вот оно что! Понимаю. – Полковник доел яйцо, промокнул губы салфеткой. – Я имею в виду настоящий опыт, Шарп. Такой опыт, который пойдет на пользу всему полку. Глядя со стороны, ничему не научишься, так ведь? Надо самому все попробовать. Вы со мной согласны?

– Конечно, сэр.

– Так вот что я решил. – Лоуфорд больше не смотрел на Шарпа – все его внимание заняло выеденное яйцо. – Командование легкой ротой сегодня возьмет на себя Корнелиус. Нет, роту он не принимает, не думайте, но я хочу, чтобы парень расправил крылья. Хочу проверить,

чего он стоит, понимаете? И если ничего особенного не произойдет, сегодня много крови не прольется. – Он отложил ложечку и взглянул наконец на Шарпа. Шарп молчал. Он кипел от злости. Его унизили. И он ничего не мог поделать. Протестовать? Что толку? Полковник принял решение, а станешь возражать – только упрется еще сильнее. – А вы, Шарп... – Худшее осталось позади, и Лоуфорд позволил себе улыбнуться. – Думаю, вам нужно отдохнуть. Да еще это вчерашнее происшествие... Выглядите вы не лучшим образом. Так что пусть Корнелиус покажет нам, что умеет, а? А вы возьмете его лошадь и останетесь при мне. Что скажете?

– Я так скажу, – не удержался Шарп, – что ротой должен командовать лучший.

– Если я последую вашему совету, то никогда не узнаю, на что способен Корнелиус. Нет, Шарп, дадим ему шанс. Вы себя уже проявили, вам доказывать нечего. – Полковник с надеждой посмотрел на капитана, ожидая его одобрения, но тот снова ничего не сказал.

Шарп чувствовал себя так, словно земля вдруг ушла из-под ног.

И в этот момент в долине ударило орудие.

Снаряд с визгом промчался сквозь туман, вырвался на солнечный свет уже над хребтом – черный шар на фоне чистого неба, – описал дугу над войском и упал возле новой дороги, соединявшей теперь британские и португальские части. Снаряд взорвался после первого отскока, не причинив никому ни малейшего вреда, и лишь один крохотный осколок уже на излете царапнул палатку Лоуфорда. Туго натянутый серый брезент вздрогнул.

– Пора, Шарп, – сказал Лоуфорд и отшвырнул салфетку.

Французы начали.

Тридцать три французских полка, выстроенные четырьмя колоннами, двинулись через речку вверх по дальнему, все еще укрытому густым туманом склону. Они составили первую атакующую группу. Вторая только формировалась; двадцать два ее полка объединились в две еще более внушительные колонны, которым предстояло наступать по обеим сторонам лучшей из дорог, что вела к северному краю хребта. Перед третьей, меньшей из колонн, ставилась задача развить и закрепить успех первых двух. Вместе обе атакующие группы образовывали нечто вроде молота и наковальни. Первая, пройдя вдоль худшей из дорог до низкого участка хребта, захватит вершину и повернет на север, нанося удар по частям противника, сдерживающим наступление второй группы. Наблюдая за построением этой второй группы, маршал Массена уже представлял, как побегут в панике англичане и португальцы. Побегут, бросая оружие и ранцы, сметая на своем пути все, что мешает бегству. И вот тогда он выпустит кавалерию – через северную оконечность хребта, вслед за отступающими. Маршал поймал себя на том, что постукивает пальцами по луке седла в такт пробивающимся через туман глухим ударам барабанов. Эти барабаны гнали вперед первую штурмовую группу.

– Сколько? – спросил он адъютанта.

– Без четверти шесть, сир.

– Вам не кажется, что туман расходится? – Массена нацелил на склон свой единственный глаз. Второго его лишил император – несчастье случилось на охоте, – и с тех пор он носил повязку.

– Возможно, – с сомнением ответил адъютант.

Сегодня, думал Массена, он будет спать в монастыре по ту сторону хребта. Пошлет драгун, чтобы доставили из Тонделы Генриетту, из постели которой его бесцеремонно вырвали накануне. Маршал улыбнулся, вспомнив, как она тянула к нему белые руки, когда он одевался. Поспать удалось пару часов, не больше, а встать пришлось рано. Утро выдалось холодное, сырое, туманное, но туман на стороне французов. Он скроет наступающие по склону войска, а когда англичане и французы увидят их, будет уже поздно. Стоит только его «орлам» достигнуть вершины, и исход сражения решен. К полудню все закончится, а через пару дней в Париже зазвонят колокола, оповещая всех об очередном триумфе «орлов». Интересно, какие

еще почести ожидают его? Он уже стал князем Эслингским, но к вечеру, возможно, заслужит и более почетный титул. Император в таких делах не скупится и от него, Массена, ожидает великих свершений. Остальная Европа притихла, склоненная к повиновению мощью Франции, поэтому император и смог прислать в Испанию подкрепления, составившие новую португальскую армию, вверенную ныне Массена. В Париже ждут, что Лиссабон будет взят к листопаду. Ему нужна скорая и решительная победа. Здесь и сегодня. И тогда остатки неприятельских сил побегут до самого Лиссабона.

– Вы точно знаете, что за хребтом есть монастырь? – обратился маршал к одному из своих португальских адъютантов, воевавшему на стороне Франции, потому что Франция, по его мнению, воплощала собой разум, свободу, рационализм и прогресс.

– Монастырь есть, сир.

– Спать будем там, – объявил Массена и устремил взгляд на другого адъютанта. – Пусть два эскадрона будут готовы доставить мадемуазель Лебертон из Тонделы.

Позабывшись о собственном комфорте, маршал прищипорил коня, подъехал к реке, остановился и прислушался. Южнее ударила пушка, извещающая о выступлении первой группы, и, как только эхо выстрела затихло, до него долетел ритмичный бой барабанов – четыре южные колонны начали подъем по склону. Это был голос победы. Голос идущих в сражение «орлов».

На то, чтобы построить четыре колонны, ушло более двух часов. Солдат поднимали в темноте, а сигнал побудки дали часом позже, чтобы обмануть англичан, заставив их поверить, что французы еще спят. Сержанты поджигали факелы, и люди подстраивались к ним, рота за ротой, но все равно дело продвигалось не так быстро, как ожидалось. Из-за тумана многие, проснувшись, не могли сразу сориентироваться. Офицеры раздавали приказания, сержанты орали, заталкивали людей в строй, и кое-кто с перепугу занял не свое место. Таких приходилось вытаскивать и гнать в нужный строй, порой нападая прикладом. И все же в конце концов все тридцать три полка были собраны в четыре колонны на лужайках у реки.

В этих четырех колоннах было восемнадцать тысяч человек. Если бы они выстроились в три шеренги – обычное для французов построение, – то растянулись бы на две мили, но сейчас их спрессовали в четыре плотные колонны. Две более крупные возглавляли наступление, две помельче шли за ними, готовые при первой возможности пойти в прорыв. Передние шеренги передовых колонн состояли из восьмидесяти человек, еще восемьдесят шеренг двигались за ними, и эти громадные блоки представляли собой мощные тараны, плотные квадраты пехоты, призванные сокрушить оборону противника, продавить ее силой инерции.

– Теснее! Держать строй! – закричали сержанты, как только колонны достигли склона.

Сила колонны в ее плотности. Чтобы быть подобием боевой машины, каждый должен идти в ногу, плечом к плечу, и задние должны давить на передних, гнать их на вражеские пушки. Идущие в первой шеренге фактически обречены на смерть, так же как и те, что за ними, во второй и третьей, но сила инерции несет эту огромную массу вперед, через своих убитых, к неприятельским линиям, и вот там уже начинается настоящая рубка. Барабанщики в середине колонн отбивают четкий ритм марша, замирая на мгновение, чтобы тысячи людей выдохнули привычным рефреном «*Vive l'Empereur!*».

Впрочем, рефрен этот звучал все реже – начался подъем. Склон был крутой, подъем отнимал силы, солдаты сбивались с ритма, отставали. Туман еще висел, кусты и поваленные деревья разбивали строй, шеренги соединялись не сразу, и разрозненные группки в одиночку брели сквозь мглистую завесу – вперед, вверх, навстречу неизвестности. Не достигнув еще и середины склона, передовые колонны рассыпались на кучки усталых людей. Офицеры, обнажив сабли, металась между этими кучками, призывая солдат вернуться в строй, прибавить шаг, но крики звучали с разных сторон, внося неразбериху, заставляя одних идти влево, а других вправо, путаясь, мешая друг другу. Барабанщики, следуя за разрозненными группками, тоже устали, и барабаны били все медленнее и невпопад.

Далеко впереди колонн, двигаясь рассеянным строем, карабкались к свету французские стрелки. Чем ближе к вершине, тем реже становился туман. На каждую колонну приходилось примерно по шестьсот вольтижеров, задача которых состояла в том, чтобы отогнать британских и португальских стрелков, выдавить их за вершину хребта и потом вести огонь по позициям обороняющихся, с тем чтобы ослабить их перед главным ударом.

Над расстроенными колоннами, невидимые в тумане, парили «орлы». «Орлы» Наполеона, французские штандарты, сияющие золоченые фигурки на древках. К двум из них были привязаны трехцветные полотнища, но большинство полков сняли флаги и отправили на хранение во Францию, больше полагаясь на новые знаки доблести, императорских «орлов».

– Подтянуться к «орлу»! – прокричал кто-то из офицеров.

Усталые солдаты попытались восстановить строй, и тут сверху застучали первые выстрелы – это стрелки вступили в бой. Внизу, в долине, грохнула пушка, за ней другая, и вот уже две французские батареи стали бить наугад, в туман, надеясь, что их снаряды проредят оборонительные линии на вершине хребта.

– Господи! – воскликнул полковник Лоуфорд, узрев вырвавшуюся из тумана на склоне тучу французских стрелков.

Противник имел явное численное преимущество над несколькими ротами британской и португальской легкой пехоты, однако касадоры и зеленые мундиры опередили вольтижеров, первыми открыв огонь. Белые дымки взметнулись над склоном. Французские шеренги дрогнули, подались назад, потом вольтижеры опустились на одно колено и вскинули мушкеты. Залп расколол утро, добавив к туману порохового дыма, и Шарп увидел, как упали два красномундирника и португалец. Союзники выстрелили еще раз, но вольтижеров было слишком много, их мушкеты били, казалось, беспрерывно, и солдаты в красных, зеленых и коричневых мундирах отступали. Французы наступали короткими перебежками, и на каждого из обороняющихся приходилось по двое атакующих. Было ясно, что они побеждают в этом первом столкновении.

Рота под командованием лейтенанта Слингсби, развернувшись впереди полка, оказалась теперь на фланге французского наступления. Прямо перед ними был голый склон, справа – вольтижеры. Рота могла бы ударить неприятелю во фланг, но приказа не последовало, а потом французский офицер осознал опасность и приказал двум своим ротам отогнать британцев.

– Отходите, – пробормотал Шарп. Сидя верхом на Порции, лошади Слингсби, он имел прекрасную возможность наблюдать за происходящим. – Назад! – сказал капитан уже громче, за что удостоился недовольного взгляда Лоуфорда.

К этому времени Слингсби и сам понял, чем грозит промедление, и восемь раз свистнул в свисток. Сигнал означал, что стрелки должны отойти вверх по склону в сторону полка. Приказ был правильный, Шарп и сам отдал бы такой же, но тут у Слингсби закипела кровь. Не желая отступать так рано и уступать таким образом в первой же схватке, он, вместо того чтобы исполнить свою же команду и подняться вверх, побежал поперек склона.

Рота уже двинулась к вершине, но, увидев, что лейтенант остался внизу, остановилась в нерешительности.

– Стреляйте! – крикнул Шарп. – Не толпитесь! Живей!

Ядро ударилось о камень у его правой ноги и срикошетило в небо. Хэгмен подстрелил французского офицера, а Харрис уложил сержанта, упавшего лицом вниз в кусты, но французы продолжали наступать, и Слингсби понемногу отходил, однако, вместо того чтобы занять позицию между противником и своим полком, оказался у неприятеля на фланге. Первым ситуацию просчитал французский офицер, направивший вольтижеров в образовавшуюся брешь, чтобы ударить обороняющимся во фланг. С вершины хребта пальнула пушка. Ядро улетело в туман за вольтижерами.

– Должно быть, увидели что-то, – сказал Лоуфорд, похлопывая по шее испуганного внезапным треском шестифунтовика коня. – Слышите барабаны?

– Слышу, – отозвался Шарп. Звук был знакомый, *pas de charge*, поступь идущих в наступление «орлов». – Старые штаны.

– Почему их так называют?

– Есть такая песенка, сэр.

– Стоит послушать?

– Только не в моем исполнении, сэр. Нет способностей.

Лоуфорд улыбнулся, хотя никакого желания слушать солдатские куплеты у него и не было. Сняв треуголку, он провел ладонью по волосам. Хоть бы поскорее все закончилось. Вольтижеры уже не наступали, но стрелять продолжали, рассчитывая по мере возможности ослабить неприятеля до подхода колонны.

– Их главные силы должны быть где-то неподалеку.

Шарп наблюдал за Слингсби, который, после того как французы отвернули, как будто немного растерялся. Действовал он совсем даже неплохо. Как и вся рота, включая прапорщика Айлиффа, который еще недавно, когда возвращал Шарпу заточенный палаш, казался бледным и неуверенным. Сейчас же он сохранил свое место в строю, а большего от него и не требовалось. Рота нанесла врагу некоторый урон, однако противник ушел, и Слингсби следовало бы подняться повыше и развернуть стрелков по всему фронту полка, но тут из тумана выступили первые колонны.

Поначалу это были просто темные тени, и Шарп не сразу понял, что такое перед ним, поскольку колонна уже не была плотной массой, а состояла из разрозненных групп выплывающих из белесой мглы людей. Еще две пушки ударили с хребта, снаряды разорвались в передних рядах, и пелену тумана забрызгало кровью, но люди все шли и шли и, выходя на свет, спешили стать в строй, восстановить колонну, и пушки, переключившись на картечь, вырывали из голубых рядов огромные куски.

Слингсби оставался на фланге, но, увидев колонну, дал приказ открыть огонь. Французские офицеры мгновенно оценили ситуацию, и несколько десятков человек бросились вверх, чтобы отрезать легкую роту.

– Ну же! – громко сказал Шарп, и на этот раз на лице Лоуфорда не отразилось ничего, кроме озабоченности, однако Слингсби сам увидел опасность и подал команду отступить.

Это было не то отступление, которым можно гордиться, солдаты и не думали отстреливаться, отходить организованным порядком – каждый просто спасал свою шкуру. Двое или трое из стоявших дальше по склону рванули вниз, рассчитывая укрыться в тумане, но остальные вскарабкались на вершину, и Слингсби приказал растянуться в цепь перед полком.

– Поздно, – негромко проговорил Лоуфорд. – Поздно, черт возьми. Майор Форрест! Отзовите стрелков.

Услышав горн, запыхавшаяся рота заняла свое место на левом фланге. Вольтижеры, ликвидировав угрозу, перенесли огонь на полк, и пули засвистели над головой Шарпа – противник, как всегда, бил по конным офицерам, собравшимся у полкового знамени. В четвертой роте кто-то упал.

– Сомкнуть ряды! – проорал сержант, и назначенный замыкающим капрал вытащил раненого из строя.

– Уберите его в тыл, – бросил Лоуфорд и, понаблюдав за выползающей из тумана громадной людской массой, повернулся к полку. – Приготовиться!

Почти шесть сотен солдат взвели курки. Вольтижеры, зная, что последует за этим, поспешили усилить огонь. Тяжелое желтое полотнище полкового знамени задергалось от пуль. Еще двое получили по пуле, и один закричал от боли.

– Плотнее! – закричал капрал. – Сомкнуть ряды!

– Хватить орать, дружок! – рыкнул на него сержант Уиллетс из пятой роты.

До колонны еще оставалось около двухсот шагов, но теперь она была на виду. Вольтижеры находились ближе, примерно в сотне шагов, и они продолжали наступать – стреляли, перезаряжали, шли вперед, опускались на колено и снова стреляли. Слингсби выставил вперед несколько человек с задачей бить по офицерам и сержантам, но ни остановить, ни даже замедлить такую атаку им было не по силам. Сделать это могли только красномундирники.

– Цельтесь ниже! – крикнул Лоуфорд. – Не растрачивайте попусту казенный свинец! Берите ниже! – Он проехал вдоль строя, повторяя везде одно и то же. – Цельтесь ниже! Помните, чему вас учили!

Колонна между тем составлялась, ряды теснились, уплотнялись, словно каждый искал защиты в близости с соседом. Девятифунтовый снаряд прожег в ней громадную брешь, оставив за собой длинную дорожку крови. Барабанщики добавили. Бросив взгляд влево, Шарп увидел, что коннахтские рейнджеры прижались к полку слева, добавив своего свинца. Пуля ободрала кончик левого уха его коня и задела рукав. Капитан уже видел лица наступающих французов, усы, раскрытые в прославляющем императора крике рты. Еще один заряженный картечью девятифунтовый снаряд прорвал их ряды, забрызгав шеренги красным, но они переступили через убитых и раненых и снова сомкнулись. Блеснули грозно выставленные штыки. Снова ударили пушки, и французы, поняв, что слева от них артиллерии нет, отклонились в эту сторону, туда, где справа от Южного Эссекса стоял португальский полк.

– Подставляются, – сказал Лоуфорд, наблюдая за маневром противника, подставляющего под удар правый фланг. – Думаю, Шарп, от такого приглашения не отказываются, а? Полк! – Он набрал воздуха. – Полк... вперед!

Южный Эссекский продвинулся вперед всего на двадцать шагов, но этот маневр так напугал вольтижеров, что те поспешили присоединиться к колонне, наступающей теперь вверх и поперек склона.

– Приготовиться!

Почти шесть сотен мушкетов уперлись прикладом в плечо.

– Огонь!

Облако вонючего дыма раскатилось перед полком, и шестьсот прикладов ударили в землю. Солдаты вогнали новые пули.

– Повзводно! – крикнул офицерам Лоуфорд и, стащив треуголку, вытер лоб.

Было еще прохладно, ветер дул с Атлантики, но полковник уже вспотел.

Шарп слышал треск португальских мушкетов, а потом Южный Эссекский продемонстрировал свое мастерство. Стреляли полуротами от центра, и казалось, что огонь не стихает, что пулям нет конца, но люди всего лишь выполняли свою работу, делали то, что умели, что усвоили за часы тренировок: стреляли. Заряжали и стреляли снова. Противника скрыл дым. Шарп проехал вправо, чтобы никто не мог обвинить его во вмешательстве в управление легкой ротой.

– Бери ниже! – покрикивал он. – Бери ниже!

Пуль из дыма вылетало немного, но и те шли вверх. Неопытные солдаты почти всегда стреляют слишком высоко, а поднимающихся по склону французов еще подгоняли мушкеты и пушки. В рядах противника началась паника, доказательством которой стали два вылетевших из дыма шомпола – солдаты просто забыли их вытащить. Остановившись возле гренадерской роты, Шарп некоторое время наблюдал за тем, как работают португалы, и пришел к выводу, что они ничем не уступают любому красномундирному полку.

Огонь защитников хребта стал еще губительнее, когда в дело вступили прославленные коннахтские рейнджеры. И тем не менее французы держались. Внешние ряды и шеренги несли огромные потери, однако внутренняя масса жила, и ее сила несла колонну все выше и выше. Строй уже распадался, но единство сохранялось, а вместе с ним сохранялась и способность

двигаться и переносить убийственные удары сверху. И все-таки чем ближе к вершине, тем больше разваливалась колонна, разрываемая снарядами и картечью, и теперь уже отдельные группы перебирались через кучки погибших и раненых. Шарп слышал крики подгонявших солдат офицеров и сержантов, слышал отчаянный треск барабанов, в соперничество с которыми вступили британские музыканты, заигравшие «Парни из Халика».

– Не самая подходящая вещь! – крикнул майор Форрест, подъезжая к Шарпу. – Как-никак мы не в лошине.

– Вы ранены.

– Пустяк, царапина. – Форрест взглянул на пробитый пулей рукав. – Как португальцы?

– Хороши!

– Полковник уже спрашивал, куда вы подевались.

– Уж не подумал ли, что я вернулся в роту? – невесело усмехнулся Шарп.

– Ну, перестаньте, – укорил его Форрест.

Неуклюже развернувшись, Шарп подъехал к Лоуфорду.

– Не поддаются! Вот мерзавцы, а! – возмущенно встретил его полковник. Порыв ветра слегка разогнал дым, и он, наклонившись, попытался разглядеть, что происходит на склоне, но увидел только упрямо шагающих французов. – Может, штыки их убедят, а? Ей-богу, я готов попробовать. А вы как полагаете?

– Еще пару залпов?

На склоне усиливался хаос. Колонна окончательно распалась на дезорганизованные группы, которые брели вверх, стреляли, останавливались. Группы поменьше прибивались к тем, что побольше. Сумятицы добавляла французская артиллерия. Неприятель, должно быть, подтащил к подножию хребта гаубицы и палил наугад в туман; снаряды перелетали вершину и рвались в тылу, пугая женщин и лошадей, разрывая палатки и разбрасывая кострища. Небольшой отряд вольтижеров занял выступ, на котором Шарп накануне выставлял пикет.

– Надо бы их скинуть, – сказал он.

– Потом! Сейчас не до них, – прокричал Лоуфорд, – но и оставлять их там тоже нельзя! – Он вытянул руку в направлении окутанных дымом французов и глубоко вдохнул. – Примкнуть штыки! Примкнуть штыки!

Полковник Уоллес, командир 88-го, подумал, должно быть, о том же, потому что ирландцы перестали вдруг стрелять, а делали они это только тогда, когда пристегивали семнадцатидюймовые штыки. Паузу заполнил лязг железа о железо. Французы воспользовались затишьем, чтобы предпринять еще один натиск. Их погнали вперед офицеры, сержанты и барабаны. Качнулись и пришли в движение «орлы». Передние ряды достигли убитых и раненых вольтижеров, и наступающие уверили себя, что победа близка, что требуется совсем немного, еще одно усилие, и тонкая цепь обороняющихся вот-вот порвется.

– Полк! – прокричал Лоуфорд. – Вперед!

Пушки добавили дыму, заодно забросав склон горящими кусочками пыжей. Французы сомкнули ряды. Шарп услышал вдруг стоны раненых. Враг ударил справа, но Южный Эссекский уже покотил вперед, и капитан прищпорил коня. Португальцы, видя, что красномундирники перешли в атаку, поддержали союзников.

И атака удалась. Французы оказались неподготовленными, они даже не успели перезарядить мушкеты, и противники сошлись в штыки. Металл ударил о металл, скрежет заполнил воздух наравне с проклятиями и воплями, мертвая сталь пронзала живую плоть.

– Держать строй! Держать строй! – проревел какой-то сержант, но кое-где строй уже распался из-за того, что половина роты атаковала одну цель, а другая половина – другую.

Два француза, вырвавшись из схватки, побежали вверх. Шарп развернул коня и выхватил саблю. Французы, услышав грозный звук, обернулись, бросили мушкеты и раскинули руки. Шарп указал им направление на полковые знамена, где собирали пленных. Один покорно

побрел вверх по склону, а вот другой вдруг наклонился, схватил брошенный мушкет и рванул вниз. Шарп не стал его преследовать. «Орлы», не выдержав натиска, уже отступали, все больше французов, видя это, следовали их примеру. Союзническая артиллерия прекратила огонь, чтобы не бить по своим, но французская продолжала палить, и Шарп, взглянув направо, увидел появившуюся на склоне вторую колонну.

Между тем первая французская атака окончательно захлебнулась. Передние шеренги не могли отступить, потому что на них давили сзади, и несли тяжелые потери от перешедших в наступление британцев и португальцев, но потом задние устремились за «орлами» вниз, давление ослабло, и остатки колонны покатались по склону. Солдаты перепрыгивали через своих убитых и раненых, а красномундирники и португальцы не давали им остановиться. Какой-то гренадер ударил француза штыком в спину, потом добавил, когда тот упал, и ткнул не пожелавшего сдохнуть врага еще раз. Большой барабан с нарисованным «орлом» катился между телами, а мальчишка-барабанщик с оторванной снарядом рукой сжался под кустом. Преследователи пробежали мимо.

– Назад! – сердито скомандовал Лоуфорд. – Назад! – Его то ли не слышали, то ли не желали слушать – победители просто хотели убивать. Полковник посмотрел на Шарпа. – Остановите их! Верните!

Остановить столь хаотичный порыв было нелегко, но капитан послушно тронул бока чужой лошади, которая так резво рванула вниз, что всадник едва не вылетел из седла. Он потянул поводья и услышал, как рядом просвистела пуля. Стреляли вольтижеры, занявшие тот самый холмик. Лошадка снова сорвалась в галоп, Шарп едва успел вцепиться в луку седла, и тут глупое животное споткнулось, и он почувствовал, что летит. Ноги, к счастью, выскочили из стремян, и он приземлился ниже по склону, грохнулся на землю, прокатился с десятков ярдов и врезался в камень. Уверенный, что сломал с десятков костей, капитан попробовал подняться и обнаружил, что отделался ушибами. От Феррагуса досталось больше, но падение с коня разбудило уснувшую боль. Шарп решил было, что лошадь нарвалась на пулю, однако, нагнувшись за саблей, увидел, что она преспокойно трусит вверх без сколь-либо заметных повреждений, если не считать ободранного уха. Прокляв чертову тварь, Шарп махнул на нее рукой и, подобрав палаш и винтовку, пошел вниз.

Кроме красномундирников, на склоне было немало ирландцев из 88-го, занятых обычным делом – проверкой карманов убитых. Те, кто не знал Шарпа, недовольно ворчали, ругались и даже бросали недвусмысленные предостерегающие взгляды. Шарп с ними не связывался. Если в армии и был полк, способный позаботиться о себе сам, то это Коннахтский. Спускаясь ниже, он кричал солдатам, чтобы возвращались, но многие уже почти скрылись в тумане, и Шарп, пытаясь докричаться до них, сам приблизился к опасной границе и остановился, лишь когда увидел поднимающиеся из долины две французские колонны. Одна, как он уже знал, находилась где-то у вершины хребта, но эти две представляли собой свежие, а потому куда более грозные силы.

– Южный Эссекский! – Когда-то, в бытность Шарпа сержантом, его голос разносился на полгорода, но сейчас достичь былой мощи мешали разбитые ребра. – Южный Эссекский! Назад! Назад!

Ядро бухнуло о землю в пяти шагах от него, подпрыгнуло и взорвалось шипящим дымом. Два осколка просвистели так близко, что капитан ощутил на лице их жар. Французские пушки стояли у подножия холма и били по преследующему разбитую колонну противнику.

– Южный Эссекский! – взревел Шарп, и на сей раз его услышали.

Красномундирники остановились и потянулись вверх. Слингсби, с обнаженной саблей в руке, тоже наблюдал за новыми колоннами, но, услышав Шарпа, сунул ее в ножны и взялся подгонять роту. Харпер, увидев капитана, повернул к нему. Семистволку сержант забросил за спину, а в руке ирландец держал винтовку с красным от крови двадцатитрехдюймовым

штыком. Остальные, осознав новую опасность со стороны наступающих французских колонн, поспешили за Харпером.

Убедившись, что рота подчинилась приказу, Шарп и сам повернул назад. Французские снаряды и ядра продолжали вгрызаться в склон, но расходовать боеприпасы, ведя огонь по рассеянным целям, дело пустое. Одно ядро покатилося вниз, заставив Харпера подпрыгнуть.

– Задали мы им, сэр, – ухмыльнулся сержант.

– Надо было оставаться наверху.

– Да, далековато убежали. – Харпер посмотрел вверх и удивленно покачал головой. – Мистер Слингсби... – нерешительно добавил он после паузы и замолчал.

– Мистер Слингсби что?

– Сказал, что вы нездоровы, сэр, что командовать будет он.

– Лживый ублюдок, – бросил Шарп, не слишком заботясь о том, слышат его другие или нет.

– Так что, командует он? – бесстрастно спросил Харпер.

– Полковник сказал, что мистеру Слингсби надо дать шанс.

– Вот он его и получил.

– С ротой должен быть я.

– Но был он. Парни все живы. Кроме Додда.

– Что с Мэттью? Убит?

– Не знаю. Просто его нигде не видно. Я присматривал за ребятами, но его не заметил. Может, уже вернулся.

– Я его тоже не видел.

Они остановились и пересчитали роту по головам. Все были на месте, кроме капрала Додда.

Слингсби поспешил к Шарпу.

– Принесли приказ, Шарп? – резко спросил он.

– Приказ один – побыстрее вернуться на позиции.

– Поторопитесь! – крикнул Слингсби и снова повернулся к Шарпу. – Хорошо поработали!

– Да?

– Обошли вольтижеров с фланга. Честное слово! Было на что посмотреть!

– Неужели?

– Жаль, вы не видели. – Слингсби прямо-таки захлебывался от гордости. – Проскочили мимо, зашли с фланга и ударили!

Шарп мог бы охладить его пыл несколькими комментариями, однако предпочел промолчать. Харпер, наклонившись, вытер штык об убитого француза и быстро обшарил его карманы. Догнав Шарпа, сержант предложил ему половину круга колбасы:

– Вы же любите французскую, сэр.

Шарп сунул трофей в карман, приберегая к обеду. У ног упала пуля, и капитан посмотрел в сторону занятого неприятелем холмика:

– Жаль, они его захватили.

– Нас не касается, – пожал плечами Слингсби. – Надо же, обойти с фланга! Ну и задали ж мы им!

Харпер скосил глаз на Шарпа и отвернулся, сдерживая усмешку. Британские и португальские орудия уже били по второй колонне, которая выходила к вершине. Две свежие, обе меньше первых двух, поднимались следом. Еще одна пуля, посланная с захваченного вольтижерами холма, вжикнула над головой, и Шарп принял в сторону.

– Моя лошадь еще у вас? – спросил Слингсби.

– Не здесь, – ответил Шарп, и Харпер издал звук, как будто поперхнулся.

– Вы что-то сказали, сержант? – Слингсби строго взглянул на ирландца.

– Дым, сэр, – ответил Харпер. – Попал в горло. Я ведь, сэр, в детстве был хилым. И все из-за дыма в доме. Матушка, упокой ее Господь, даже выгоняла спать во двор. Пока волки не пожаловали.

– Волки? – насторожился Слингсби.

– Да, сэр. Три здоровенные зверюги. И языки у них были такие, как ваш мундир, сэр. Сильно напугали. С тех пор спал только в доме. Бывало, кашлял всю ночь. Так что, сэр, это все из-за дыма.

– У вас что же, и трубы не было? – фыркнул Слингсби.

– Не додумались, сэр, – тоном деревенского дурачка ответил Харпер, и Шарп не удержался и рассмеялся, за что удостоился неприязненного взгляда от новоявленного капитана.

Оглядевшись еще раз, Шарп заметил прапорщика Айлиффа с обнаженной саблей, на острие которой застыла кровь.

– Отличная работа, мистер Айлифф, – одобрительно сказал он.

– Он сам на меня наткнулся, сэр, – неожиданно бодро ответил паренек. – Такой здоровый!

– Сержант, – пояснил Харпер. – Собирался проткнуть мистера Айлиффа.

– Верно!

– Но мистер Айлифф, сэр, так ловко от него ушел! Как белка. А потом и сам угостил лягушатника сталью. Хороший получился удар, мистер Айлифф, – похвалил Харпер, и прапорщик густо покраснел.

Шарп попытался вспомнить, когда сам в первый раз побывал в серьезной драчке, сталь на сталь, но поскольку рос он в Лондоне, то и привык к жестокости с малых лет. Другое дело мистер Айлифф, сын обедневшего эссекского джентльмена. Разумеется, для парня сегодняшней бой стал откровением. И надо признать, юнец не оплошал. Капитан улыбнулся:

– Так скольких уложили, мистер Айлифф? Неужели только одного?

– Только одного, сэр.

– А вы ведь офицер. Вам положено по паре в день!

Все рассмеялись. Айлифф довольно приосанился.

– Хватит трепаться! – Слингсби вспомнил, что ротой командует он. – Шире шаг!

Полковые знамена Южного Эссекского двинулись в южную сторону; полк спешил туда, где шел бой со второй колонной, и стрелки взяли наискосок. Французы прекратили бомбардировать склон и перенесли огонь на вершину хребта. Тлеющие фитили оставляли в небе над ротой дымчатые змейки. Шум сражения усиливался, треск мушкетов сливался с барабанным боем и воинственными криками.

Проводив роту до вершины, Шарп неохотно отправился на поиски Лоуфорда. Туман, упавший было на дно долины, снова сгустился, накрывая плотными хлопьями две небольшие колонны и раскатываясь дальше к югу, туда, где шла еще одна колонна. Она была первой и потому поднималась медленнее. Дорога, вдоль которой двигалась колонна, помогала ориентироваться в тумане, скрывавшем француза от неприятеля, так что к вершине первые шеренги вышли организованно, сохранив строй. Восемь тысяч человек, подгоняемые ста шестьюдесятью тремя барабанщиками, приблизились к цели и остановились, наткнувшись на плотный огонь.

Наверху их ждали 74-й шотландский полк и португальская бригада, на правом фланге которой разместились две батареи девятифунтовых орудий. Пушки ударили первыми, забросав наступающих ядрами и картечью и залил кровью чахлые кусты, а за ними открыли огонь шотландцы. Их поддержали португальцы, и колонна, подобно быку, смущенному нападшими со всех сторон терьерами, застыла на месте. Колонна против шеренги. Численное преимущество было на стороне первой, но вторая всегда имеет преимущество огневое. В колонне стрелять могут только первые ряды, в шеренге применение мушкету находил каждый. Град пуль окра-

сил французский строй в красное, но этот строй держался. Вольтижеры, отогнав британских и португальских стрелков, рассыпались вдоль фронта, а за их спинами офицеры гнали вперед солдат, барабанщики выбивали *pas de charge*, однако тем, кто стоял впереди, не доставало сил преодолеть свинцовый заслон. Они, правда, отвечали, но слабо, неуверенно, а между тем ряды их съеживались и рвались. Да тут еще и португальская артиллерия получила подкрепление. Новые орудия вытащили на позиции, развернули, лошадей выпрягли и отвели подальше, а пушкари принялись забрасывать неприятеля картечью. Вскоре левый угол колонны напоминал скотобойню. Развороченные тела, кровь, кричащие от боли раненые... Пушки били и били, безжалостно и неутомимо молотя и обжигая плотную человеческую массу. Каждое ядро опускали в жерло на веревочной петле, чтобы не скатилось вниз, и горящие обрывки веревок вертелись в воздухе, словно исполняли безумный огненный танец. Обороняющиеся получали подкрепление с южного участка по проложенной в тылу дороге, и подходящие части, пристраиваясь к южному флангу, усиливали огневую мощь союзников.

Не в силах продвинуться выше, колонна начала смещаться к северу. Обнаружив за португальской бригадой свободное место, французские офицеры погнали солдат вправо, а рота вольтижеров поспешила вверх, рассчитывая занять плацдарм.

Первым этот маневр колонны заметил полковник Лоуфорд.

– Мистер Слингсби! – крикнул он. – Разверните роту! Отбросьте мерзавцев! Полк – направо!

Лоуфорд рассчитывал прикрыть брешь, и перед Слингсби стояла задача не допустить на свободное место неприятельских стрелков. Шарп, взгромоздившись на чужого коня, пойманного стараниями майора Форреста, держался вблизи полковника и считал «орлов» над громадной колонной. Пока ему удалось насчитать пятнадцать. Шум стоял – трещали, как сухие колючки, мушкеты, громыхали пушки, им вторило эхо. Дым стелился над туманом, успевшим подняться почти до вершины хребта. Время от времени клубящиеся белые громадины вздрагивали, когда их пронзало французское или британское ядро. Склон устилали тела в голубых мундирах. Какой-то бедолага полз вниз, волоча разбитую ногу. Возле одного из убитых, не желая покидать хозяина, вертелась с надсадным лаем собачонка. Французский офицер сидел на земле, закрыв руками окровавленное лицо. Наконец на фоне глухого уханья орудий отчетливо прозвучал треск винтовок, и Шарп понял – его рота вступила в бой. Смотреть туда он не хотел, но и не смотреть не мог. Рота дралась хорошо. Застав вольтижеров врасплох, стрелки уже свалили двух офицеров, и теперь за дело взялись мушкеты.

Слингсби, придерживая ножны, чтобы не бились о камни, расхаживал за строем, бросая команды, и Шарп снова испытал приступ ненависти к этому человеку. Ублюдок нацелился на его место, и все потому, что стал полковничьим шурином. Ненависть поднималась в нем, как желчь, и, слыша ее шепот, Шарп снял с плеча винтовку и взвел курок. Приклад уперся в плечо. Лошадь переступила с ноги на ногу, и Шарп рыкнул на нее.

Он прицелился Слингсби в спину. В низ спины. Туда, где поблескивали две начищенные медные пуговицы. Сейчас он выстрелит. И никто ничего не узнает. Сто шагов – для винтовки убойное расстояние. Шарп представил, как пуля ударит в спину, как дернется Слингсби, как свалится на землю вместе со своей драгоценной саблей, как задрожит тело, пытаясь сохранить ускользающую жизнь. Мерзкий слизняк. Ублюдок. Палец лег на спусковой крючок. На него никто не смотрел, все наблюдали за уходящей в сторону колонной, а если кто и смотрел, то видел лишь офицера, целящегося в вольтижера. Шарпу и раньше доводилось убивать, и Слингсби не будет последним. Его вдруг передернуло от ненависти, и палец сам собой рванул спусковой крючок. Отдача ударила в плечо, лошадь дернулась...

Пролетев над четвертой ротой, пуля на дюйм разминулась с левой рукой Слингсби, срикошетила от камня и угодила под самый подбородок какому-то вольтижеру. Француз каким-

то образом оказался рядом с лейтенантом, и пуля Шарпа, выбив из него фонтанчик крови, бросила тело на землю.

– Боже мой, Ричард! Прекрасный выстрел! – Майор Лерой покачал головой. – Лягушатник едва не подстрелил Слингсби. Я за ним наблюдал, но на такое не решился бы.

– Я тоже... наблюдал, сэр, – соврал Шарп.

– Никогда ничего подобного не видел! Да еще с лошади! Вы видели, полковник?

– Что такое, Лерой?

– Шарп только что спас жизнь Слингсби. Снял француза одним выстрелом! Черт!

Шарп повесил винтовку на плечо, даже не потрудившись перезарядить. Ему вдруг стало стыдно. Пусть лейтенант выскочка, пусть наглец, но ведь он не сделал ему ничего плохого. Не Слингсби виноват, что его смех, присутствие и сама наружность раздражают кого-то. Шарп вдруг понял, что подвел самого себя, что поступил недостойно и мерзко, и даже незаслуженная похвала Лоуфорда не добавила ему настроения. Он отвернулся. На деревянном столе у палатки костоправа двое держали раненого гренадера, и кровь брызгала во все стороны из-под снующей туда-сюда пилы. Неподалеку раненый и две женщины, все с мушкетами, охраняли горстку пленных французов. Мальчонка играл со штыком. Монахи вели груженных бочонками с водой мулов. По новой дороге маршировал португальский полк, дополненный пятью ротами красномундирной пехоты. Там же, поднимая клубы пыли, скакал всадник с донесением от одного генерала к другому. Игравший со штыком мальчонка выругался, когда лошадь пронеслась слишком близко. Женщины засмеялись. Монахи оставили пару бочонков в тылу Южного Эссекского и двинулись дальше, к португальской бригаде.

Шарп снова повернулся и увидел, что колонна остановилась. Место, куда они шли, заняли британцы, и французы вроде бы готовились растянуться плотной шеренгой, чтобы вступить с противником в перестрелку. Наступление захлебнулось, и никакие барабанщики уже не могли его оживить.

– Сюда бы пару пушек, – сказал Шарп и, повернувшись влево, увидел, что Южный Эссекский, двинувшись на перехват колонны, оставил огромную брешь между собой и коннахтскими рейнджерами и эта брешь быстро заполняется вольтижерами, которые устремились туда с того самого злосчастного, всеми забытого скалистого холмика, куда они отступили раньше.

Налетевший ветер разогнал туман, и Шарп увидел кое-что еще: брешь спешили заполнить не только вольтижеры, но и две маленькие французские колонны. Скрытые туманом, они остались без внимания со стороны британских и португальских артиллеристов и теперь подбирались к вершине хребта. Их «орлы» блестели на солнце, до победы было рукой подать, и на их пути оставались только трава и пустота.

Шарп понял – это катастрофа.

Глава четвертая

Странно, но именно в то утро, когда пушки открыли огонь, от которого в Коимбре задрожали стекла в окнах, посуда и люстры, Феррагус сообщил собравшейся по его требованию прислуге, уже приготовившейся отправиться на юг, к Лиссабону, что никто никуда не едет и все остаются в городе.

Беатрис Феррейра, всегда боявшаяся своего деверя, перекрестилась.

– Но почему? – спросила она.

– Вы это слышите? – Феррагус кивнул в ту сторону, откуда доносились звуки канонады, напоминавшие непрерывные раскаты далекого грома. – Наша армия и англичане сейчас сражаются с французами. Мой брат считает, что врага еще можно остановить. Если он прав, если мы одержим верх, то французы не придут.

– Слава Господу и святым Его, – проговорила Беатрис Феррейра, и слуги согласно закивали.

– А если они все-таки придут? – Вопрос исходил от Сары Фрай.

Феррагус нахмурился. Какая наглость! Впрочем, чего еще ждать от кичливой англичанки, которая не знает, когда можно говорить, а когда лучше помолчать.

– Если они придут, – раздраженно ответил он, – то мы узнаем об этом заранее, потому что наша армия будет отступать через Коимбру. И тогда мы уйдем вместе с ней. Но пока, до получения новостей, остаемся. – Он коротко кивнул, давая понять, что закончил, и слуги один за другим потянулись из комнаты.

Феррагусу не нравилось в доме брата. Слишком много помещений, слишком много вещей, оставшихся от родителей, слишком много роскоши. Его собственная комната располагалась в нижней части города, над борделем, и в ней не было ничего, кроме кровати, стола и стула. Но Феррагус пообещал брату, что присмотрит за домом и семьей, и обещание распространялось не только на день сражения. Если лорд Веллингтон не удержит хребет Буссако, то как он будет защищать лежащий на равнине Лиссабон? Разбитая армия вряд ли сумеет противостоять одержавшим победу французам, так что поражение при Буссако будет означать неизбежное падение Лиссабона. *Os ingleses por mar*. Брат пытался рассеять его опасения, убеждал, что англичане выстоят, однако в глубине души Феррагус знал – союзники ненадежны и рано или поздно сядут на корабли и вернутся домой. И в таком случае какой смысл встречать победителей в Лиссабоне? Не лучше ли остаться здесь, в своем городе. Не полагаясь на удачу, он уже планировал, как будет выживать в новом мире, в котором вся Португалия окажется под властью Франции.

Феррейра предупреждал его о подобном варианте развития событий, и тонны муки, уничтоженной у телеграфной башни Шарпом, должны были стать сигналом французам, знаком того, что с ним, Феррагусом, можно и нужно иметь дело. Мука играла роль страховки. Феррагус не питал теплых чувств к захватчикам и вовсе не хотел их присутствия в Португалии, но исходил из того, что лучше быть партнером победителей, чем жертвой. Богатому человеку есть что терять, и, если французы предложат протекцию, он сможет сохранить богатство. Если же выступить против или даже просто сбежать в Лиссабон, можно лишиться всего. Он понимал, что чем-то придется пожертвовать, однако сотрудничество давало надежду на сохранение состояния. Расчет строился исключительно на здравом смысле, и сейчас, сидя в кабинете брата и прислушиваясь к далекой пальбе, Феррагус думал, что вариант с отъездом в Лиссабон был ошибкой с самого начала. Если союзники победят, французы никак не придут в город, если же они проиграют, в любом случае потеряно будет все. Следовательно, лучше всего остаться рядом с тем, что у тебя есть, и защищать свое.

Ключевую роль в плане Феррагуса играл старший брат. Педро Феррейра, человек уважаемый, штабной офицер, сохранил связи с теми португальскими офицерами, которые перешли на сторону французов. Именно через него Феррагус и предложил противнику то, в чем он нуждался более всего: продовольствие. На его складе хранился немалый запас продуктов: пресных лепешек, соленой говядины и трески и многого другого. А еще масло для ламп, сапожная кожа, ткани, подковы и гвозди. Французы, конечно, предпочли бы забрать все это бесплатно, но Феррагус уже придумал, как заставить их заплатить. Выжить можно только так.

Он открыл дверь, кликнул служанку и послал ее за мисс Фрай.

– Не могу писать, – объяснил он, когда англичанка пришла, и в подтверждение своих слов показал разбитые пальцы. Вообще-то, писать он мог, хотя суставы распухли и пальцы сгибались плохо, но ему нужна была Сара. – Вы будете писать вместо меня, так что садитесь к столу.

Саре не понравился приказной тон, тем не менее она послушно села за стол, положила перед собой лист бумаги, придвинула чернильницу и взяла перо. В комнате стоял запах сигарного дыма. Канонада продолжалась – словно гроза в соседнем графстве.

– Письмо будет моему брату. – Сара вздрогнула от раскатистого голоса. Феррагус встал у нее за спиной, и она ощущала его давящее присутствие. – Напишите, что здесь, в Коимбре, все хорошо.

Сара обмакнула перо в чернила и начала писать. Перо скрипело.

– Напишите, что дело чести осталось неурегулированным. Что человек, о котором идет речь, сбежал.

– Только это, сеньор?

– Да, этого достаточно. – Чертов Шарп, подумал Феррагус. Уничтожил запасы муки. Сорвал сделку. Французы рассчитывали на него. И что они теперь подумают? Что на него нельзя положиться. Из-за проклятого стрелка у них с братом возникла проблема. Положение нужно исправлять. Как? Предложить им что-то еще? Но стоит ли? Может быть, французы и не придут? – Напишите, что мне надо знать его мнение насчет исхода сражения.

Сара писала. Она еще раз обмакнула перо и замерла – пальцы Феррагуса коснулись ее шеи. Секунду Сара сидела совершенно неподвижно, потом бросила перо:

– Сеньор, вы трогаете меня.

– И что?

– Прекратите! Или хотите, чтобы я позвала жену хозяина?

Феррагус усмехнулся, тем не менее руку убрал.

– Возьмите перо, мисс Фрай, и пишите дальше. Сообщите моему брату, что я молюсь за нашу победу.

Сара написала. Лицо ее горело, но не от смущения, а от злости. Как он смеет дотрагиваться до нее! Нажим получился слишком сильный, и на бумаге осталось несколько капелек.

– Напишите, – гремел у нее над головой грубый голос, – что, если враг не будет остановлен, мне придется принять решение, которое мы обсуждали. Напишите, что он должен обеспечить защиту.

– Защиту от чего, сеньор? – сдержанно спросила Сара.

– Он поймет, о чем речь, – нетерпеливо бросил Феррагус. – Ваше дело писать.

Слушая поскрипывание пера, он ощущал ее гнев. Какая гордышка. Бедность и гордость – опасное сочетание. Феррагус видел в Саре вызов. Большинство женщин боялись его, и Феррагусу это нравилось, но эта, похоже, считала, что если она англичанка, то ей ничего не грозит. С каким удовольствием он увидел бы, как уверенность в ее глазах сменяется ужасом, как страх растапливает холодность. Будет сопротивляться, подумал Феррагус, так оно даже и лучше. Может, взять ее прямо сейчас, здесь, на столе? Он представил, как она будет биться и визжать, когда он задерет платье, представил белое тело под ним, но ужасная боль в паху после удара Шарпа напомнила о себе, и Феррагус понял, что может не довести до конца начатое. К тому же лучше выбрать более удобный момент, когда невестки не будет дома. Через пару дней он отнимет у чертовой стервы ее английскую гордость и утрет ею свою задницу.

– Прочитайте, что написали.

Сара едва слышно прочитала письмо. Феррагус одобрительно кивнул и распорядился поставить свое имя и печать.

– Возьмите вот это. – Он протянул ей печать, прижав которую к воску Сара увидела изображение обнаженной женщины. Справедливо решив, что Феррагус хочет смутить ее, она сделала вид, что ничего не заметила. – Можете идти, – холодно добавил португалец, – но пришлите ко мне Мигеля.

Мигель был человеком проверенным, и именно ему Феррагус поручил доставить письмо по назначению.

– Отыщешь моего брата, передашь это и дождешься ответа, – проинструктировал он слугу.

Следующие несколько дней грозили опасностями. Есть вероятность лишиться денег, а то и с жизнью расстаться. Но если сделать все с умом, да если еще и удача подыграет, то можно сорвать неплохой куш.

А заодно заполучить и мисс Фрай. Которая не имела к делу никакого отношения. Феррагус понимал, что она лишь отвлекает его от цели, а отвлекаться в такой момент чревато неприятностями. С другой стороны, жизнь без приключений теряет смысл. И еще Шарп. Феррагус усмехнулся – судьба подкинула ему сразу двух англичан. Что ж, он рассчитается с обоими. Только Саре он сохранит жизнь, а вот капитану Шарпу придется умереть.

Все зависит от удачи и его хитрости.

Стратегия была проста. Колонна должна выйти на хребет, повернуть на север и пробиться к вершине. Британцы и португальцы, развернувшись ей навстречу, попадут под удар второго атакующего кулака в северном конце хребта. Стиснутые с двух сторон, войска Веллингтона дрогнут и побегут, и кавалерия погонит их до самой Коимбры. А после взятия Коимбры Массена откроется прямой путь на Лиссабон.

Потом падет Лиссабон. Британский флот уйдет из Тежу, и уже другие французские части предпримут наступление на север, займут Порту и закроют для англичан еще одну крупную гавань. Португалия склонится перед мощью Франции, остатки неприятельской армии сдадутся в плен, а разгромившие ее войска захватят Кадис и растопчут разрозненные испанские силы на юге. И тогда перед Британией встанет выбор: либо просить мира, либо вести затяжную и бесперспективную войну. Франция же, добившись умиротворения в Португалии и Испании, сможет повернуть свои армии в любую сторону, направить их в любую страну, каковую император пожелает приобщить к благам французской цивилизации. Действительно, все очень просто – надо лишь выйти на хребет Буссако.

И они вышли. Две небольшие колонны, всего лишь семь полков на двоих, меньше четырех тысяч штыков, но они взошли на самый верх, к солнцу, и перед ними лежали дымящиеся пепелища британских лагерей. Снизу подпирали другие, а единственным препятствием оставался португальский полк, маршировавший на север по новой дороге, проложенной по другую сторону хребта. Португальцы об опасности не подозревали, шли маршевым строем, и французы встретили их плотным мушкетным залпом. Прежде чем первые успели опомниться, нападающие, увидев свой шанс, начали разворачиваться в шеренгу. Скрытые в середине колонны стрелки выступили вперед, практически к новой дороге, и открыли огонь по флангу португальцев. Находившиеся неподалеку женщины, подхватив детей, бросились прочь.

Португальцы отступили. Командир попытался развернуть полк в боевой строй, но тут французский генерал на сером жеребце приказал своим солдатам пристегнуть штыки:

– *En avant! En avant!*

Отчаянно ударили барабаны; французы рванули вперед, а португальцы, еще не закончив маневр, запаниковали – их передовые шеренги уже ломались под огнем противника. Задние роты сумели сохранить строй и попытались, стреляя через своих товарищей, остановить атаку врага.

– О господи... – прошептал Лоуфорд, увидев французов на хребте. Вид у полковника был растерянный, и неудивительно – битва оборачивалась поражением. Неприятельская колонна заняла позиции, на которых только что стоял его полк. Лоуфорд наблюдал разгром, равнозначный позору и бесчестью для него лично. Французский генерал – что это генерал, Шарп заключил из того, что позолоты на голубом мундире было не меньше, чем на платье какой-нибудь популярной шлюхи из Ковент-Гардена, – уже праздновал победу, нацепив треуголку на кончик сабли. – Боже!

– Развернуться, – негромко сказал Шарп, не глядя на полковника и как будто разговаривая с собой, – и развернуть их.

Лоуфорд не подал виду, что услышал совет. Он смотрел на развертывающееся на его глазах ужасное действо, на падающих под пулями португальцев. На сей раз французы били противника его же оружием: обойдя союзную колонну с фланга, они методично расстреливали несчастных португальцев. Голубые мундиры не успели перестроиться в три шеренги, но сейчас с задачей справлялся и более глубокий строй.

– Вызывайте стрелков, – бросил Лоуфорд Форресту, обеспокоенно взглянув на Шарпа.

Лицо капитана сохраняло бесстрастное выражение. Он дал совет, совет не вполне ортодоксальный, а принимать его или нет – дело тех, кто выше чином. Португальцы уже бежали; одни искали спасения на дальнем склоне хребта, но большинство подались назад, к идущему за ними полуполку красномундирников. Французы получили пространство для маневра и возможность атаковать оставшийся без прикрытия левый фланг британского полка.

– Быстрее, – сказал Шарп, может быть, недостаточно громко, чтобы его услышали.

– Полк! – крикнул Лоуфорд, перекрывая треск мушкетов. – Полк! Кругом!

Секунду или две никто не двигался. Приказ был настолько странный, настолько неожиданный, что солдаты просто не поверили ушам. Первыми опомнились офицеры.

– Кругом! Веселей!

Обе шеренги повернулись. Задняя стала передней, и обе оказались спиной к склону и к остановившейся неприятельской колонне, продолжавшей вести огонь по оборонительным позициям союзников.

– Полк! Девятая рота на месте! Остальные – шагом... марш!

Наступил момент истины. Полк поворачивался наподобие огромной двери, узкой, всего лишь в две шеренги, и не на плацу, а на каменистом хребте. Солдаты переступали через своих убитых и раненых товарищей, через потухшие костры и камни, сохраняя строй под огнем противника, и они знали, что когда выполнят маневр – если, конечно, выполнят, – то встанут лицом к лицу с новой французской колонной.

Почувствовав опасность, французы приостановили наступление и перенесли весь огонь на марширующих британцев, дав португальцам столь необходимую передышку.

– Выровняться по девятой роте! – крикнул Лоуфорд. – Командиры! Огонь из позиции!

Девятая рота, бывшая раньше левым флангом полка и ставшая теперь правым, потому что именно она играла роль дверной петли, закончила поворот первой. Весь маневр занял у нее считанные секунды, и вот уже ее капитан Джеймс Хупер отдал приказ заряжать. Легкая рота, стоящая обычно рядом с девятой, оказалась на самом краю разворачивающейся цепи и едва успевала за остальными.

– Вперед, мистер Слингсби, вперед! – кричал полковник. – Не отставайте! Выдвигайтесь, черт возьми, вперед!

– Девятая рота! – проревел Хупер. – Огонь!

– Восьмая рота! – раздалось неподалеку. – Огонь!

Самые дальние роты торопились за соседями; солдаты спотыкались, открывая на ходу патронные коробки. Кто-то пошатнулся, вскинул руки и упал на спину, встретив грудью пулю. Лоуфорд, сорвавшись с места, проскакал за бегущими. Пули свистели рядом – это ближайшие к британцам вольтижеры стреляли по офицерам. Легкая рота, которую при маневре частично вынесло на склон, открыла огонь последней, и французы, осознав вдруг, что британцы обошли их с фланга, засуетились, пытаясь перестроиться в три шеренги. Генерал на белом коне пронесся за фронтом атаки. Между тем на вершину начали подниматься разрозненные остатки первой колонны. Разобравшись, что к чему, они присоединялись к семи полкам, что прорвали британскую линию обороны. Барабанщики снова ударили в барабаны, над строем закачались «орлы».

– Полк! – Лоуфорд привстал на стременах. – Полуротно! От центра! Огонь!

Португальцы, рассыпавшиеся было под огнем вольтижеров, подтягивались к эссексам. К левому флангу пристраивались красномундирники. Заткнуть брешь спешили полки с тихого южного участка, но Лоуфорд хотел сделать все сам.

– Огонь!

За время довольно неуклюжего маневра на гребне хребта полк Южного Эссекса потерял, должно быть, с десятков человек, но теперь он развернулся в боевой порядок и мог делать то, чему был обучен. Стрелять и заряжать. Это – главный навык.

– Огонь!

Приклад ударял в разбитое плечо, и солдат, не раздумывая, хватал новый патрон, рвал бумагу почерневшими зубами, засыпал порох, забивал пулю, убирал шомпол и вскидывал мушкет. А между тем вокруг свистели пули, и свинец с противным чваканьем входил в плоть, разрывая мышцы и ломая кости, или раскалывал приклад, или пронзал навывлет кивер.

– Сомкнуть строй! Теснее! – проносилось над шеренгой, и это означало, что еще кто-то убит или ранен.

Пальба не прекращалась ни на секунду. Мушкеты палили и палили, и каждый выстрел напоминал треск ломающейся сухой палочки, только звучал громче и резче. Стреляли наугад. Англичане не видели французов, и французы не видели англичан, потому что пороховой дым скрыл гребень холма еще надежнее, чем утренний туман. У всех пересохло во рту. Жутко хотелось пить. Люди рвали зубами плотную бумагу, и селитра засыхала на языке и в горле, а сплюнуть ее было нечем.

– Огонь!

И мушкеты выплевывали пламя, и облако порохового дыма вспыхивало, и позади задней шеренги стучали копыта, и где-то далеко музыканты наяривали «Гренадерский марш», но никто его не слышал, потому что каждый спешил выхватить новый патрон, зарядить чертов мушкет и выстрелить.

Люди в строю были разные: воры и убийцы, пьяницы и насильники. Никто из них, поступая на службу, не руководствовался любовью к родине и к королю. Они пришли в армию потому, что были пьяны, когда в деревню занесло сержанта-вербовщика, или потому, что магистрат поставил их перед выбором – стать в строй или отправиться на виселицу, или потому, что соседская девчонка понесла и хотела выскочить замуж, или потому, что они по природной глупости поверили сказкам вербовщика, или просто потому, что армия дала пинту рому и трехразовую кормежку, а большинство из них никогда не ели досыта. Их били плетью по приказу офицеров, которых не били никогда, потому что они были джентльменами. Их обзывали чертовыми недоумками и вешали без суда за украденную курицу. Дома, в Англии, мирные граждане переходили на другую сторону улицы, чтобы не встречаться с выпущенным из барака служивым. Их не обслуживали в тавернах. Им платили жалкие гроши, штрафовали за каждую потерянную мелочь, а те скудные пенни, что оставались все-таки в их карманах, обычно проигрывались в кости. Это были прожженные жулики и мерзавцы, жестокие, как псы, и грубые, как свиньи, но у них было два качества.

Гордость.

И бесценная способность вести залповый огонь. Они стреляли быстрее любой другой армии в мире. На тех, кто стоял перед красномундирниками, обрушивался свинцовый град. Оказаться у них на пути означало смерть, и семь французских полков, стоявшие сейчас перед ними, переступили порог смерти – свинцовый град косил их, рвал в клочья, сметал с лица земли. Один против семерых, но французы так и не успели перестроиться и теперь сбивались в плотную колонну, ища спасения за спиной друг друга, и пули безжалостно терзали эту массу, а боевой порядок эссексцев увеличивался за счет подходивших британских и португальских полков. Когда же с севера подошли коннахтские рейнджеры, французы оказались между двумя

противниками, каждый из которых хотел и умел убивать. Этих людей не просто учили обращению с мушкетом – им вдалбливали этот навык ежедневной многочасовой практикой, так что они делали с ним все, что угодно, и в любом состоянии, пьяными или с завязанными глазами. Их называли мясниками в красных мундирах, и они хорошо знали свое ремесло.

– Вы что-нибудь видите, Ричард? – прокричал Лоуфорд, пытаясь рассмотреть хоть что-то за пеленой дыма.

– Они не устоят, сэр.

Порыв ветра на мгновение приоткрыл завесу, и Шарп успел оценить обстановку.

– Ударим в штыки?

– Рано.

Шарп видел, что французы несут тяжелые потери. Только его полк посылал в сторону неприятеля около полутора тысяч пуль в минуту, а ведь теперь с флангов по врагу били еще четыре или пять полков. Дым сгушался, окружая французов, которые упрямо оставались на вершине. Не в первый уже раз Шарп подивился той стойкости, с которой колонна противника переносит смертоносный огонь. Она, казалось, содрогалась от ударов, но не отступала, а лишь съеживалась по мере того, как внешние ряды умирали и падали на землю под хлесткими залпами британцев и португальцев.

Стук копыт за спиной на секунду отвлек Шарпа от сражения. Странный всадник, крупный мужчина в потрепанной черной шинели, с огрызком сигары в пожелтевших зубах и с грязным ночным колпаком с кисточкой на голове, появился в тылу полка. Единственным свидетелем высокого ранга этого чудака была следовавшая за ним свита из полудюжины адъютантов. Бросив взгляд на погибающих французов и понаблюдав за красномундирниками, он вынул окурок, брезгливо посмотрел на него и смачно сплюнул.

– У вас в полку, должно быть, есть валлийцы, Лоуфорд.

Полковник удивленно обернулся и торопливо козырнул:

– Сэр!

– Так что, есть валлийцы?

– Уверен, что есть, сэр.

– Хороши, черт бы их подрал! – Всадник кивнул. Это был сэр Томас Пиктон, генерал, командовавший войсками северной части хребта. – Видел, что вы сделали, Лоуфорд. Надо же додуматься, развернуться кругом! И это под огнем! Я было подумал, ну, рехнулся полковник. Но вышло хорошо. Чертовски хорошо. Горжусь вами. В вас, должно быть, валлийская кровь. Кстати, свежая сигара найдется?

– Нет, сэр.

– Нет? Тогда какой от вас толк...

Коротко кивнув, генерал ускакал, сопровождаемый свитой офицеров, подтянутым видом словно нарочно подчеркивавших затрапезный наряд своего хозяина.

Ободренный похвалой, Лоуфорд подтянулся в седле, повернулся в сторону французов и увидел, что они наконец дрогнули.

Майор Лерой, стоявший неподалеку от полковника и слышавший весь разговор, подъехал к Шарпу.

– Пиктон нами доволен, – сказал он, вытаскивая пистолет. – Доволен настолько, что даже предположил у Лоуфорда валлийскую кровь. – Шарп рассмеялся. Лерой прицелился и выстрелил в сторону колонны. – Знаете, Шарп, я в молодости, бывало, палил по енотам.

Шарп заметил, что у солдата в четвертой роте мушкет дал осечку. Скорее всего, раскололся кремьень, решил он и, достав из кармана запасной, окликнул стрелка по имени:

– Лови! – (Камень пролетел над задней шеренгой и упал в протянутую руку.) – А что такое енот?

– Лохматый такой зверь. Пользы от него никакой. Наверное, Господь его для того и создал, чтобы служить мальчишкам мишенью. Меня вот что интересует, почему лягушатники все еще стоят?

– Сейчас побегут.

– Ну, если сейчас, то, пожалуй, могут прихватить с собой и вашу роту. – Лерой вытянул руку, указывая на склон и предлагая Шарпу самому убедиться в справедливости его слов.

Повернув Порцию, Шарп проскакал в конец шеренги и сразу увидел, что Слингсби отвел роту к северу, вниз по склону, откуда стрелки и вели теперь огонь по левому флангу французов. Еще несколько человек били вниз, сдерживая подтягивавшееся к колонне малочисленное подкрепление. Похоже, Слингсби решил показать себя героем. Неужели он всерьез рассчитывает отрезать колонну силами одной роты? И тут Шарп понял, что, как только французы дрогнут и побегут, спасаясь от кровавой мясорубки, людской поток просто сметет его роту со склона, как ветер сметает шелуху. Словно в подтверждение его опасений с противоположной стороны хребта ударила пушка. Снаряд разорвался у головы колонны, ударив по ней градом картечи. Казалось, сам дьявол метнул пригоршню свинцовых шариков. Время истекло, и Шарп, прищипорив лошадь, устремился вниз.

– В строй! – кричал он. – Всем в строй! Быстро!

Услышав голос капитана, Слингсби недовольно оглянулся:

– Отступать нельзя! Мы их держим!

Шарп соскочил с лошади и бросил поводья лейтенанту:

– Возвращайтесь в полк! Это приказ! Живо!

– Но...

– Выполняйте! – взревел сержантским голосом Шарп.

Слингсби неохотно сел в седло, и Шарп повернулся к своим людям:

– Строиться!

И тут французы не выдержали.

Они продержались дольше, чем мог потребовать от них любой генерал. Они захватили высоту, и в какой-то момент показалось, что победа уже на их стороне, но они не получили нужного подкрепления, а британцы и португальцы сумели перестроиться, выйти им во фланг и погасить наступательный порыв залповым огнем. Никакая армия в мире не устояла бы под такими ударами, однако французы держались до тех пор, пока одной доблести оказалось недостаточно и пока верх не взяло желание выжить. На глазах у Шарпа вершину накрыла сокрушительная волна голубых мундиров, и тогда он и его люди побежали. Слингсби успел оторваться; прищипорив коня, он устремился в направлении роты Джеймса Хупера. Тем, кто стоял на левом фланге цепи, опасность не угрожала, но большинство стрелков не успели уклониться от накатившей сверху лавины.

– Ко мне! – проревел Шарп. – В каре!

Маневр был отчаянный, к такому прибегают в критические моменты, например против несущейся на всем скаку кавалерии, но он удался. Человек тридцать или сорок сбежались к капитану, построились в каре и, повернувшись лицом к врагу, выставили штыки.

– Отходим к югу, парни, – спокойно сказал Шарп. – Подальше от них.

Харпер сбросил с плеча семистволку. Поток голубых мундиров разделился, обтекая ошестинившуюся штыками кучку красномундирников и стрелков, но каре, повинаясь капитану, все равно понемногу, ярд за ярдом, сдвигалось в сторону, пытаясь уйти с пути низвергшейся с хребта лавины. Какой-то француз, не заметив англичан, с разбегу налетел на выставленный штык Перкинса и повис на нем, пока парень не спустил курок: бедолагу снесло с лезвия в брызгах крови.

– Спокойно, ребята.

Не успел Шарп сказать это, как на каре налетел генерал на белом коне и с обнаженной саблей. Встреча с неприятелем застала его врасплох, и он инстинктивно выставил саблю, готовясь проткнуть первого же противника, но тут Харпер спустил курок вместе еще с тремя или четырьмя стрелками, и голова лошади и всадник за ней исчезли за фонтаном крови. Оба рухнули, и животное покатилося вниз по склону. Всадник с пулей во лбу распростерся у ног стрелков.

– Да это ж генерал! – удивленно воскликнул Перкинс.

– Спокойно, – повторил Шарп. – Отходим влево.

Река голубых мундиров проносилась мимо. Французы мчались вниз, перепрыгивая через трупы, думая только о том, как спастись от разящего свинца. Союзники прекратили преследование и, остановившись у склона, поторапливали отстающих выстрелами в спину. Несколько пуль просвистели у Шарпа над головой.

– Разойдись! – крикнул он, и строй рассыпался.

Солдаты побежали вверх.

– Да, едва успели, – заметил Харпер.

– И как вас, черт возьми, сюда занесло.

Харпер огляделся, проверяя, не остался ли кто внизу:

– Перкинс! Какого дьявола! Что у тебя там?

– Генерал, сержант, – отозвался Перкинс.

Втащив вверх по склону тело убитого француза, он опустился на колени и принялся шарить по карманам.

– Оставь тело в покое! – прогремел рядом голос Слингсби. Лейтенант оставил лошадь наверху и теперь пешком возвращался к роте. – Пристроиться к девятой роте! Я сказал тебе оставить покойника! – заорал он на Перкинса, который сделал вид, что не слышит лейтенанта. – Сержант Хакфилд, мне нужно имя этого солдата!

– Перкинс! – перебил его Шарп. – Обыщите тело как следует. Лейтенант!

Слингсби уставился на Шарпа широко открытыми глазами:

– Сэр?

– Идемте со мной. – Шарп отошел в сторонку и, убедившись, что их не слышат, повернулся к Слингсби. Копившийся последние дни гнев вырвался наконец наружу. – Слушай меня, чертов придурок. Ты едва не угробил всю роту. Понимаешь? Ты едва не угробил их всех! И они это знают. Так что заткни свой поганый рот и не открывай, пока не научишься воевать.

– Ваш тон оскорбителен, Шарп! – попытался протестовать Слингсби.

– Понимай как знаешь.

– На сей раз я сделаю исключение, – глядя в сторону, процедил Слингсби. – Такому, как вы, меня не оскорбить.

Шарп улыбнулся, и улыбка эта была не очень приятная.

– Такому, как я? А ты знаешь, кто я? Нет? Так я тебе скажу. Я – убийца. Я убиваю людей без малого тридцать лет. Хочешь дуэль? Я не против. Сабля, пистолет, нож? Выбирай любое оружие, Слингсби. Только скажи мне где и когда. Но до тех пор держи свой поганый рот на замке. Все, проваливай. – Он повернулся к лейтенанту спиной и подошел к Перкинсу, который уже почти раздел мертвого генерала догола. – Ну, что нашел?

– Деньги, сэр. – Перкинс бросил взгляд в сторону Слингсби и снова посмотрел на капитана. – И еще ножны.

Он показал обтянутые синим бархатом ножны с маленькой золотой буквой «Н».

– Скорее всего, дешевка, – сказал Шарп, – но в таких делах никогда не угадаешь. Половину оставь себе, другую половину раздели на всех.

Французы убрались со склона, за исключением убитых и раненых. И лишь на скалистом холме осталась рота вольтижеров, к которым подтянулась часть беглецов из остатков разбитой

колонны. Большинство же уцелевших, удалившись на безопасное расстояние, остановились и теперь смотрели вверх. В долину не спустился никто. Туман внизу совершенно рассеялся, так что французские пушки могли без помех бить по склону. Британские и португальские стрелки, не обращая внимания на разрывы, спускались, чтобы выставить кордон пикетов, но Шарп, не получив распоряжений ни от Лоуфорда, ни от кого-либо еще, повел роту к тому самому холму, на котором закрепились вольтижеры.

– А ну-ка парни, сделайте так, чтобы они попрятались.

Вооруженные винтовками, стрелки открыли огонь, ответить на который французы не могли – их мушкеты не обладали такой дальностью. Тем временем Шарп, развернув подзорную трубу, внимательно осмотрел ближайшие склоны, отыскивая среди голубых мундиров зеленый. Однако никаких следов капрала Додда он не обнаружил.

Оставив несколько человек тренироваться в стрельбе по мишеням, Шарп отодвинул красномундирников, чтобы те не привлекли внимания французских пушкарей. Остальные британские части тоже убрались со склона, но растянувшиеся вдоль него пикетчики охлаждали пыл потрепанной вражеской пехоты, служа напоминанием о том, какой прием ждет их, если они решатся повторить попытку. Пытаться никто не стал, и орудия постепенно смолкли. Ветер уносил последние клочья дыма.

Прошло немного времени, и пушки заработали снова, но уже в другом месте, примерно в миле к северу. Сначала било одно орудие, потом огонь открыла целая батарея. Французы готовили новый удар.

Лейтенант Слингсби так и не присоединился к роте, предпочтя уйти в полк. Шарпу было наплевать. Он сидел на холмике, наблюдал за французами и ждал.

– Это письмо, – говорил Феррагус, расхаживая за спиной сидящей у стола Сары, – сеньору Верци. – (Половицы поскрипывали у него под ногами. Стекла в окнах подрагивали от звуков далекой канонады. Поглядывая на улицу, Сара видела в конце ее реку Мондегу.) – Напомните сеньору Верци, что он в долгу передо мной.

Перо царапало бумагу. Когда ее вызвали в кабинет, Сара повязала на шею шарф, скрывший полоску кожи между волосами и высоким расшитым воротом голубого платья.

– Напишите, что он может рассчитаться по долгам, оказав мне услугу. Мне нужны места на одном из его кораблей. Пусть предоставит каюту для жены моего брата, детей и слуг.

– Не так быстро, сеньор. – Сара обмакнула перо в чернила и продолжала писать. – «Для жены моего брата, детей и слуг», – прочитала она, закончив предложение.

– Я намерен отправить семью и слуг в Лиссабон и прошу... нет, требую, чтобы сеньор Верци подыскал для них подходящее судно.

– Подходящее судно, – повторила Сара.

– Если французы придут в Лиссабон, – продолжал Феррагус, – судно должно доставить их на Азоры и дожидаться там, пока они не смогут вернуться. Напишите, что он должен быть готов принять жену моего брата в течение трех дней по получении сего письма. – Он сделал паузу. – И еще. Добавьте вот что. Я уверен, что сеньор Верци отнесется к жене моего брата и всем остальным так, как если бы они были его родственниками. – Да, подумал Феррагус, Верци лучше принять их должным образом, если не хочет собирать свои кишки в каком-нибудь грязном переулке Лиссабона. Он остановился и посмотрел на Сару. Девушка ощущала его взгляд, и он чувствовал ее негодование. Феррагуса это забавляло. – Прочтите все письмо.

Пока Сара читала, Феррагус смотрел в окно. Верци сделает все как надо, не посмеет отказать, а значит, если французы все же придут, невестка и дети брата будут далеко отсюда. И тогда им ничто не грозит. Ни насилия, ни убийства. А что насилия и убийства будут, в этом Феррагус не сомневался. Потом все успокоится, французы утолят аппетит, и семья сможет вернуться.

– Вы думаете, сеньор, что французы придут? – спросила Сара, дочитав письмо.

– Не знаю, придут они или нет, но я знаю, что готовым нужно быть ко всему. Если французы придут, семья брата будет в безопасности. Если они не придут, то необходимость в услугах сеньора Верци отпадет.

Сара посыпала песок на бумагу.

– И долго мы пробудем на Азорах?

Феррагус улыбнулся про себя. Он вовсе не планировал отправлять англичанку на Азоры, однако и сообщать ей об этом не спешил.

– Столько, сколько понадобится.

– Может, французы и не придут, – с надеждой сказала Сара, и, словно в ответ, стихшая ненадолго канонада возобновилась с новой силой.

Феррагус подал ей печать.

– Французы завоевали всю Европу. Сейчас только мы еще воюем с ними. Их армии в Испании получили сотысячное подкрепление. Сколько у них солдат к югу от Пиренеев? Тысяч триста? Неужели вы всерьез полагаете, что мы в состоянии одолеть такую силу? Если они победят сегодня, их будет еще больше.

Он отправил трех гонцов. Дорога до Лиссабона опасности не представляла, а вот в самом городе, если верить слухам, уже начались беспорядки. Многие жители столицы поверили широко распространяемым утверждениям, что англичане собираются эвакуироваться из Португалии и оставить страну французам, и это вызвало волнения. В таких условиях принятые меры предосторожности вовсе не казались чрезмерными. И едва посланцы отправились в путь, как ему сообщили о новой беде: прибывший к складу с продовольствием фейтор требует, чтобы все запасы были уничтожены.

Феррагус надел широкий пояс с ножом, сунул в карман пистолет и вышел из дому. Высыпавшие на улицы горожане с тревогой вслушивались в доносящиеся издали выстрелы, словно могли по ним определить, как складывается сражение у Буссако. Перед Феррагусом расступались; мужчины почтительно снимали шляпы. Два священника, погружавшие на тележку церковные ценности, увидев его, перекрестились. Феррагус в ответ показал пальцами дьявольские рожки и сплюнул на мостовую.

– В прошлом году я дал этой церкви тысячу винтенсов, – сказал он своим людям. Деньги были немалые, около сотни английских фунтов. – Священники похожи на баб. Чем больше им даешь, тем сильнее они тебя ненавидят.

– Так не давайте, – сказал кто-то.

– Мы даем церкви, чтобы попасть в рай. Женщине даем, чтобы взять. И тоже попасть в рай. Правда, ненадолго.

Феррагус свернул в узкий переулок и, толкнув тяжелую дверь, оказался в полутемном помещении склада. Свет едва просачивался через крохотные, запылившиеся оконца под крышей. Его встретило злобное кошачье шипение. Этим тварей было здесь столько, что и не сосчитать, и держали их специально против крыс. По ночам в темном складе разворачивались кровавые сражения, голодные крысы дрались с кошками, но последние всегда побеждали и таким образом защищали бочонки с сухарями, мешки с мукой, ячменем и кукурузой, жестянки с рисом, фляги с оливковым маслом, ящики с соленой треской и говядиной. Продовольствия, находящегося здесь, армии Массена хватило бы до Лиссабона, а табака было столько, что войско перхало бы до самого Парижа. Феррагус наклонился и протянул руку к громадному одноглазому коту, несшему на себе следы сотен сражений. Кот зашипел и оскалил зубы, но притих, когда человек погладил его по спине. Феррагус повернулся к двум своим людям, стоявшим рядом с фейтором, нацепившим зеленую перевязь в знак того, что он исполняет здесь свои обязанности.

– В чем дело?

Фейтор был главным в городе кладовщиком, назначенным правительством для обеспечения продовольствием португальской армии. В каждом более или менее значительном городе имелся свой фейтор, подчинявшийся непосредственно продовольственному ведомству в Лиссабоне. В Коимбре этот пост занимал средних лет полный мужчина по имени Рафаэль Пиреш. Увидев Феррагуса, он стащил с головы шляпу и, похоже, приготовился опуститься на колено.

– Сеньор Пиреш, – дружески приветствовал его Феррагус. – Как жена? Дети? Надеюсь, здоровы?

– Хвала Господу, сеньор, все здоровы.

– Они еще здесь? Вы не отослали их на юг?

– Уехали вчера. У меня сестра в Бемпосте. – Бемпоста, небольшое местечко возле Лиссабона, вряд ли могла привлечь внимание французов.

– Вам повезло. Значит, им не придется голодать на улицах Лиссабона, а? Так что же привело вас сюда?

Пиреш замялся, теребя в руках шляпу:

– У меня приказ, сеньор.

– Приказ?

Фейтор сделал жест в сторону сваленных у стены мешков:

– Это все подлежит уничтожению, сеньор. Все.

– Вот как? И чей же это приказ?

– Капитан-майора.

– А вы подчиняетесь ему?

– Он лично распорядился.

Капитан-майор был военным губернатором Коимбры и прилегающих к городу районов. Он отвечал за набор и подготовку новобранцев, *ordenanca*, «вооруженных жителей», которые могли пополнить армию в случае приближения неприятеля. На него же возлагалась обязанность обеспечивать исполнение правительственных декретов.

– И что вы будете со всем этим делать? – спросил Феррагус. – Съедите?

– Капитан-майор пришлет сюда своих людей.

– Сюда? – В голосе Феррагуса отчетливо зазвучали угрожающие нотки.

Фейтор сокрушенно вздохнул.

– У них все мои документы, – объяснил он. – Им известно, что вы закупали продовольствие. Этого не скроешь. Вы потратили много денег, сеньор. Мне приказано найти все.

– И?..

– И уничтожить. – Пиреш развел руками и, словно желая показать, что он бессилен против высших сил, добавил: – Таково требование англичан.

– Англичан. – Феррагус усмехнулся. – *Os ingleses por mar!* – Пиреш вздрогнул от крика, но Феррагус уже успокоился. Англичане – не проблема. Проблема – Пиреш. – Так вы говорите, что капитан-майор забрал ваши бумаги?

– Да.

– Но ему неизвестно, где хранится продовольствие?

– В документах лишь указано, сколько продовольствия имеется в городе и в чьем владении.

– То есть у него есть мое имя и список складов?

– Неполный список, сеньор. – Пиреш обвел взглядом собранные припасы, удивляясь, как одному человеку удалось собрать так много. – Он знает лишь, что у вас есть запасы продовольствия. От меня требуется гарантия их уничтожения.

– Ну так дайте ему такую гарантию.

– Он не удовлетворится одним лишь моим словом, сеньор, и пришлет своих людей для проверки. И мне придется привести их сюда.

– Значит, вы не знаете, на каких складах хранится продовольствие?

– Я обязан лично проверить все склады в городе. Сегодня, сеньор. До вечера. – Пиреш пожал плечами. – Я пришел предупредить вас.

– Я же плачу вам, Пиреш. Плачу за то, чтобы вы сохранили мои запасы и не позволили забрать их по грабительской цене для нужд армии. И теперь вы собираетесь привести сюда людей, чтобы все уничтожить?

– Может быть, вы перевезете продовольствие в другое место? – с надеждой в голосе предложил Пиреш.

– Перевезти? – сорвался Феррагус. – Как? Как мне все это перевезти? Посоветуйте. Потребуется сотня человек и двадцать подвод.

Фейтор снова лишь развел руками.

Феррагус посмотрел на него сверху вниз:

– Вы пришли предупредить меня, что собираетесь привести сюда солдат, так? И вы хотите, чтобы я не держал на вас зла, так?

– Я же не по своей воле, сеньор! – взмолился Пиреш. – От меня требуют. И если сюда не придут наши, то явятся англичане.

– *Os ingleses por mar*, – фыркнул презрительно Феррагус и левой рукой ударил чиновника в лицо.

Удар был быстрый и сильный, прямой джеб, сломавший фейтору нос и заставивший его покачнуться. За первым тут же последовал второй – правой, раненой рукой в живот. Бить правой было больно, но Феррагус лишь стиснул зубы, потому что именно так должен поступать мужчина. Боль нужно терпеть. Не можешь выносить боль – не дерись. Прижав Пиреша к стене склада, Феррагус принялся методично его обрабатывать, нанося удары обеими руками, с короткого расстояния, но с огромной силой. Кулаки словно превратились в молоты, они ломали ребра и челюсти. Кровь запачкала рукава, однако Феррагус не обращал на это внимания, как не обращал внимания на боль в руке и паху. Он делал то, что любил и умел делать, и оттого вкладывал в каждый удар все больше и больше силы. Жалобные крики и вопли жертвы стихли, на губах вспухли розовые пузыри – это сломанные ребра пробили легкое. Такое по силам не каждому – убить человека голыми руками. Не задушить, а забить насмерть.

Пиреш вжался в стену. Его было не узнать – лицо превратилось в кровавое месиво, глаза закрылись, сломанный нос распух, несколько зубов выбито, губы рассечены, грудь раздавлена. И все же он ухитрился стоять. Голова еще поворачивалась из стороны в сторону, словно несчастный пытался рассмотреть что-то заплывшими глазами, а потом сокрушительный удар пришелся в подбородок, кость сухо треснула, и фейтор со стоном повалился на пол.

– Поднимите его, – распорядился Феррагус, сбрасывая куртку и рубашку.

Двое подручных подхватили Пиреша под руки и поставили на ноги. Феррагус подошел вплотную и снова принялся за дело. Он бил без замаха, коротко, но сильно, точно. Сначала живот. Потом грудь. Голова болталась, словно у марионетки с оборванными струнами, с губ стекала смешанная с кровью слюна. Наконец из перебитого горла вырвалось хриплое бульканье, и тело обмякло. Феррагус ударил еще раз и отступил.

– Бросьте его в подвал. И разрежьте брюхо.

– Разрезать?.. – переспросил один из подручных, думая, что ослышался.

– Надо же и крысам чем-то питаться.

Он подошел к Мигелю, который подал тряпку. Феррагус вытер кровь с разукрашенных татуировками рук и груди. На обоих предплечьях были изображены якоря, на груди – три русалки, плечи обвивали змеи. Рисунок на спине изображал идущий под всеми парусами военный корабль с британским флагом на корме. Феррагус натянул рубашку и проводил взглядом тело, которое сбросили в подвал. Один труп там уже был. И тоже со вспоротым животом. Тот

человек хотел выдать Феррагуса властям. Теперь путь предателя выбрал еще один, но и у него ничего не получилось.

Он вышел из склада и запер дверь. Если французы не придут, запасы легко будет продать на законных основаниях и с неплохой прибылью. Если же они придут, то прибыль может быть огромной. Все решится в ближайшие часы. Феррагус перекрестился и отправился в таверну – как-никак он убил человека, и его мучила жажда.

Никаких призывов из полка не поступало, что устраивало Шарпа как нельзя лучше. Он остался с ротой у холма, на котором укрылось около сотни французских пехотинцев. Лягушатники сидели тихо и не высывались, опасаясь винтовочного огня. Будь у Шарпа побольше людей, он выбил бы противника с холма, поскольку их присутствие там могло подтолкнуть французов еще к одной попытке захватить плацдарм на вершине хребта, тем более что примерно в миле к северу как раз разворачивалось новое наступление. Шарп сам пробрался наверх – пара пролетевших над головой пуль его не напугали, поскольку расстояние не позволяло вольтижерам рассчитывать на меткий выстрел из мушкета, – и, развернув подзорную трубу, некоторое время наблюдал за огромными колоннами, ползущими по дороге, которая вела к приютившейся у северной оконечности хребта деревушке. Увидел он и ветряную мельницу со снятыми крыльями и разобранной механикой, и башню, возле которой стояли несколько всадников. Других войск не было. Издалека французские колонны казались темными пятнами на фоне светлого склона. Рассмотреть картину более детально мешали клубы серо-белого дыма – это британские и португальские батареи били по неприятелю с хребта.

– Сэр! Мистер Шарп! – окликнул его сержант Харпер.

Шарп сложил трубу и оглянулся. К ним приближались две роты касадоров, которым, очевидно, и приказали очистить от неприятеля холм. В качестве поддержки им придали два девятифунтовых орудия, однако шансов это не прибавляло. Португальцев было примерно столько же, сколько и французов, но последние укрывались за валунами, так что на легкий штурм рассчитывать не приходилось.

– Не хотелось бы, чтобы вы попали под огонь, когда они начнут палить, – объяснил Харпер, кивая в сторону пушек.

– Спасибо за заботу, Патрик.

– Если с вами что-то случится, сэр, роту возьмет Слингсби.

Сержант, похоже, даже не заметил, что отозвался о лейтенанте без должного почтения.

– А тебе бы этого не хотелось?

– Я из Донегола, сэр, и готов смириться со всем, что посылает нам Всевышний.

– Он прислал тебе меня.

– Неисповедимы пути Господни, – вставил сидевший неподалеку Харрис.

Касадоры остановились шагах в пятидесяти от британцев. Шарп как будто и не замечал их. Вместо этого он еще раз спросил, видел ли кто Додда. Мистер Айлифф нервно закивал:

– Я видел, как он убегал, сэр.

– Когда?

– Ну, когда нас едва не отрезали. Мчался вниз по склону. Как заяц.

Это совпадало с тем, что говорил Картер, напарник Додда. Когда ситуация осложнилась и вольтижеры были уже близко, Додд выбрал самый быстрый выход, рванув вниз. Картеру же удалось подняться наверх, причем он, можно сказать, легко отделался – пуля попала в ранец, что только придавало ему резвости. Скорее всего, думал Шарп, Додд появится позднее. Он был сельский парень, хорошо ориентировался на местности и мог легко обойти французов и подняться на хребет где-нибудь в южной его части. Помочь ему Шарп не мог, оставалось только ждать.

– Мы что, будем помогать этим португальцам? – спросил Харпер.

– Ну уж нет, – ответил Шарп. – Разве что они пришлют сюда целый полк.

– Кто-то уже идет, – предупредил Харпер, кивая в сторону подтянутого португальского офицера, который направлялся к роте.

Форма на нем была коричневая с черным кантом, кивер украшал черный плюмаж. На боку у офицера висела тяжелая кавалерийская сабля, на плече – что удивительно – винтовка. Шарп знал только одного офицера, вооруженного подобным образом, – себя самого, а потому испытал к незнакомцу неприязненное чувство, но от ревности не осталось и следа, когда португалец сорвал с головы свою высокую *barretina* и широко улыбнулся.

– Боже! – пробормотал капитан.

– Нет, нет, это всего лишь я. – Хорхе Виченте, с которым Шарп виделся в последний раз где-то под Порту, протянул руку. – Мистер Шарп.

– Хорхе!

– Теперь уже капитан Виченте. – Хорхе обнял Шарпа и, к великому смущению последнего, расцеловал друга в обе щеки. – А вы, Ричард, никак уже майор, а?

– Черта с два. Таким, как я, повышения не дают. Боятся испортить репутацию армии. Как вы?

– Я – как это у вас говорят? – преуспеваю. Но... – Виченте нахмурился. – Что у вас с лицом? Ранены?

– Упал со ступеньки.

– Надо быть осторожнее, – с самым серьезным видом посоветовал португальский капитан и тут же снова улыбнулся. – Сержант Харпер! Рад вас видеть!

– Только без поцелуев, сэр. Я – ирландец.

Виченте поздоровался с другими – еще совсем недавно они вместе преследовали армию Сульта вдоль северной границы – и снова повернулся к Шарпу:

– У меня приказ – выбить лягушатников из-за тех камней. – Он указал в сторону холма, на котором укрылись французы.

– Мысль хорошая, да вот только сил у тебя маловато.

– Два португальца равны одному французу, – беззаботно ответил Виченте. – Может быть, окажете нам честь?

– Да уж, черт возьми, – уклонился от прямого ответа Шарп и указал на бейкеровскую винтовку за плечом друга. – Зачем только вы ее таскаете?

– Подражаю вам, – откровенно ответил португалец. – К тому же я сейчас капитан роты *atirador*... как это... снайперов. У нас винтовки, у других рот – мушкеты. Когда стали формировать стрелковые полки, меня перевели из восемнадцатого. Так что, атакуем?

– А вы как думаете?

Виченте неуверенно улыбнулся. В армии он был меньше двух лет, до этого работал стряпчим и, когда они с Шарпом познакомились, о войне не знал практически ничего. Возможно, он так и остался бы наивным простаком, но Шарп угадал в новом знакомом прирожденного солдата, смелого и решительного, не дурака. Тем не менее Виченте и сейчас нервничал, боясь оплошать перед тем, кто научил его всему. Взглянув на Шарпа, он повернулся в сторону французов:

– Долго они не продержатся.

– Могут и продержаться, – не согласился Шарп. – К тому же их там по крайней мере человек сто. А нас сколько? Сто тридцать? Будь моя воля, я послал бы целый полк.

– Полковник приказал мне выбить их оттуда.

– А он знает, что делает?

– Он англичанин, – сухо ответил Виченте.

Португальская армия недавно была реорганизована, и за последние восемнадцать месяцев в ней появилось немало британских офицеров, привлеченных перспективой хорошей оплаты и быстрого продвижения по службе.

– И все-таки я бы прислал побольше людей.

Ответить португалец не успел – помешал внезапный топот копыт и зычный голос:

– Не тяните, Виченте! Что вы медлите? Вперед, на лягушатников. Исполняйте, капитан!

А вы, черт возьми, кто такой?

Последний вопрос был обращен к Шарпу и исходил от всадника, с трудом удерживавшего на месте нетерпеливого жеребца. Голос выдавал в нем англичанина, хотя форма была коричневая, португальская, за исключением треуголки с двумя золотыми кисточками.

– Шарп, сэр.

– Из девяносто пятого?

– Южный Эссекс, сэр.

– А, толпа мужиков. Это вы потеряли знамя пару лет назад?

– Мы вернули его под Талаверой, – резко ответил Шарп. Бесцеремонные манеры соотечественника выводили его из себя.

– Вот как? – Большого интереса всадник не проявил.

Вытащив маленькую трубу, он направил ее в сторону холма, не обращая внимания на мушкетные выстрелы. Выпущенные с большого расстояния пули долетали, растеряв убойную силу.

– Позвольте представить, – сказал Виченте, – полковник Роджерс-Джонс. Мой командир.

– Приказавший вам, капитан, согнать лягушатников с той кочки. А вот приказа стоять и трепаться я вам не давал, не так ли?

– Я лишь спросил совета у капитана Шарпа, сэр.

– А он в состоянии что-то предложить? – удивился полковник.

– Он захватил французского «орла», – сказал Виченте.

– Но наверное, не стоял при этом, чеша в затылке. – Роджерс-Джонс сложил трубу. – Скажу артиллеристам, чтобы открыли огонь, а вы наступайте. Шарп, помогите ему, – беззаботно добавил он. – Выбейте их оттуда, Виченте, и останьтесь там – чтобы лягушатники не вздумали вернуться.

Он развернул коня и ускакал.

– Черт, – пробормотал Шарп. – Он хоть знает, сколько их там?

– Тем не менее приказ есть приказ, – уныло сказал Виченте.

Шарп снял с плеча винтовку и зарядил ее.

– Хотите совет?

– Конечно.

– Выдвинем наших стрелков. Они развернутся и откроют огонь. Не дадут лягушатникам высунуться. Остальные наши парни станут за ними шеренгой. С пристегнутыми штыками. Атакуем тремя ротами. Будем надеяться, что ваш чертов полковник останется доволен.

– Наши парни? – Из ответа Шарпа португалец уловил только два эти слова.

– Ну не в одиночку же вам умирать. А то еще заблудитесь, пытаясь найти жемчужные врата рая. – Шарп посмотрел на север. Орудийный дым сгущался. Французы приближались к деревне. В следующий момент первый из девятифунтовиков ударил по холму. – Ну что ж, приступим.

Не слишком умно, подумал Шарп, но война есть война. Он взвел курок. Пора воевать.

Глава пятая

Деревенька Сула, приютившаяся на восточном склоне холма, неподалеку от того места, где его пересекала северная дорога, в полной мере подходила под определение «захолустье». Скученные домишки, кучи навоза... Долгое время здесь даже не было церкви, так что для соборования умирающего приходилось привозить священника из Моуры, деревни у подножия хребта, либо приглашать монаха из монастыря. Но зачастую призванный служитель опаздывал, и несчастные уходили в мир иной без отпущения грехов, из-за чего местные жители не без гордости сетовали на частые нашествия духов и привидений.

В четверг, двадцать седьмого сентября тысяча восемьсот десятого года, деревня подверглась нашествию ратного воинства. Именно сюда нагрянул весь первый полк 95-го стрелкового полка, а вместе с ним появился и третий полк касадоров, многие из которых имели на вооружении бейкеровские винтовки. В результате две наступающие колонны французов были встречены огнем более тысячи стрелков в зеленых и коричневых мундирах. Французы не уступали союзникам в численности, но вооружены были мушкетами, так что именно они первыми умирали в маленьких, огражденных невысокими изгородями загончиках для скота и в террасах спускающихся от деревни виноградниках. В неумолчный треск винтовок и мушкетов вплетались басовые ноты артиллерии, швыряющей через головы португальских и британских стрелков ядра и начиненные картечью снаряды.

Идущим в колонне французским офицерам казалось, что противостоят им только стрелки и артиллерия. Орудия стояли на уступе над деревней, чуть ниже линии горизонта, и возле пушек расположилась группа всадников, наблюдавших за происходящим из-за мельничной башни. Пушки били по наступающим, разрывая плотные ряды, однако две батареи не могли помешать огромным колоннам. Всадники никакой опасности не представляли, их было всего четверо или пятеро, и все в треуголках, а потому французам и казалось, что на их пути только артиллерия и стрелки. И это означало, что победа близка, потому что красномундирников поблизости не наблюдалось, а следовательно, никто не мог встретить их адским залповым огнем. Барабанщики отбивали *pas de charge*, солдаты устрещающе кричали: «*Vive l'Empereur!*» Одна колонна разделилась, обходя скалистый выступ, а когда соединилась на дороге, в первых рядах взорвались сразу два снаряда. С десятков человек разбросало по сторонам, дорога ненадолго окрасилась красным, и сержанты оттащили убитых и раненых, чтобы те не мешали идущим за ними. Звуки перестрелки усилились – это вольтижеры сблизился с противником и открыли огонь из мушкетов. Над склоном поплыл дым. «*Vive l'Empereur!*» – закричали французы в ответ на первые потери. Пуля ударила в «орла», отколов край крыла, офицер со стоном опустился на землю. Вольтижеры прижались к колонне, и маршал Ней, возглавлявший это наступление, распорядился развернуть впереди еще две роты, чтобы загнать британских стрелков и португальских касадоров на хребет.

Барабанщики отбивали монотонный ритм. Начиненный шрапнелью снаряд разорвался в воздухе над правой колонной, и барабаны на мгновение умолкли – сразу дюжина мальчишек повалились с ног, а идущих за ними забрызгало кровью.

– Сомкнуть ряды! – прокричал сержант, и снаряд грохнул у него за спиной.

Кивер взмыл в воздух и тяжело грохнулся на землю, потому что в нем осталась половина головы. Парнишка-барабанщик с перебитыми ногами и вспоротым осколком животом сидел, из последних сил колотя палочками, и проходящие мимо трепали его по голове, желая удачи и оставляя умирать в винограднике.

Впереди колонны разворачивались новые французские стрелки, и офицеры торопили солдат – быстрее, вверх, туда, где укрылись ненавистные зеленые куртки. Бейкеровская винтовка – страшная штука, только вот стреляет медленно. Чтобы достичь точности, пулю нужно

обернуть кусочком промасленной кожи, потом загнать в ствол, а это требует времени. Мушкет стреляет вдвое быстрее. Время можно сократить, отказавшись от кожи, но тогда пуля теряет сцепление с нарезанными внутри ствола спиральными бороздками, и точность теряется. Получив подкрепление, вольтижеры усилили натиск, затем в сражение вступил весь 1-й полк португальских касадоров, потом французы бросили еще три пехотные роты. Дыму стало больше, пуль тоже, и союзники отошли. Стрелок с пробитыми легкими повис на колышках, поддерживающих виноградную лозу, и вольтижер, заколов его штыком, принялся выворачивать у убитого карманы. Сержант оттащил солдата от тела:

– Сначала сделай дело! Вперед!

Французы теснили противника, поливая его свинцом, и касадоры со стрелками отступили в деревню, где укрылись за низенькими каменными стенами, ведя огонь из окон жалких домишек, с крыш которых осыпалась разбитая черепица. Вольтижеры наступали, ободряя друг друга криками, указывая на цели.

– *Sauterelle! Sauterelle!* – завопил сержант, тыча мушкетом в сторону стрелка из 95-го.

«Саранчой» они называли британских солдат в зеленых куртках, этих неуловимых, подвижных и ловких стрелков, возникающих из ниоткуда, жалящих и тут же исчезающих, чтобы ужалить снова. Десяток мушкетов пальнули в мишень, которая пропала в переулке, скрывшись за градом битой черепицы.

Французы уже вышли к восточной окраине деревушки и, перебегая небольшими группами от дома к дому, нещадно палили по возникающим в дыму теням. Путь им преградила баррикада из тележек, вспыхнувшая вдруг клубами порохового дыма. Трое упали, но остальные добежали до препятствия, стреляя на ходу. Разорвавшийся в воздухе снаряд уложил еще двоих, обрушив заодно крышу ближайшего дома. Одну подводу оттащили, и вольтижеры устремились в брешь. Из окон и дверей по ним ударили винтовки и мушкеты. Солдаты разбежались, перескакивая через ограды и навозные кучи. Снаряды британские, португальские и французские рвались между домами, снося стены, забивая узкие улочки дымом и разлетающимися со свистом осколками металла и черепицы. И все же численное преимущество было за вольтижерами, а винтовки в близком бою уступали мушкетам. Голубые мундиры давили, жали, теснили, а зеленые и коричневые отходили или погибали. Баррикаду разобрали. Колонна уже приближалась к деревне, и вольтижеры зачищали последние дома. Какой-то касадор, оказавшись в тупике, бросился на французов с мушкетом и, орудуя им как дубинкой, успел свалить двоих, прежде чем третий проткнул его штыком. Жители ушли из села, и французы спешили забрать то немного, что хозяева позабыли в спешке. Двое схватились из-за деревянного ведерка, не стоившего и су, и погибли от пуль расстрелявших их через окно касадоров.

Над хребтом уже повисли облака тошнотворного пушечного дыма, когда колонна вступила в село. Снаряды еще рвали передние шеренги, но строй смыкался, и французы маршировали дальше под барабанный бой, прерываемый лишь раскатистым «*Vive l'Empereur!*». Крик этот долетал и до маршала Массена, оставшегося в долине с артиллеристами, забрасывавшими снарядами вершину хребта.

Менее чем в полумиле от деревни, на уступе, находилась ветряная мельница. Вытеснив остатки стрелков из Сулы, вольтижеры заставили их отступать по открытой местности. Одна колонна обошла село стороной, преодолев две каменные стены и разбросав несколько загоронок, но другая промаршировала через деревню. Здесь уже горело с десяток крыш, деревянные перекрытия которых занялись от упавших на них снарядов. Еще один снаряд разорвался на главной улице, разметав по сторонам дюжину солдат и забрызгав белые стены домов кровью.

– Сомкнуться! – кричали сержанты. – Сомкнуться!

Эхо барабанов отскакивало от замызганных стен, а до британцев на хребте уже отчетливо доносилось восторженное «*Vive l'Empereur!*». Вольтижеры приближались, и было их так много, что мушкетный огонь не уступал по плотности залповому. Британские и португальские

стрелки рассеялись, ушли к северу, растворились в леске, венчавшем крутой подъем, и перед французами не осталось никого и ничего, кроме выступа с мельницей и горстки всадников. Пули плющились уже о стены башни. Наплывающий от расположенной поблизости артиллерийской батареи дым затягивал всадников, среди которых был и маленький, черноволосый, смуглолицый человек с насупленными бровями. Седло, в котором он сидел, казалось слишком большим для шуплой фигуры. На французов мужчина взирал с негодованием, словно одно только присутствие их здесь считал оскорбительным для себя. Пули проносились возле него, а он как будто не замечал их. Адъютант, встревоженный плотностью неприятельского огня, хотел было предложить ему отступить на несколько шагов, но благоразумно воздержался от совета, который Боб Кроуфорд счел бы намеком на слабость.

Колонны ступили на открытую местность под выступом, а на вольтижеров обрушился град картечи, буквально вбивший в землю сухую траву. Один за другим снаряды вгрызались в землю, каждый выкашивал с десяток французов, и офицеры приказали своим людям прижаться к колоннам. Они свое дело сделали, отогнали британских и португальских стрелков, и победа была уже близка, она ждала на вершине хребта, и путь к ней преграждали две батареи и кучка всадников.

Так думали французы. Но за выступом, где параллельно хребту проходила тропинка, лежало невидимое снизу мертвое пространство, где затаились два полка, 43-й и 52-й. Это были полки легкой пехоты, 43-й – из Монмаунтшира и 52-й – из Оксфордшира, и они считали себя лучшими из лучших. Иметь такое мнение у них было полное право, заслуженное жестокой муштрой под руководством маленького черноволосого человека, с недовольным видом взирającego на идущих к мельнице французов. Пушкарь, получивший по ребрам французским ядром, отлетел от девятифунтовика, харкая кровью, и подоспевший сержант оттащил его от колеса и сам загнал снаряд в жерло:

– Огонь!

Машина подпрыгнула, отскочила, ковырнув лафетом землю, и выплюнула с облаком дыма снаряд, набитый мушкетными пулями, обрушившимися на головы французов.

– Сомкнуть ряды! – прокричали французские сержанты, и раненые, оставляя на прибитой траве кровавый след, поползли к деревне, чтобы спрятаться от осколков за каменными стенами.

Но никакой картечи не хватило бы, чтобы остановить колонны: уж слишком они были велики. Оставляя раненых и убитых, они упрямо двигались к цели, и затаившиеся красно-мундирники слышали уже и барабанный бой, и крики воодушевленной пехоты, и визг пронесшихся над головами пуль. Они ждали, понимая по нарастающему шуму, что Черный Боб подпускает врага поближе. Они ждали не боя на расстоянии мушкетного выстрела, а бойни, внезапной и ошеломляющей, и этот миг настал, когда пушкари одной из британских батарей, получив порцию свинца от передней шеренги левой колонны, побросали орудия и пустились наутек. Наступила тишина. Странная тишина. Ненстоящая, конечно, потому что барабаны продолжали бить и голубые мундиры изрыгали свои победные крики, но все же тишина, потому что пушки вдруг умолкли, одни – потому, что их бросили, другие – потому, что их не успели зарядить.

И тогда французы, которых терзали, валили, крушили проклятые ядра и рвала на части ненавистная картечь, поняли – батарея брошена. С радостными воплями полезли они через камни, чтобы дотронуться до горячих пушек, а офицеры орали, требуя идти дальше. Пушками можно будет заняться потом, а сейчас самое важное достичь вершины и завоевать Португалию. Далеко внизу маршал Массена думал о том, найдет ли Генриетта в монастыре приличную кровать, и каким титулом одарит его император, и отыщется ли что-нибудь съедобное в захваченных британских пайках. А о чем еще думать, когда армия в шаге от победы?

И тогда Черный Боб набрал в грудь воздуха...

– Вперед! – крикнул Шарп. Собрав стрелков, как британских, так и португальских, он отвел их на отрог, откуда они могли вести прицельный огонь по притаившимся за камнями вольтижерам. – Веселей! – Опустившись на колено, капитан выстрелил, но результат скрыл от него клуб дыма. – Вперед! Вперед!

Если атака и удастся, то только за счет быстроты, вот почему Шарп подгонял стрелков, за которыми цепью в две шеренги шла красномундирная пехота. Помогали и пушкари. Одно орудие било картечью, другое запускало снаряды так, что они взрывались над головами французов, загоняя их под камни. Там, наверное, ад, подумал Шарп. И тем не менее осыпаемые картечью, ядрами и пулями вольтижеры упрямо держались за свой холм.

Он забросил винтовку за спину – времени перезаряжать все равно не будет, потому что все решится быстро, – и вытащил саблю. И почему только эти черти никак не бегут?

– Вперед!

Пуля прошла рядом со щекой, приласкав коротким дуновением теплого воздуха. Над камнями за клубился дым – французы ударили из мушкетов, но расстояние было слишком велико. Им ответили винтовки, жестче, быстрее, суше.

– Вперед!

Только теперь Шарп заметил бегущую за стрелками роту Виченте. Стрелки бежали, останавливались, падали на колено, целились, стреляли и снова бежали. Слева пуля подсекла куст. Француз стрелял низко, сразу видно – опытная рука, а до холма оставалось шагов сто, и от страха пересохло во рту. Противник в укрытии, его люди как на ладони. Еще одна пуля просвистела рядом, и касадор упал, схватившись за бедро. Мушкет отлетел в кусты. Двое бросились ему на помощь.

– Отставить! – крикнул Шарп. – Стрелять! Стрелять! Вперед!

К северу вовсю громыхал бой. Две поддерживающие его пушки бухнули разом, и картечь застучала по камням. Какой-то француз медленно приподнялся и рухнул, обливаясь кровью.

– Целься вернее! – кричал Шарп.

В горячке боя всегда есть соблазн палить наугад, не жалея патронов. Он уже видел лица французов. Хэгмен выстрелил, принял заряженную винтовку от юного Перкинса и выстрелил еще раз. Но и из-за камней били и били. Ну какие же упертые! Десять шагов... на колено... прицелься... огонь! Еще один касадор свалился в кусты, получив пулю в плечо. Другая ударила в кивер, и он свалился с головы, повиснув на шнурке. Харпер разрядил штуцер и сбросил с плеча семистволку. Повернув голову, Шарп увидел бегущего рядом Виченте.

– Дай мне! – крикнул португалец.

– Стрелки! – проревел Шарп. – Ложись!

Стрелки распластались. Виченте остановил своих:

– Приготовиться!

– Из-за того что в португальской армии было много офицеров-британцев, приказы отдавались на английском. Шарп шагнул в их шеренгу:

– Огонь!

Касадоры ударили залпом и будто загородились валом дыма. Пушки тоже ухнули разом, и холм стегнуло свинцовым дождем. Металл, камни, кровь – в этом аду смешалось все.

– В атаку! – Шарп побежал.

Слева от него не отставал прапорщик Айлифф с обнаженной саблей. Португальцы закричали. Слов было не понять, но в них звенела ненависть. Бежали все. Все вокруг было ненависть и ярость, страх и злость, дым и ужас. Французы встретили их огнем. Кто-то вскрикнул. Рядом тяжело топал Харпер. До ближайших камней оставалось шагов десять, когда французы вдруг поднялись, человек десять, офицер в центре, и вскинули мушкеты.

Харпер держал семистволку низко, у бедра, но инстинктивно спустил курок, и семь пуль шмякнули разом в голубую шеренгу, вырвав из нее всю середину. Офицер свалился на спину. Остальные, шокированные не столько даже пулями, сколько оглушающим грохотом, внезапно повернулись и побежали. Один или двое успели второпях выстрелить – пули ушли в никуда. Шарп запрыгнул на камень и увидел, что все кончено. Солдаты рассыпались по крутому склону и катились вниз, не обращая внимания на раненого офицера, кричавшего, чтобы они остановились и дрались. Шарп заставил его замолчать ударом по голове. Касадоры, стрелки и красномундирники карабкались на холм. Те из французов, кто промедлил, погибали от штыков. Один сержант, решив, что бежать уже поздно, повернулся и кинулся со штыком на Харпера. Ирландец отбил выпад семистволкой и так врезал французу кулаком, что тот отлетел на пару ярдов, словно сшибленный ядром. Сержант для верности добил его прикладом.

С десятков французов, напуганных крутизной склона, остались на холме, сбившись к восточному краю и дрожа от страха.

– Оружие на землю! – крикнул Шарп, но его никто не понял, и все вдруг повернулись, выставив штыки.

Шарп отбил ближайший штык саблей и тут же воткнул клинок в живот кому-то. Воткнул, повернул, чтобы лезвие не застряло, и выдернул. На камни хлынула кровь. Он поскользнулся на крови, услышал выстрел, ткнул палашом в другого француза, а подоспевший Виченте рубанул капрала. Шарп поднялся и увидел стоящего на самом краю француза. Он ткнул ему в спину палашом, и тот словно нырнул с обрыва. Секундная тишина, потом внизу что-то шмякнуло, словно с крыши сбросили мешок с потрохами.

И снова тишина. Благословенная тишина. Только далеко на севере били барабаны. Французов на холме не осталось. Они неслись вниз, провожаемые пулями и восторженными криками португальцев.

– Сержант Харпер!

– Сэр? – Сержант шарил по карманам убитого.

– Наши потери.

Шарп вытер палаш о голубой мундир и сунул клинок в ножны. Внизу хлопнуло ядро. Он устало опустился на камень, вспомнил про кусок колбасы в кармане, достал и съел. Потом привел в относительный порядок кивер, нахлобучил его на голову. Странно, в последние минуты он совсем не чувствовал боли в ребрах, но теперь она, словно опомнившись, накатила со всей силой. У ног Шарпа лежал француз со старомодной коротенькой саблей, какие носили раньше французские стрелки, но потом отказались, поскольку оружие было пригодно разве что для домашнего хозяйства. Убитый выглядел странно спокойным, даже безмятежным, и никаких видимых ран на нем видно не было. Уж не притворяется ли? Шарп тронул его ногой. Ничего. Муха села на глазное яблоко. Ничего. Нет, наверное, и вправду мертв.

Между камнями пробирался Харпер.

– Мистер Айлифф, сэр.

– Что такое?

– Мертв. У остальных ни царапинки.

– Айлифф? Мертв?

По какой-то неведомой причине эти вещи никогда не укладывались у Шарпа в голове.

– Ничего не почувствовал. – Харпер постучал себя по лбу. – Прямое попадание.

Шарп выругался. Айлифф не нравился ему до самого последнего дня, но сегодня показал храбрость в бою. Ему было страшно. Беднягу даже вырывало от страха, тем не менее, как только засвистели пули, парнишка победил в себе страх, и это было достойно восхищения. Шарп подошел к телу, снял кивер и посмотрел на юношу, лежавшего с выражением легкого удивления на лице.

– Мог бы стать хорошим солдатом, – сказал Шарп, и стоявшие рядом согласно закивали.

Сержант Рид назначил четверых, чтобы тело отнесли в полк. Лоуфорду это не понравится, подумал Шарп. Ну почему, черт возьми, проклятая пуля не попала в лоб чертову Слингсби. Вот тогда вольтижеры оказали бы ему настоящую услугу. И почему он сам промахнулся? Солнце показывало середину утра. Шарп чувствовал себя так, словно дрался целый день, а в Англии люди еще не закончили завтракать.

Жаль Айлиффа. Он выпил воды, сел на камень и стал ждать.

– Пошли! – крикнул генерал Кроуфорд, и два полка поднялись и предстали перед французами, словно выросли из-под земли. – Десять шагов вперед! – (Они прошли их будто на параде и замерли как вкопанные.) – Отомстим за Мура! – Голос Кроуфорда звенел от гнева и решимости.

Пятьдесят второй дрался в Испании, где они, разбив французов, потеряли своего любимого генерала сэра Томаса Мура.

– Готовсь! – проревел полковник, командир 52-го.

Враг был близко, менее чем в двадцати пяти ярдах. Увидев перед собой взявшуюся невесть откуда длинную шеренгу, французы опешили. Даже новобранцы поняли, что их ждет. Британская шеренга перекрывала колонны, и ее мушкеты смотрели в глаза передовым рядам. Красная шеренга как будто развернулась на четверть оборота вправо, и французский офицер перекрестился.

– Огонь!

Уступ заволочло дымом. Тысяча с лишним мушкетов дала залп по колоннам, и казалось, гигантская метла одним махом смела десятки человек, а те, кто шел сзади, подчиняясь заданному барабанами ритму, наткнулись на корчащуюся, окровавленную, стонущую кучу тел. Лязгнули шомпола, загоняя новые пули. Британские пушкеры второй батареи ударили картечью по выжившим, и голова колонны окрасилась красным.

– Полуротно!

– Огонь!

Залповый огонь. Безжалостный, непрерывный, работающий как часы механизм смерти. Британские и португальские стрелки пристроились справа и добавили своего. Пламя, дым, пули и картечь – все било, хлестало, рвало. От тысяч выброшенных пыжей загорелась трава.

Но огонь велся не только с фронта. Часть стрелков и фланговые роты обоих полков развернулись на склоне и ударили с флангов. Дым разгонял дым, пули впились в плоть и врезались в мушкеты, и французский авангард остановился. Никакое войско в мире не могло идти навстречу этому валу дыма, разрываемому залповыми вспышками.

– Штыки! Штыки! – крикнул Кроуфорд. Семнадцатидюймовые штыки скользнули на почерневшие стволы. – А теперь – бей их! – проревел Черный Боб, с восторгом наблюдая, как вымуштрованные им парни рвут вчетверо превосходящего противника.

Те, у кого мушкеты были заряжены, еще стреляли, а красномундирники уже шли вниз, поначалу размеренно, но потом, перебравшись через кучи убитых и увидев перед собой живых, уже нестройно, ускоряя шаг. Вопль ярости вырвался из британских глоток.

– Бей их!

Черный Боб шел за ними с обнаженной саблей, обжигая французов взглядом, тогда как его люди протыкали их штыками.

Это была бойня. Большинство французов в передних рядах, если и пережили залпы и картечь, были ранены. И тут на них набросились красномундирники. Семнадцатидюймовый штык – страшное оружие. Вонзить, повернуть, вытащить. Крики боли, вопли, мольбы о пощаде заглушали прочие звуки. Кто-то призывал на помощь Господа, кто-то проклинал врага, а с уступа все били и били мушкеты, не давая французам перестроиться, прийти в себя, опом-

ниться. Их загнали на холм, как баранов на бойню, на самый верх, и теперь спереди – штыки, с флангов – огонь, и единственный путь к спасению – вниз.

И колонны рассыпались. Масса людей, только что дрожавших под ударами стали и свинца, превратилась вдруг в толпу. Те, что впереди, зажатые между своими и чужими, не могли ничего поделать и гибли, становясь легкой добычей ненасытных клинков, но те, что позади, обратились в бегство. Барабаны покатались по склону, брошенные мальчишками, которые думали только о том, как спасти собственную шкуру. Стрелки надавили с флангов, и последние французы покатались вниз, преследуемые красномундирниками. Самых нерасторопных настигли в деревне, и на стены домов снова брызнула кровь, а крики достигли даже долины, где их, раскрыв рот, слушал Массена. Некоторые французы запутались в виноградниках, и касадоры ловили их там и резали глотки. Стрелки поливали свинцом спины убегающих. Какой-то француз, схваченный в доме, воззвал к милости победителей, но крик сменился хрипом, когда в него вонзились сразу два штыка.

Паника захлестнула побежденных. Весь склон был усеян телами и брошенным оружием. Кое-кому повезло. Два стрелка, захватив с десятков пленных, отвели их к мельнице, где британские пушкари уже заняли места у своих пушек. Французский лейтенант, спасшийся только потому, что притворился мертвым, протянул саблю британскому лейтенанту из 52-го. Лейтенант, человек благовоспитанный и любезный, кивнул, но клинок вернул.

– Вы окажете мне услугу, проводив меня на холм, – сказал лейтенант и попытался завязать разговор на школьном французском. – Что-то вдруг похолодало, не так ли?

Француз согласился – да, похолодало. Впрочем, он согласился бы и с противоположным утверждением. Капитан дрожал. Он весь перепачкался в крови, но не своей, а чужой, крови тех, кто погиб рядом с ним. Он шел, а повсюду лежали убитые и умирающие, и кто-то просил о помощи, а он ничего не мог для них сделать. Перед его глазами стояли штыки и лица, жаждающие крови.

– Это была буря, – сам не зная почему, сказал он.

– Нет, думаю, жары уже не будет, – ответил лейтенант, неверно истолковав реплику собеседника.

Музыканты 43-го и 52-го собирали раненых, почти исключительно французов, и относили их к мельнице, откуда выживших должны были отвезти на подводах в монастырь, где ожидали костоправы.

– Если завтра будет хорошая погода, – продолжал лейтенант, – мы надеемся сыграть в крикет. Вы, мсье, когда-нибудь видели, как играют в крикет?

– Крикет? – Француз растерянно посмотрел на красномундирника.

– Да, мы собираемся сыграть, если погода или война не помешает.

– Никогда в жизни не видел крикета.

– Когда попадете на небеса – надеюсь, это время наступит нескоро, – вы будете каждый день играть в крикет.

Южнее вдруг послышалась стрельба. Стреляли, похоже, британцы – быстро и четко, но на самом деле то были португалыцы, охранявшие хребет справа от пехотной дивизии. Меньшая из французских колонн, вознамерившись подкрепить успех двух других, прошедших через Сулу, свернула от деревни и попала к глубокому, поросшему лесом оврагу. Строй рассыпался, и каждый выбирался поодиночке, а когда все вышли на склон, то увидели перед собой португальцев. Не красномундирников. Колонна имела численное превосходство, и к тому же французы не боялись португальцев, которых били в прошлом. Решив, что впереди легкая победа, они атаковали презренного врага, а противник вдруг встретил их залповым огнем. Как оказалось, португальский механизм смерти работал не хуже британского. Накрытые с трех сторон французы обнаружили, что презренный враг не оставляет им иного выхода, кроме как спастись отступлением. И последняя колонна с позором бежала, разбитая людьми, сражавшимися за

родину, а на хребте не осталось ни одного француза, за исключением убитых, раненых и плененных. В винограде, плача, умирал барабанщик. Ему было одиннадцать, и он получил пулю в легкие. Его отец, сержант, лежал в двадцати шагах от него, и птица выклевывала ему глаза. Теперь, когда пушки умолкли, черные пернатые слетались на пир.

Над холмом курился дымок. Орудия остыли. Люди передавали бутылки с водой.

Французы вернулись в долину.

– К северу от хребта есть дорога, – напомнил Массена адъютант.

Маршал не ответил. Он смотрел на то, что осталось от его атакующих колонн. Разбиты все. Разгромлены.

И враг, скрывшись за хребтом, ждал от него еще одной попытки.

– Помнишь мисс Сэвидж? – спросил Виченте.

Они с Шарпом сидели на краю холма, глядя сверху на разбитых французов.

– Мисс Сэвидж? Кейт? Конечно, я ее помню. Интересно было бы узнать, что с ней стало.

– Она вышла замуж... за меня, – сообщил Виченте, расплываясь в глуповатой улыбке.

– Боже! – Подумав, Шарп решил, что ответ прозвучал довольно грубо, и добавил: – Ты молодец.

– Я даже сбрил усы. Как ты и советовал. И она согласилась.

– Не понимаю тех, кто носит усы. Целоваться с сапожной щеткой и то приятнее.

– У нас уже ребенок, – продолжал Виченте. – Девочка.

– Быстро ж ты сработал!

– Мы очень счастливы.

– Рад за вас, – сказал Шарп, ничуть не покривив душой.

Кейт Сэвидж убежала из дома, и Шарп с помощью Виченте спас ее в трудный час. С тех пор прошло восемнадцать месяцев, и он часто спрашивал себя, что произошло потом с девушкой-англичанкой, унаследовавшей от отца виноградники.

– Кейт сейчас в Порту, – пояснил Виченте.

– С матерью?

– Нет, она вернулась в Англию вскоре после того, как я отправился в новый полк в Коимбру.

– А почему туда?

– Я там вырос. Мои родители до сих пор живут там. Я учился в тамошнем университете. В общем, Коимбра для меня – родной дом. Но теперь мы будем жить в Порту. После войны.

– Снова заделаешься стряпчим?

– Надеюсь. – Виченте перекрестился. – Я знаю, каково твое отношение к закону, но это единственный барьер, отделяющий человека от зверя.

– Однако ж французов твои законы не остановили.

– Война, Ричард, выше всех законов, поэтому все порядочные люди должны быть против нее. Война высвобождает все то, что в обычных обстоятельствах удерживает закон.

– То есть дает шанс таким, как я.

– Ты не такой уж плохой, – улыбнулся Виченте.

Шарп посмотрел в долину. Французы отошли наконец на исходные позиции, те, что занимали накануне, и спешно возводили за рекой укрепления.

– Боятся, что мы спустимся, чтобы прикончить их внизу.

– Думаешь, спустимся?

– Конечно нет! У нас позиционное преимущество – мы занимаем высоты. Зачем же его терять?

– И что будем делать?

– Ждать приказов, Хорхе. Ждать приказов. Я свои, похоже, сейчас получу. – Шарп кивком указал на приближающегося к холму майора Форреста.

Подъехав ближе, Форрест посмотрел на склон, усеянный телами убитых французов, потом повернулся к Шарпу и кивнул.

– Полковник распорядился, чтобы рота вернулась в полк, – устало сказал он.

– Майор Форрест, – сказал Шарп, – позвольте представить капитана Виченте. Мы вместе воевали в Порту.

– Для меня это честь, капитан. – Рукав мундира у майора потемнел от крови – пуля зацепила плечо. Форрест помолчал, пытаясь придумать что-нибудь приятное для португальца, но в голову ничего не приходило, и он снова повернулся к Шарпу. – Надо идти, капитан.

– Подъем, парни. – Шарп встал и протянул руку Виченте. – Присматривай тут за ними, Хорхе. Нам еще может потребоваться ваша помощь. И передавай привет Кейт.

Было тихо. Пушки уже не стреляли, и только ветер тихонько шевелил опаленную мушкетным и винтовочным огнем траву. Шарп шел пешком, Форрест молча ехал рядом. Полк отдыхал после боя. Солдаты сидели на земле, но не расходились. Рота заняла свое привычное место на левом фланге, и Форрест откашлялся.

– Командование временно переходит к лейтенанту Слингсби, – сказал он.

– Что? – Шарп даже остановился от неожиданности. – Что переходит?

– Роту возьмет Слингсби, – повторил Форрест. – Временно. Потому что вас, Шарп, ждет к себе полковник. И хочу предупредить, он не слишком вами доволен.

Сказав, что полковник не слишком доволен, майор погрешил против истины. Достопочтенный Уильям Лоуфорд кипел от гнева, хотя проявилось это лишь в том, что при виде Шарпа он поджал губы и одарил капитана неприязненным взглядом. Выглянув из палатки, полковник кивком подозвал Форреста.

– Останьтесь, майор. – Подождав, пока офицер спешится и передаст поводья ординарцу, он окликнул адъютанта: – Ноулз! – Ноулз, прежде чем выйти, ободряюще подмигнул Шарпу, что еще больше разозлило полковника. – Вам тоже лучше остаться, но только позаботьтесь о том, чтобы сюда никто не подходил. Не хочу, чтобы то, что здесь будет сказано, стало достоянием всего полка.

Ноулз, выскользнув из палатки, занял пост у входа. Форрест отошел в сторонку.

– Итак, капитан, – холодно обратился к Шарпу Лоуфорд, – может быть, теперь вы соизволите объясниться?

– Объясниться, сэр?

– Прапорщик Айлифф убит.

– Сожалею, сэр.

– Господи! Мне доверили этого парнишку! И что я должен теперь написать его отцу? Что мальчишка погиб из-за безответственности офицера, который, не получив моего приказа, повел роту в атаку! – Гнев помешал ему продолжить, и Лоуфорд, вздохнув, шлепнул ладонью по ножнам. – Я командую этим полком! Я, Шарп! Или вы еще не поняли? Думаете, вам все позволено? Думаете, можете делать все, что угодно, не испрашивая моего разрешения? Из-за вашего самоуправства гибнут люди!

– У меня был приказ, сэр, – бесстрастно ответил Шарп.

– Приказ? – взорвался Лоуфорд. – Я не отдавал вам никакого приказа!

– Я получил приказ от полковника Роджерса-Джонса, сэр.

– И кто такой, черт возьми, этот полковник Роджерс-Джонс?

– Полагаю, сэр, он командует полком касадоров, – вставил осторожно Форрест.

– Полком касадоров! – воскликнул Лоуфорд. – Но не Южным Эссекским!

– Я получил приказ, сэр, – упрямо повторил Шарп, – и выполнил его. – Он помолчал. – А еще, сэр, я вспомнил ваш совет.

– Какой еще совет?

– Прошлым вечером, сэр, вы говорили, что стрелкам надо быть предприимчивыми.

– Я требую от своих офицеров не только этого, – перебил его Лоуфорд. – Я хочу, чтобы они были джентльменами и выказывали уважение друг к другу.

Так вот оно что, подумал Шарп. Дело не в том, что он якобы нарушил субординацию. И даже не в бедняге Айлиффе. Да, он повел роту в атаку, не получив разрешения командира, но ни один офицер не станет упрекать подчиненного за инициативу, если она пошла на пользу делу. Все сказанное Лоуфордом было поводом перейти к наступлению по главному вопросу. Шарп промолчал, упершись взглядом в переносицу полковника.

– лейтенант Слингсби рассказал мне, что вы оскорбили его, капитан. Что вы вызвали его на дуэль. Назвали незаконнорожденным. Обругали...

Шарп вспомнил стычку с лейтенантом на склоне, случившуюся после того, как он увел роту с пути бегущих французов.

– Сомневаюсь, что я назвал его незаконнорожденным, сэр. Я таких слов не употребляю. Может, назвал его ублюдком.

Ноулз застыл, разглядывая что-то на горизонте. Форрест опустил голову, заинтересовавшись травой под ногами и с трудом пряча улыбку. Лоуфорд на мгновение опешил:

– Что? Как вы его назвали?

– Ублюдком, сэр.

Полковник вздохнул:

– Это неприемлемо, Шарп. Абсолютно неприемлемо. Такие выражения в адрес своего товарища непозволительны.

Шарп промолчал. В большинстве случаев молчание – лучшая тактика.

– Вам что, нечего сказать?

– Я никогда не делал ничего такого, что шло бы во вред полку, – твердо ответил Шарп.

Возразить на это произнесенное уверенным тоном заявление было нечем, и Лоуфорд явно замешкался и даже мигнул.

– Ваши заслуги, Шарп, всем известны, и никто не ставит их под сомнение. Я лишь пытаюсь привить вам достойные манеры. И я не потерплю грубости в отношениях между товарищами-офицерами.

– А потерять полроты, сэр? Это не важно?

– О чем вы говорите?

– Мой товарищ-офицер, сэр, – Шарп даже не попытался скрыть сарказм, – развернул роту на склоне. Прямо под французами. И когда они побежали, то запросто прихватили бы ваших стрелков с собой. К счастью для полка, сэр, я оказался на месте и сделал то, что и следовало сделать.

– Я ничего такого не видел, – слабо возразил Лоуфорд.

– Тем не менее это случилось, – стоял на своем Шарп.

Майор Форрест, сосредоточенно ковыряя землю носком сапога, негромко откашлялся. Лоуфорд взглянул на него:

– Хотите что-то сказать?

– Полагаю, сэр, лейтенант Слингсби действительно поступил не вполне обдуманно и завел роту слишком далеко.

– Дерзость и агрессивность – похвальные качества для офицера. Мне следует похвалить лейтенанта Слингсби за проявленный энтузиазм. Так что, Шарп, это еще не основание для того, чтобы оскорблять человека, исполняющего свой долг.

Пора прикусить язык, решил Шарп и благоразумно промолчал.

– И я не допущу дуэлей между офицерами, – продолжал Лоуфорд, вдохновленный молчанием капитана. – Ни дуэлей, ни ничем не спровоцированных оскорблений. Лейтенант

Слингсби – опытный боевой офицер. Он ценное приобретение для полка. Ценное приобретение, Шарп. Вам понятно?

– Так точно, сэр.

– В таком случае пойдите и извинитесь перед ним.

Вот уж черта с два, подумал Шарп, продолжая буравить взглядом переносицу полковника.

– Вы меня слышите?

– Так точно, сэр.

– Вы извинитесь?

– Никак нет, сэр.

Лицо Лоуфорда вспыхнуло от гнева, на несколько секунд лишившего полковника способности к членораздельной речи.

– Последствия, капитан, если вы откажетесь подчиниться, – произнес он, овладев наконец собой, – могут быть самыми нежелательными.

Шарп слегка сместил направление взгляда и теперь смотрел прямо в правый глаз полковнику. Он видел, что Лоуфорду не по себе от этого взгляда. Ему даже показалось, что он увидел слабость, однако стрелок решил, что ошибся. Лоуфорд не был слабаком – ему просто не доставало жестокости. Как и многим. Большинство людей руководствуются здравым смыслом, стремятся искать примирения и обычно достигают согласия. Они не против расстреливать неприятеля залповым огнем или косить картечью, но уклоняются от рукопашной, когда нужно втыкать во врага штык. Сейчас Лоуфорд попал в трудную ситуацию, когда отступить уже невозможно, когда карающая длань занесена для удара. Полковник ждал от Шарпа извинений, мелкого, ничего не значащего жеста, уступки, которая помогла бы решить проблему, но Шарп отказался сделать шаг навстречу, и Лоуфорд не знал, что делать.

– Я не извинюсь, – резко сказал Шарп, – сэр.

Последнее слово вобрало в себя всю дерзость, на которую он только оказался способен.

Лоуфорд снова вспыхнул и опять-таки удержался от немедленной реакции.

– Что ж, – сказал он сухо после короткой паузы, – если не ошибаюсь, вы уже были когда-то квартирмейстером?

– Так точно, сэр.

– Мистеру Кайли занедужилось. Я приму решение, что делать с вами дальше, а пока примите на себя его обязанности.

– Есть, сэр, – без всякого выражения ответил Шарп.

Лоуфорд еще секунду постоял в нерешительности, словно обдумывая, что бы еще добавить, но потом нахлобучил треуголку и отвернулся.

– Сэр, позвольте обратиться, – подал голос Шарп.

Полковник молча обернулся.

– Это касается мистера Айлиффа, сэр. Он славно дрался сегодня. Если будете писать семье, можете так и сказать.

– Жаль только, что его уже нет, – с горечью заметил Лоуфорд и вышел из палатки, сделав Ноулзу знак следовать за ним.

Форрест вздохнул:

– Почему не извиниться, Ричард?

– Потому что он, черт его дери, чуть не положил половину моей роты.

– Я это знаю. И полковник тоже знает. И мистер Слингсби знает. И ваша рота знает.

Проглотите обиду и возвращайтесь к своим ребятам.

Шарп качнул головой и ткнул пальцем вслед ушедшему Лоуфорду:

– Он хочет от меня избавиться. Хочет запихнуть на мое место этого своего родственника.

– Лоуфорд вовсе не хочет от вас избавляться. – Форрест вздохнул. – Думаете, он вас не ценит? Ценит. И прекрасно понимает, что лучшего командира для стрелков не найти. Но ему надо продвинуть Слингсби. Семейное дело, вы же понимаете. Жена хочет, чтобы он позаботился о Слингсби, а жены, как вам хорошо известно, если чего-то хотят, то всегда это получают.

– Он хочет от меня избавиться, – уперся Шарп, не желая прислушиваться к доводам рассудка. – И даже если я сейчас извинюсь, он рано или поздно найдет к чему придраться, так что уж лучше уйти сейчас.

– Только далеко не уходите, – улыбнулся майор.

– Это еще почему?

– Мистер Слингсби выпивает, – негромко сказал Форрест.

– Вот как?

– Да. И выпивает крепко. Пока держится, надеется, что в новом полку сможет начать с чистого листа, но я за него боюсь. У меня самого была такая же проблема, Ричард, хотя, надеюсь, вы не станете об этом распространяться. Подозреваю, старые привычки в конце концов возьмут верх и мистер Слингсби сорвется. Такое с большинством случается.

– С вами же не случилось.

– Пока нет. – Форрест улыбнулся. – Вы все-таки подумайте. Пары слов в качестве извинения вполне достаточно. Не так уж и трудно, а? И все забыто.

Ну уж нет, скорее в аду выпадет снег, подумал Шарп. Нет, он извиняться не станет.

Вот так Слингсби получил роту.

Майор Феррейра прочитал полученное от брата письмо уже после того, как французское наступление окончательно захлебнулось.

– Ему нужен ответ, сеньор, – сказал доставивший послание Мигель. – Одно только слово.

Над склоном, где остались лежать десятки французов, еще кружился, свиваясь в тонкие нити, пороховой дым. Победа осталась за союзниками, но Феррейра знал: пройдет совсем немного времени и противник обнаружит дорогу, идущую в обход северного края хребта. Или, может быть, победители, желая закрепить успех, устремятся вниз, чтобы атаковать неприятеля в долине? Впрочем, пока никаких намеков на это он не заметил. Адьютанты не разносили генералам новые приказания. Солдаты отдыхали. И чем дольше выжидал Веллингтон, тем больше времени было у французов, чтобы поднять брустверы и подготовиться к обороне. Нет, решил майор, сражение окончено, и лорд Веллингтон, скорее всего, уже принял решение: отойти к Лиссабону и предложить неприятелю еще одну битву на подступах к столице.

– Одно слово, – напомнил Мигель.

Феррейра кивнул.

– *Sim*, – сказал он, сделав непростой и нелегкий выбор.

Произнеся это слово, означавшее согласие, майор повернул коня и поскакал на север, мимо отдыхающей после победы пехотной дивизии, мимо ветряной мельницы, каменные стены которой испещрили оставленные пулями отметины, и далее, вдоль невысоких деревьев на северной оконечности хребта. Никто не обратил на него внимания. Майора знали как разведчика-одиночку, а кроме того, на холмах Карамулы, к северу от хребта, располагалась португальская милиция и офицер вполне мог отправиться на позиции соотечественников.

И все же, хотя отлучка из армии и выглядела вполне невинной и объяснимой для человека его положения, сердце майора сжималось от страха. Его будущее, будущее всей его семьи зависело от того, как развернутся события в следующие несколько часов. Педро Феррейра унаследовал немалое состояние, но сам не сделал ничего, чтобы его приумножить. Предприятия, в которые он вкладывал деньги, безнадежно провалились, и лишь возвращение брата позволило восстановить растраченное богатство. Приход французов означал новую опасность, и теперь майор рассчитывал, образно выражаясь, сменить лошадей, перескочить из патриотического

седла в другое, французское, но сделать это тайно, чтобы никто ничего не узнал. Только так он мог сохранить имя, состояние и обеспечить семье будущее.

Путь занял три часа. Было уже за полдень, когда майор повернул на восток и стал подниматься на высокий холм. Португальская милиция, охраняющая дорогу у северного края хребта, осталась далеко позади, никаких кавалерийских патрулей, ни британских, ни португальских, здесь не предполагалось, но Феррейра все же перекрестился и прочитал про себя короткую молитву. Только бы не заметили свои. Да, он по-прежнему думал о португальско-британской армии как о своей, потому что был патриотом, только вот какой толк от нищего патриота?

На вершине холма Феррейра остановился и стоял довольно долго, пока не удостоверился, что его заметил конный французский разъезд. Он медленно двинулся навстречу ему по длинному восточному склону, давая французам возможность убедиться, что за ним никого нет, что их не заманивают в ловушку.

Минут через десять в полумиле от холма появились с десяток драгун. Всадники подъезжали, растянувшись цепочкой и обнажив сабли. Феррейра спешил, показывая, что не собирается убегать. Командовавший патрулем офицер огляделся, отыскивая скрытого врага, и, придя, очевидно, к выводу, что опасности нет, выехал вперед с половиной своих людей. Склон был сухой, и из-под копыт вырывались облачка пыли. Когда драгуны приблизились, майор развел в стороны руки, демонстрируя мирные намерения. Драгуны окружили его. Офицер в выгоревшем на солнце мундире приставил саблю к горлу португальца.

– У меня рекомендательное письмо, – сказал по-французски Феррейра.

– К кому?

– К вам. От полковника Баррето.

– А кто такой, черт возьми, этот полковник Баррето?

– Адъютант маршала Массена.

– Покажите письмо.

Феррейра достал из кармана сложенный лист, развернул его и протянул офицеру. В письме, мятом и грязном, говорилось, что податель сего заслуживает доверия и ему должно оказывать требуемую помощь. Баррето написал письмо, еще когда майор договаривался с ним о продаже муки, но пригодилось оно только сейчас. Драгунский офицер пробежал письмо глазами, еще раз посмотрел на португальца и вернул листок:

– Так чего вы хотите?

– Мне нужно повидаться с полковником Баррето.

Лишь через полтора часа они достигли деревушки Моуры, где отдыхали солдаты Нея, принимавшие участие в штурме ветряной мельницы возле Сулы. В доме на окраине орудовали армейские костоправы, и майору пришлось проехать мимо груды выброшенных в окно отрезанных рук и ног. На каменистом берегу, где деревенские женщины еще недавно стирали белье, лежали убитые. С большинства уже сняли форму, и белые, перепачканные кровью тела жарились на солнце. Феррейра, отвернувшись, проследовал за драгунами к холмику за деревней, где в тени мельницы маршал Массена подкреплял силы хлебом, сыром и холодным цыпленком. Майор спешил, и пока драгунский офицер искал среди адъютантов полковника Баррето, рассматривал поднимающийся вдалеке хребет. И кому только вздумалось бросать людей на такой крутой склон?

– Майор Феррейра? – прозвучал рядом недовольный голос, принадлежавший высокому мужчине в форме французского полковника. – Назовите хотя бы одну причину, почему вас не стоит поставить к стенке и расстрелять. – Полковник указал в сторону мельницы.

Когда-то Баррето служил в португальской армии, но после того, как в хаосе, охватившем страну в первые дни французского вторжения, обратившаяся против привилегированных классов милиция сожгла его дом и убила всю его семью, перешел на сторону французов. Перешел не потому, что возненавидел Португалию, а потому, что не видел для своей родины будущего,

если она не избавится от предрассудков и анархии. Барreto верил, что французы принесут с собой блага цивилизации, но только их нужно накормить.

– Вы обещали нам муку! – сердито добавил он. – А вместо этого едва не заманили в ловушку! Возле мельницы нас поджидала британская пехота!

– На войне, полковник, всякое случается и не все идет так, как нам хотелось бы. – Феррейра развел руками. – Мука была на месте, и мой брат тоже был там, а потом появились британцы. Я пытался их отослать – не получилось.

Майор понимал, что оправдание звучит слабо, что держаться следует увереннее, но ему было страшно. Причем боялся он не французов, а того, что его увидит в подзорную трубу кто-то из своих. До хребта было далеко, его синий португальский мундир так полинял, что вполне мог сойти за голубой французский, а страх все равно не проходил. Измена – дело тяжелое.

Барreto, похоже, принял его объяснение:

– Да, остатки муки я нашел. И все-таки какая жалость. Армия голодает. Знаете, что мы нашли в этой деревне? Полбочки лимонов! Ну и на что нам их употребить?

– В Коимбре полно продовольствия.

– Неужели? – скептически усмехнулся Барreto.

– Пшеница, овес, рис, бобы, финики, солонина, – перечислил Феррейра.

– И как нам, черт возьми, попасть в Коимбру? Может, подскажете? – Полковник перешел на французский, потому что к ним подошли несколько французских офицеров. Он кивнул в сторону хребта. – Между нами и Коимброй, если вы не заметили, стоят эти вот негодяи.

– Есть дорога в обход хребта.

– Дорога через Карамулу, где нас наверняка поджидают красномундирники. Сколько их там, майор?

– Англичан в Карамуле нет, только португальская милиция. Не больше полутора тысяч. Вы можете быть в Коимбре уже через три дня.

– За три дня британцы очистят город от продовольствия.

– Мой брат гарантирует вам трехмесячный запас продуктов, но только... – Феррейра запнулся.

– Только что? – спросил один из французов.

– Когда ваша армия входит в город, мсье, – смиренно сказал Феррейра, – солдаты ведут себя не очень хорошо. Грабежи, кражи, убийства... И так каждый раз.

– И что?

– Если ваши люди войдут в склад моего брата, что они сделают?

– Заберут все, что там есть, – ответил француз.

– И уничтожат то, что не смогут взять, – добавил майор и посмотрел на Барreto. – Мой брат, полковник, хочет вот чего. Во-первых, справедливой цены за продовольствие, которое он вам поставит. Во-вторых, чтобы вы обеспечили охрану его собственности после того, как вступите в город.

– Мы возьмем то, что нам нужно, – вставил другой француз, – а за продовольствие врагам не платим.

– Если я не скажу брату, что вы согласны, – уже тверже возразил Феррейра, – никаких припасов для вас в Коимбре не будет. Либо вы не получите ничего, либо заплатите и будете сыты.

Некоторое время все молчали, потом Барreto кивнул:

– Я поговорю с маршалом.

Полковник ушел. Один из адъютантов, высокий, худой майор, предложил португальцу шепотку табаку.

– Слышал, англичане возводят какие-то укрепления перед Лиссабоном. Это правда?

Феррейра пожал плечами, давая понять, что опасения его новых союзников беспочвенны.

– Один-два новых форта. – Только их он и видел, когда отправлялся из Лиссабона на север. – Ничего серьезного. Что они строят, мсье, так это новый порт в Сан-Жулиане.

– Где это?

– Южнее Лиссабона.

– Строят новый порт?

– И новую гавань, – кивнул майор. – Боятся, что, если начнут эвакуировать войска из Лиссабона, могут случиться беспорядки. Сан-Жулиан – местечко тихое, и там они смогут погрузиться на корабли без всяких проблем.

– Вы видели те форты?

– Они обращены в сторону главной дороги, но дорог в столицу ведет много.

– А эти укрепления далеко от Лиссабона?

– Около двадцати миль.

– И там тоже холмы?

– Да, но не такие крутые, как здесь. – Феррейра бросил взгляд в сторону хребта.

– Значит, они надеются задержать нас на тех холмах, чтобы успеть отступить к порту?

– Думаю, план именно таков, мсье.

– Что ж, продовольствие нам пригодится, – заключил француз. – А что еще хочет ваш брат, кроме денег и защиты?

– Он хочет выжить, мсье.

– Этого хотим мы все. – Француз посмотрел на оставшихся на склоне солдат в голубых мундирах. – Даст Бог, скоро вернемся во Францию.

К немалому удивлению Феррейры, Баррето возвратился не один, а с самим маршалом. Одноглазый Массена посмотрел в упор на майора, который выдержал пронзительный взгляд француза. Командующий показался ему старым и усталым.

– Скажите вашему брату, – сказал маршал, – что мы заплатим ему за припасы. Передайте также, что полковник Баррето обеспечит охрану его собственности. Вы ведь знаете, полковник, где находятся склады и дом?

– Узнаю от майора Феррейры.

– Хорошо. Моим людям давно пора поесть по-человечески.

С этими словами Массена вернулся к прерванному обеду – холодному цыпленку, сыру, хлебу и вину, – предоставив двум соотечественникам договариваться о цене за продовольствие и об охране складов. Когда все вопросы были улажены, Феррейра сел на коня и поскакал назад. Вернулся он, когда солнце уже клонилось к горизонту, а ветерок принес осеннюю прохладу истомившимся от дневной жары солдатам. И опять же никто не обратил на него внимания, никто не спросил себя, где это пропал майор несколько часов после сражения.

Войска ждали – на вершине хребта и в долине.

Часть вторая. Коимбра

Глава шестая

Весь следующий день обе армии провели на прежних позициях: союзническая – на хребте, французская – в долине. Время от времени солдаты затевали перестрелку на склоне, и тогда треск мушкетов и винтовок поднимал сидевших в кустах птиц, но в общем все было спокойно. Пушки молчали. Около полудня французы, без оружия и мундиров, поднялись на склон, чтобы забрать промучившихся всю ночь раненых. Некоторые из последних сумели за это время доползти до реки, другие успели умереть. Один вольтижер остался лежать среди камней недалеко от вершины, и ворон выклевывал ему глаза. Выставленные союзниками пикеты французам не мешали, отпугивая лишь тех, кто подбирался к вершине уж слишком близко. После раненых наступила очередь убитых – их относили в могилы, вырытые за укреплениями, которые доказали тщетность потраченных на их сооружение усилий, поскольку лорд Веллингтон не собирался спускаться с высот ради сомнительных выгод сражения в долине.

На замену погибшему прапорщику Айлиффу прислали лейтенанта Джека Буллена, девятнадцатилетнего парня, служившего в девятой роте. Что касается Слингсби, то Лоуфорд распорядился обращаться к нему как к капитану.

– В конце концов, его уже представили к этому званию в пятьдесят пятом, – объяснил полковник Форресту, – да и отличать от Буллена будет легче.

– Вы правы, сэр, отличать будет легче.

Тон майора Лоуфорду не понравился.

– Обычная учтивость, не более того. Имеете что-то против?

– Нет, конечно, сэр, хотя Шарпа я ценю больше.

– Что вы имеете в виду?

– Я имею в виду, сэр, что предпочел бы видеть во главе роты Шарпа. Он самый подходящий для этой работы человек.

– Шарп вернется, Форрест. Обязательно вернется... как только научится вести себя подобающим образом. Мы ведь сражаемся за цивилизацию, не так ли, майор?

– Надеюсь, – согласился Форрест.

– И мы никогда не достигнем этой цели, если не победим в себе грубость и неучтивость. А поведение Шарпа – вопиющий пример грубости и неучтивости! Я намерен искоренить эти пороки!

Скорее солнце погаснет, подумал Форрест. Сам он был человеком учтивым, рассудительным и благоразумным, но сильно сомневался, что кампания борьбы по улучшению манер укрепит боеспособность полка.

Настроение в полку преобладало гнетущее. Лоуфорд объяснял это понесенными потерями. Мертвецов уже похоронили на холме, раненых отдали на милость костоправам, и трудно сказать, кому повезло больше. В такой день, размышлял полковник, личный состав должно занимать каким-то делом, однако делать было абсолютно нечего, кроме как сидеть и ждать, не возобновят ли французы наступление. Лоуфорд распорядился почистить все мушкеты кипяченой водой, проверить и при необходимости заменить кремни и пополнить пороховые сумки – на все это ушло не больше часа, а настроение людей несколько не улучшилось. Полковник не отсиживался в палатке, ходил по лагерю, подбадривал солдат, то и дело ловя на себе укоризненные взгляды и слыша приглушенные и определенно недовольные комментарии. Он не обманывал себя, прекрасно понимая, в чем причина недовольства. Оставалось надеяться, что Шарп все же передумает и принесет соответствующие извинения, но стрелок упрямо скры-

вался от него и на примирение не шел, и в конце концов Лоуфорд обратился за помощью к американцу Лерою:

- Поговорите с ним.
- Он не станет меня слушать.
- Он вас уважает.
- Мне приятно ваше мнение, полковник, но ведь Шарп упрям как осел.
- Слишком уж много о себе мнит, вот в чем беда, – раздраженно бросил Лоуфорд.
- Он просто знает себе цену, – ответил Лерой, наблюдая за лениво кружащим в вышине канюком.

– Люди недовольны...

– Шарп – странный парень. – Лерой закурил длинную темно-коричневую сигару, которые поставляли португальские корабейники. – Обычно рядовые недолюбливают офицеров, поднявшихся снизу, но к Шарпу относятся с явной симпатией. Он их пугает. Они хотят быть такими же, как он.

– Не вижу ничего хорошего в том, что офицер пугает солдат, – проворчал Лоуфорд.

– На мой взгляд, весьма ценное качество, – не согласился американец. – Конечно, с ним нелегко, но солдат он чертовски хороший. Кстати, Слингсби обязан ему жизнью.

– Чепуха, – отмахнулся Лоуфорд. – Возможно, капитан Слингсби и завел роту слишком далеко, но, уверен, он и сам бы исправил свою ошибку.

– Я о другом. Шарп вчера подстрелил француза, который чуть было не отправил Слингсби в могилу. Должен признаться, лучшего выстрела я не видел.

Лоуфорд тем не менее не собирался обсуждать достоинства капитана:

– Стреляли вчера много, так что пуля могла прилететь откуда угодно.

– Может быть, – с сомнением сказал американец, – но признайте, полковник, Шарп был вчера чертовски полезен.

Лоуфорд насторожился. Уж не догадался ли Лерой, что именно Шарп посоветовал ему развернуть полк и ударить французам во фланг? Совет пришелся как нельзя кстати, позволив с честью выйти из трудной ситуации, но полковник уже убедил себя, что и без Шарпа принял бы точно такое же решение. Убедил он себя и в том, что капитан вознамерился поставить под сомнение его способность руководить полком, что совершенно недопустимо.

– Я лишь хочу, чтобы он извинился! – воскликнул Лоуфорд.

– Хорошо, я с ним поговорю, – пообещал американец, – но если мистер Шарп сказал, что не будет извиняться, то, боюсь, ждать вам придется до Судного дня. Разве что лорд Веллингтон заставит. Если Шарп кого и боится, так только его.

– Ну уж нет, Веллингтона я впутывать не стану! – встревожился Лоуфорд. Ему довелось послужить у генерала адъютантом, и он хорошо знал, что его светлость не любит, когда его донимают мелкими проблемами. К тому же такого рода просьба могла быть воспринята как доказательство слабости самого Лоуфорда. Получилось, конечно, некрасиво. Полковник понимал, что Шарп куда лучший офицер, чем Слингсби, но он обещал своей жене Джессике, что поспособствует карьере Слингсби, а обещания надо выполнять. – Поговорите с ним. Предложите извиниться письменно, может, его это устроит? Пусть просто напишет. Я сам отнесу Слингсби, а потом порву.

– Предложу.

С таким обещанием Лерой отправился на тыльный склон, где и обнаружил временного квартирмейстера в компании полковых жен. Все смеялись, однако притихли, когда появился Лерой.

– Извините, что помешал, леди. – Майор снял треуголку в знак почтения и знаком отозвал Шарпа в сторону. – Можно на пару слов? – Они отошли на несколько шагов. – Знаете, с чем я пришел?

– Догадываюсь.

– И?..

– Нет, сэр.

– Я так и думал. Боже, а это еще кто?

В этот момент майор смотрел на женщин, и Шарп сразу понял, что он имеет в виду привлекательную длинноволосую португалку, присоединившуюся к полку недель раньше.

– Ее нашел сержант Энейблз, – объяснил капитан.

– Господи! Ей ведь не больше двенадцати. – Лерой осмотрел остальных дам. – Черт, эта Салли Клейтон и впрямь хороша.

– Хороша, да замужем.

Лерой усмехнулся:

– Слышали историю об Урии? Хеттеянине?

– Хеттеянин? Кулачный боец? – спросил наугад Шарп.

– Не совсем. О нем упоминает Библия. У этого Урии была жена, и царь Давид возжелал ее, а чтобы муж не мешал, отправил Урию на войну и приказал поставить беднягу в передовую шеренгу. Там его и убили. Сработало.

– Я это запомню.

– Как же ее звали? Вылетело из головы. Только не Салли. Так что передать полковнику?

– Что у него теперь лучший в армии квартирмейстер.

Лерой усмехнулся и уже повернулся, чтобы уйти, но остановился:

– Вспомнил. Вирсавия.

– Вир... Что?

– Так ее звали. Вирсавия.

– Ну и имечко. Подошло бы кулачному бойцу.

– Только била она ниже пояса.

Американец еще раз приподнял треуголку и зашагал к полку.

– Он подумает, – доложил майор Лоуфорду через несколько минут.

– Будем надеяться.

Думал Шарп о чем-то или нет, сказать трудно, но извинения не последовало. Зато вечером армия получила приказ готовиться к отступлению. Французы уходили, очевидно узнав об обходной дороге, союзникам же предстояло выступить в направлении Лиссабона с рассветом. Исключение составил Южный Эссекский.

– Похоже, джентльмены, мы отступаем, – объяснил собравшимся офицерам Лоуфорд. За спиной у него ординарцы снимали палатку. Услышав удивленные голоса, полковник поднял руку. – Оставаться нельзя, иначе противник может нанести удар с фланга. Маневр необходим, чтобы не позволить им выйти нам в тыл. – Многие из офицеров недоумевали: зачем, одержав победу, отказываться от тактического преимущества. Между тем полковник продолжал: – У нас, джентльмены, приказ особый. Полк должен выступить уже вечером и поспешить в Коимбру. Марш предстоит долгий, но такова необходимость. Наша задача – уничтожить продовольственные запасы в складах у реки. Вместе с нами выступает и один португальский полк. Ответственность велика. Генерал хочет, чтобы вся провизия была уничтожена к завтрашнему вечеру.

– И что же, нам надо быть в Коимбре сегодня? – скептически спросил Лерой.

До города было никак не меньше двадцати миль – при всех условиях марш предстоял нелегкий, тем более что уже стемнело.

– Нам дадут повозки для багажа. На них погрузим и ранцы. Охранять их будут ходячие раненые. Женщин и детей также отправим с повозками. Пойдем налегке. И пойдем быстро.

– Как насчет передового отряда? – поинтересовался Лерой.

– Отправим квартирмейстера, он знает, что делать, – ответил Лоуфорд.

– Ночь. В городе, возможно, беспокойно, а тут еще два полка, которые нужно где-то разместить. На тыловиков рассчитывать трудно – они, скорее всего, будут пьяные. В одиночку даже Шарпу не справиться. Отправьте с ним меня.

Лоуфорд нахмурился, справедливо расценив предложение майора как выражение симпатии к опальному капитану, тем не менее, не найдя аргументов против, неохотно кивнул:

– Хорошо, так и сделаем. Что касается остальных, поступим так. Я хочу, джентльмены, чтобы мы вошли в Коимбру первыми. Нельзя допустить, чтобы нас опередили португальцы. Так что всем быть готовыми выступить через час.

– Легкая рота вперед? – спросил Слингсби.

Заняв место во главе роты, он преисполнился важности и показной деловитости.

– Конечно, капитан.

– Отлично, мы зададим хороший темп, – пообещал Слингсби.

– Проводник будет? – осведомился Форрест.

– Думаю, кого-нибудь найдем, но маршрут, в общем-то, нетрудный. Идем на запад до главной дороги, потом поворачиваем на север.

– Я найду, – уверенно заявил Слингсби.

– Что с ранеными? – спросил Форрест.

– Отправим на повозках. Мистер Ноулз, сможете это устроить? Прекрасно! – Лоуфорд улыбнулся, как бы говоря, ну вот видите, наш полк – одна большая и счастливая семья. – Итак, джентльмены, выступаем ровно через час.

После совещания Лерой отправился на поиски Шарпа, которого приглашением не удостоили.

– Мы с вами, капитан, отправляемся в Коимбру. Можете взять мою запасную лошадь, а слуга пойдет пешком.

– Что нам делать в Коимбре?

– Будем искать жилье для постоя. Полк выступает чуть позже.

– Вам вовсе не обязательно ехать со мной. Дело знакомое, я и один справлюсь.

– Хотите идти в город пешком и в одиночку? – Майор усмехнулся. – Нет, Шарп, я поеду с вами, потому что тащиться двадцать миль со всеми по ночной дороге удовольствие небольшое. Представьте, два полка на одной узкой дороге. Нет уж, увольте. Мы с вами поедem вперед, подберем жилье для постоя, найдем какую-нибудь таверну и подождем остальных. Ставлю десять гиней, что они и к рассвету в город не попадут.

– Не бросайтесь деньгами.

– А когда они все же туда доберутся, – весело продолжал Лерой, – то будут в премерзком настроении. Вот почему я назначил себя вашим помощником.

Через десять минут они спустились с холма. Солнце висело над горизонтом, тени вытянулись. Был конец сентября, и дни стали заметно короче. Первые повозки с ранеными британскими и португальскими солдатами уже выезжали на дорогу, и Шарпу с Лероем пришлось объехать их стороной. В ближайшей деревушке португальские офицеры убеждали оставшихся жителей уходить на юг. В вечернем воздухе пронзительные голоса звучали особенно громко. Какая-то женщина, в черном платье и с черным платком на голове, колотила метлой офицерскую лошадь, крича всаднику, чтобы убирался.

– Их можно понять, – заметил Лерой. – Они видели, что мы победили, и им странно слышать, что теперь нужно уходить из своей деревни. Оставлять дом – такое никому не нравится.

В голосе майора прозвучала горечь, и Шарп вопросительно взглянул на него:

– Вам тоже пришлось?

– Да, черт возьми. Нас вышвырнули эти проклятые бунтовщики. Пришлось бросить все и уходить в Канаду. Эти ублюдки обещали реституцию после войны, но мы не получили от

них ни пенни. Я был тогда мальчишкой, и мне происходившее казалось восхитительным приключением. Что взять с ребенка?

– Потом вы перебрались в Англию?

– Да. И дела шли отлично, Шарп. Просто отлично. Мой отец заработал неплохие деньги на торговле с бывшими противниками. – Лерой рассмеялся и наклонил голову, чтобы не зацепить низкую ветку. Некоторое время ехали молча. – Вы знаете что-нибудь об укреплениях на подступах к Лиссабону?

– Знаю только то, что рассказал Майкл Хоган.

– И что же он вам рассказал?

– Что это самые большие фортификации в Европе, – ответил Шарп и, заметив скептическую мину Лероя, добавил: – Больше ста пятидесяти фортов, и все соединены траншеями. Склоны скрыты, чтобы сделать их круче, в долинах установлены препятствия, на реках возведены плотины, все подходы простреливаются артиллерией. Две оборонительные линии, от Тежу до океана.

– И каков наш план? Укрыться за этими линиями и дразнить оттуда французов?

– Ждать, пока они все подохнут с голоду.

– Ладно, а что вы сами, Ричард? Будете извиняться? – Он рассмеялся, увидев, как скривился Шарп. – Полковник уступать не собирается.

– Я тоже, сэр.

– Останетесь квартирмейстером?

– Португальцы приглашают на службу наших офицеров. Там у меня и звание будет повыше. Конечно, уходить из роты не хочется. – Шарп подумал о Патрике Харпере и других парнях, которых считал друзьями. – Но Лоуфорду нужен Слингсби, а не я.

– Ему нужны вы, – заверил Шарпа американец, – просто полковник дал обещание и вынужден держать слово. Вы знакомы с его женой?

– Нет.

– Хороша, как картинка, и нежна, как дракон. Я сам был свидетелем того, как она едва не растерзала слугу за то, что бедняга позабыл сменить воду в вазе с цветами. Грозная женщина. Хорошо, что не она наш командир. – Майор затянулся сигарой. – И все-таки я бы на вашем месте не спешил переходить к португальцам. Есть у меня сильное подозрение, что мистер Слингсби сам себе яму выроет.

– Пьет?

– Перед сражением был в стельку. Едва на ногах держался. Однако ж к утру проспался.

В Коимбру въехали далеко затемно и только около полуночи нашли контору британского офицера, ответственного за связь с городскими властями. Самого офицера на месте не оказалось, но дверь открыл слуга, угрюмый малый в ночной шапочке с кистями. Проворчав что-то насчет неурочного часа, он все же осведомился, чем может помочь джентльменам.

– Мне нужен мел, – ответил Шарп, – а тебе – приготовиться к размещению двух полков. Они будут на рассвете.

– Ох господи... – простонал слуга. – Два полка? Мел?

– Да, по меньшей мере четыре палочки. Где тыловая служба?

– Дальше по улице, сэр, шестой дом отсюда, но если вам нужны пайки, то возьмите сами что хотите возле причала. Там тонны всякого добра, сэр.

– Нам бы фонарь не помешал, – вставил Лерой.

– Фонарь? Да, где-то должен быть.

– И еще нужна конюшня – поставить двух лошадей.

– Оставьте на заднем дворе, сэр. Там они будут в полной безопасности.

Позабывшись о лошадях и разжившись фонарем, офицеры двинулись вдоль улицы, помечая мелом двери: «ЮЭ» означало Южный Эссекский, а, к примеру, 4–6 – что в доме ста-

нут на постой шесть человек из четвертой роты. Пройдя несколько коротких улочек неподалеку от моста через Мондегу, они наткнулись на двух португальских офицеров, отмечавших дома для своего полка. К моменту окончания работы ни один из полков еще не прибыл, и Шарп с Лероем, отыскав на набережной таверну, в окнах которой еще светились огни, заказали вина, бренди и еду. Они едва успели съесть соленую треску, как с улицы долетел тяжелый стук сапог. Лерой не поленился подняться, открыть дверь и выглянуть наружу.

– Португальцы, – коротко сообщил он.

– Так они все-таки обставили наших. – Шарп покачал головой. – Полковнику это не понравится.

– Полковнику это очень не понравится. – Лерой уже собирался закрыть дверь, когда увидел на ней пометку – «ЮЭ, Полк., Адъют., ЛРО», – и ухмыльнулся. – Вы поместили сюда Лоуфорда и офицеров легкой роты, а, Шарп?

– Решил, что полковнику будет приятно разместиться с родственником. Все-таки свои люди.

– А может, подбрасываете мистеру Слингсби еще одно искушение?

Шарп сделал большие глаза:

– Боже, об этом я не подумал!

– Обо всем вы подумали, врун этакий. – Лерой притворил дверь. – Не хотел бы я иметь вас своим врагом.

Спать расположились в пивной. Проснувшись на рассвете, Шарп обнаружил, что Южный Эссекский еще не вошел в город. Направляясь к набережной, капитан видел ползущие по мосту подводы с ранеными. За некоторыми тянулся кровавый след. За ранеными проследовала изящная карета, запряженная четырьмя лошадьми и нагруженная под крышу сундуками, за каретой – фургон с вещами в сопровождении полудюжины утомленных слуг. И то и другое охраняли вооруженные штатские всадники. Переждав конвой, Шарп наконец вышел на набережную, где лежали груды продовольствия: мешки с зерном, бочки с солониной и ромом, ящики с сухарями. Здесь же стояли, привязанные к причалам, суденышки с написанными краской на носу именами владельцев. Португальские власти зарегистрировали все транспортные средства, чтобы уничтожить их в случае приближения к городу неприятеля. На половине судов значилось имя Феррейры, из чего Шарп сделал вывод, что они принадлежат Феррагусу. Охраняли эту флотилию несколько красномундирников. Один из них, увидев Шарпа, повесил на плечо мушкет и подошел поближе:

– Сэр, это правда, что мы отступаем?

– Правда.

Солдат чертыхнулся и кивнул в сторону гор провизии:

– А с этим что будем делать?

– Будем уничтожать.

Солдат снова чертыхнулся. Шарп же, вооружившись мелом, пометил для Южного Эссекского несколько ящиков с сухарями и бочонков с солониной.

Полк прибыл спустя пару часов. Как и предрекал Лерой, все устали, проголодались и были до крайности обозлены. Скорый марш налегке обернулся кошмаром: повозки загрохотали дорогу, тучи спрятали луну, и после двух неверных поворотов Лоуфорд распорядился остановиться посреди луга, чтобы продолжить путь с рассветом. Майор Форрест устало сполз с седла и хмуро посмотрел на подошедших Лероя и Шарпа:

– Только не говорите, что приехали прямо в город и ни разу не сбились с пути.

– Так оно и было, сэр. Мы еще и выспаться успели.

– Какой же вы гадкий, Шарп.

– Не представляю, как это вы ухитрились заплутать. Дорога-то прямая. Кто вас вел?

– Вам прекрасно известно, кто нас вел. – Форрест вздохнул и повернулся к грудам удовольствия. – И как мы все это уничтожим? У вас есть предложения?

– Бочки с ромом достаточно расстрелять. Муку и зерно сбросим в реку.

– Вижу, вы все продумали.

– Если хорошо выспаться, то и думается легко, сэр.

– Черт бы вас побрал!

Полковник ничего не хотел так сильно, как дать своим людям несколько часов отдыха, но португальцы уже взялись за работу, и британцы просто не могли позволить себе дрыхнуть, когда другие исполняют приказ. Собрав командиров рот, Лоуфорд распорядился заняться делом.

– Пусть люди приготовят чай, но завтракать придется на ходу. Здравствуйте, Шарп.

– Доброе утро, сэр.

– Надеюсь, у вас достаточно времени, чтобы все как следует обдумать.

Такое заявление потребовало немалой смелости, поскольку Лоуфорд предпочитал избегать неприятных ситуаций. Было бы куда легче, если бы Шарп принес извинения и все проблемы разрешились бы сами собой.

– Так точно, сэр, – с удивительной готовностью отозвался капитан.

– Вот и хорошо, – просиял Лоуфорд. – И?..

– Главная проблема – мясо, сэр.

Лоуфорд непонимающе уставился на капитана:

– Мясо?

– Бочки с ромом можно просто расстрелять, сэр, – бодро объяснил Шарп. – Зерно и муку высыплем в реку, но что делать с мясом? Оно не горит. – Он повернулся и посмотрел на громадные бочонки. – Если дадите мне несколько человек, сэр, я попытаюсь найти терпентина. Обольем им солонину. Думаю, даже лягушатники не станут есть мясо, смоченное терпентином. Или, может, облить его краской?

– Это уж вы сами решайте, – холодно ответил Лоуфорд, – а мне нужно подумать о полке. Вы нашли для меня что-нибудь?

– Таверна на углу, сэр. – Шарп протянул руку. – Там все отмечено.

– Я поработаю с бумагами, – важно сообщил полковник, намереваясь вздремнуть часок-другой, и, коротко кивнув Шарпу, подозвал ординарца и поехал в направлении таверны.

Капитан усмехнулся ему в спину и спустился на набережную, где солдаты распарывали штыками мешки с зерном и сбивали с бочонков крышки. Португальцы работали с большим энтузиазмом – они пришли раньше и успели немного поспать. Часть их ходила по улицам, отыскивая оставшихся жителей и понуждая их покинуть город, и Шарп уже слышал резкие протестующие голоса. Было еще рано. Над рекой висел туман, но западный ветер сменился на южный, обещая еще один жаркий день. Где-то сухо затрещали выстрелы, стайки пугливых птиц взмыли в воздух, и Шарп, обернувшись, увидел, что португальцы расстреливают бочки с ромом. Неподалеку такой же бочонок рубил топором Патрик Харпер.

– Эй, Патрик, а вы почему их не расстреливаете?

– Мистер Слингсби, сэр. Не позволяет.

– Не позволяет?

Харпер обрушил топор на следующую бочку, которая, расколовшись, выплеснула на камни поток рома.

– Говорит, сэр, что надо беречь боеприпасы.

– Для чего? Нам их девать некуда.

– Он так говорит, сэр. Приказывает не стрелять.

– Работайте, сержант! – Слингсби ловко пробрался между рядами бочонков. – Если хотите сохранить наши шивки, сержант, показывайте пример остальным! Доброе утро, Шарп!

Шарп медленно повернулся и оглядел своего преемника с ног до головы. Лейтенант пережил ночной марш и, может быть, спал в поле, однако выглядел сейчас подтянутым, бодрым и деятельным, пуговицы сияли, сапоги блестели, на мундире ни пятнышка. Слингсби, чувствуя себя неудобно под презрительным взглядом капитана, фыркнул:

– Я поздоровался, Шарп.

– Слышал, вы заплутали.

– Чепуха! Небольшой обход. Повозки загородили дорогу. – Слингсби прошел мимо, сердито покрикивая на солдат: – Живей! Живей! Шевелитесь! Война еще не закончилась!

– Возвращайтесь, сэр, – негромко сказал Харпер. – Христа ради...

Слингсби резко обернулся:

– Вы что-то сказали, сержант?

– Он со мной разговаривал, – ответил Шарп и, переступив через мешок, шагнул к лейтенанту, заставляя Слингсби пятиться и отступать в узкий проход между двумя штабелями ящиков, где их никто не мог слышать. – Он разговаривал со мной, ясно, кусок дерьма? И если ты еще хоть раз влезешь в мой разговор, я вырву тебе кишки через задницу и обмотаю ими глотку. Хочешь и об этом рассказать полковнику?

Слингсби задрожал, потом сделал над собой усилие, отвернулся и, словно ничего не случилось, исчез в проходе, проскользнул в щель, как преследующий крысу терьер, и хлопнул в ладоши.

– Живей! Покажите, что умеете! – отрывисто затыкал он.

Шарп последовал за ним, нарываясь на неприятности, но тут увидел группу португальцев во главе с капитаном Виченте, которые расстреливали бочки с ромом, и отвлекся, что спасло его от еще большей глупости в отношении Слингсби. Увидев друга, Виченте приветливо улыбнулся, однако поздороваться они не успели – на набережной появился Лоуфорд.

– Я не любитель жаловаться, Шарп, – жалобным тоном начал он, – и вам это прекрасно известно. Смею надеяться, что переносу неудобства наравне со всеми и многого не требую, но в той таверне совершенно невозможно... работать. Блохи в постели! Думаю, в этом городе можно найти что-то получше!

– Так вы хотите чего-нибудь получше, сэр?

– Да, Шарп, хочу. И побыстрее!

Шарп обернулся:

– Сержант Харпер! Пойдете со мной – вы мне понадобится. С вашего разрешения, сэр? – (Лоуфорду просьба показалась странной – на его взгляд, Шарп вполне мог справиться сам, – тем не менее он не стал спорить и только кивнул.) – Дайте мне полчаса, сэр. Через полчаса у вас будет самое лучшее жилье.

– Мне не нужно что-то особенное. Я не прошу дворец. Просто найдите что-нибудь достойное.

Подозвав к себе Харпера, Шарп подошел к Виченте:

– Вы ведь здесь выросли?

– Верно, я вам рассказывал.

– Знаете, где живет человек по имени Феррагус?

– Луиш Феррейра? – Лицо и голос португальского капитана отразили гамму чувств, от удивления до тревоги. – Я знаю, где живет его брат, но Луиш... Не знаю...

– Можете показать дом его брата?

– Ричард, – предупредил Виченте, – Феррагус не тот человек, с которым...

– Я знаю, кто он такой, – перебил друга Шарп. – Вот это его работа. – Он указал на исчезающий под глазом синяк. – Далеко отсюда?

– Минут десять.

– Покажешь?

– Только отпрошусь у полковника.

Виченте поспешил к полковнику Роджерсу-Джонсу, который сидел на лошади с открытым зонтиком в руке.

Разговор продолжался недолго. Полковник кивнул Виченте, и капитан зашагал по набережной.

– Через двадцать минут, сэр, все будет готово, – заверил Лоуфорда Шарп и, дернув Харпера за локоть, последовал за португальцем. – Ублюдок Слингсби, – бормотал он себе под нос. – Дрянь, паршивец, скотина...

– Я ничего не слышу, сэр, – сказал Харпер.

– Да я с него живого шкуру сдеру.

– С кого? – поинтересовался Виченте, сворачивая в переулок, где они натолкнулись на группу несчастных, готовившихся наконец покинуть город.

Мужчины и женщины связывали в узлы одежды, усаживали на спину детей и при этом жаловались каждому проходящему служивому на несправедливости судьбы.

– С одного ублюдка по имени Слингсби, – ответил Шарп, – но им мы займемся попозже. Что вам известно о Феррагусе?

– Только то, что его боится едва ли не весь город.

Виченте повел их через небольшую площадь, на которой стояла церковь с распахнутой дверью. Столпившиеся у входа женщины в черных платках испуганно поглядывали в сторону узкой улочки, из которой доносились устрашающие звуки: лязг железа, тяжелое уханье и скрип. Армия, выступившая из лагеря задолго до рассвета, лишь теперь вступила в город, и встревожившие женщин звуки производила спускавшаяся к мосту артиллерийская батарея.

– Вообще-то, он настоящий бандит, – продолжал Виченте, – хотя и рос в далеко не бедной семье. Его отец работал вместе с моим, и даже он называл сына чудовищем. В каждом стаде найдется паршивая овца. Наставить Феррагуса на истинный путь пытались многие, да ни у кого ничего не вышло. Его колотил отец, били Святые Отцы, но Луиш – не иначе как сатанинское отродье. – Капитан перекрестился. – Противиться ему осмеливаются немногие, ведь Коимбра – университетский город!

– Так твой отец преподает здесь?

– Да, он преподает право, но сейчас его здесь нет. Они с матерью уехали на север, в Порту, и живут с Кейт. Но люди вроде моего отца бессильны против таких, как Феррагус.

– Это потому, что твой отец законник. Ублюдки типа Феррагуса понимают только силу. Я знаю, как его окоротить.

– Он уже поставил тебе синяк.

– Ему досталось больше, – усмехнулся Шарп, с удовольствием вспомнив, как застонал Феррагус после удара в пах. – Полковнику нужно где-то остановиться, так что мы найдем дом Феррейры и отдадим его Лоуфорду.

– Не думаю, что из этого получится что-то хорошее. Война одно, а месть – совсем другое, и мешать их не стоит.

– Что ничего хорошего не получится, с этим я согласен, но в том-то и интерес – а что получится? Вам, сержант, такой расклад нравится?

– Да уж скучать, похоже, не придется, – хмуро ответил Харпер.

Поднявшись по вымощенной булыжником улице, они вышли на залитую солнцем площадь и направились к трехэтажному особняку из светлого камня с величественным крыльцом, боковым входом, который вел, очевидно, в конюшню, и тремя рядами закрытых ставнями окон. Дом был старой постройки, на что указывали и вырезанные в камне геральдические птицы.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.